

№ 2 (39)
2017

ВЕСТНИК

Дальневосточного
юридического института
МВД России

Выходит с 2001 г.
Периодичность –
четыре раза в год

Учредитель и издатель –
Дальневосточный
юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации

Редакционная коллегия:

Главный редактор
М. А. Тулиглов, к.
канд. юрид. наук, доцент

Заместитель
главного редактора
А. Н. Дерюга,
д-р юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь
А. А. Осадчий

Члены редколлегии:

Е. Ю. Антонова,
д-р юрид. наук, доцент;
И. М. Антонов,
канд. юрид. наук, доцент;
Д. А. Барин, к.
канд. юрид. наук, доцент;
А. С. Бахта,
д-р юрид. наук, профессор
(г. Москва);
В. Н. Бойко,
д-р юрид. наук, профессор;
Н. Н. Дерюга,
д-р юрид. наук, профессор;
Л. Н. Древал, к.
д-р юрид. наук, профессор;
Н. Н. Егоров,
д-р юрид. наук, профессор
(г. Москва);
И. С. Еремина,
д-р пед. наук,
канд. юрид. наук, доцент;
В. В. Кулыгин,
д-р юрид. наук, профессор;
Н. Е. Мерецкий,
д-р юрид. наук, профессор;

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история права и государства

Салтыков К. Г., Ищенко О. А. Особенности терминологической редукции понятия «процессуальный феномен» в праве / 5
Овчинникова О. Д., Шагания А. М. Некоторые проблемы соблюдения требований юридической техники в нормотворчестве органов внутренних дел / 9

Конституционное право. Муниципальное право

Васильева Н. А., Пермькова И. И. Основные тенденции экстремизма в Российской Федерации / 15

Уголовный процесс

Мерецкий Н. Е., Шурухнов Н. Г., Черенков А. В. О проблемах процессуальной регламентации расследования налоговых преступлений / 21
Бахта А. С., Нуриев И. Н. О содержании понятия разумного срока предварительного расследования / 26
Воробей С. Н. Вопросы повышения эффективности производства следственных и процессуальных действий в стадии возбуждения уголовного дела / 30
Мамошин М. А. О некоторых вопросах достижения объективной истины как цели доказывания в уголовном судопроизводстве России / 34
Черкасов В. С. Проблемы регулирования правового режима компьютерной информации в уголовном досудебном производстве / 40

Уголовное право и криминология.

Уголовно-исполнительное право

Антонова Е. Ю. Акт международного терроризма: уголовно-правовой анализ / 47
Никитенко И. В., Якушева Т. В. Координация преступных действий организованных групп: проблемы законодательства и правоприменительной практики / 54
Тулегенов В. В. Эффективность криминального профессионализма: критерии оценки / 58
Рябченко О. Н. Преступления против порядка управления по законодательству стран СНГ / 66
Степенко А. В. Современные тенденции женской преступности и выбор типа исправительного учреждения при назначении наказания в виде лишения свободы осужденным женщинам / 74

И. В. Никитенко,
д-р юрид. наук, доцент;
С. В. Супрун,
канд. юрид. наук, доцент;
С. Ю. Ударцев,
канд. юрид. наук, доцент
(г. Краснодар);
Н. А. Шабельникова,
д-р ист. наук, профессор
(г. Владивосток)

Редактор

Е. Ю. Колобанова

**Компьютерная верстка
и дизайн**

А. В. Ковалёв

Корректор

Н. Б. Хохлова

**Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных
изданий, в которых должны
быть опубликованы основные
научные результаты
диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени
доктора наук**

*Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство
ПИ № ФС77-37942
от 5 ноября 2009 г.*

Публикуемые материалы
отражают точку зрения автора,
которая может не совпадать
с мнением редколлегии.
Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 23.06.2017.
Бум. офис. Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 19,06.
Тираж 300 экз. Заказ № 17.
Цена свободная.
Подписной индекс 83731.

Дальневосточный юридический
институт МВД России.
Редакционно-издательский
отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск,
пер. Казарменный, 15.

Электронный адрес редакции:
e-mail: vestnikdvui@yandex.ru
Тел. (4212) 46-52-17
Тел./факс: (4212) 46-52-06

© ФГКОУ ВО ДВЮИ
МВД России, 2017

Колесников М. В. Проблемы квалификации превышения сотрудни-
ками правоохранительных органов должностных полномочий / **78**
Гусаренко Д. М. Особо ценные дикие животные как предмет уго-
ловно-правовой охраны / **82**

Рублев А. Г. Административно-правовые и уголовно-исполнитель-
ные аспекты исполнения наказаний: опыт Франции / **89**

Мальцев В. В. О некоторых вопросах противодействия коррупции / **94**

Мацкевич Р. С. Проблемы эффективности и интеллектуализации
правоохранительной деятельности в системе обеспечения эконо-
мической безопасности государства / **100**

Административное право. Административный процесс

Бойко В. Н., Салтыков К. Г. Становление института государственной
правоохранительной службы в России в постсоветский период / **107**

Дерюга А. Н. Правовой алгоритм кино-, фото- и видеосъемки члена-
ми общественных наблюдательных комиссий мест принудительного
содержания граждан в спецучреждениях полиции / **111**

Разувакин А. А., Тюкалова Н. М. О пробелах в нормативно-пра-
вовом регулировании обеспечения авиационной безопасности в
Российской Федерации / **115**

Прохорова Т. Ю. Некоторые аспекты нормативно-правового регу-
лирования защиты персональных данных / **120**

Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность.

Оперативно-розыскная деятельность

Ладошкин А. С. Преступления, связанные с формированием дока-
зательств в гражданском и арбитражном процессе, как объект кри-
миналистического исследования / **127**

Степанов М. Е. Инсценировки несчастного случая при сокрытии
убийств, совершенных организованными преступными группами
«черных риэлторов» / **133**

Ярошенко С. А. Вопросы оперативного обслуживания федеральных
автомобильных дорог и объектов, с ними связанных / **137**

Гражданское право. Предпринимательское право.

Семейное право

Болдырев В. А. Отзыв взыскателем исполнительного документа как
злоупотребление правом залога / **142**

Лаптев Д. Б., Могиливец О. М. Юридическая ответственность
управляющих многоквартирными домами организаций за наруше-
ние запретов в антимонопольной сфере / **148**

Ден Де Ун. Реестр уведомлений о залоге движимого имущества:
содержание и влияние на правоприменительную практику / **153**

Памяти ученого

Александр Николаевич Бабай / **159**

Информация для авторов / **163**

№ 2 (39)
2017

VESTNIK

of Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of the Russia

Published since 2001.
Quarterly

Founder and publisher -
Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of the Russia

Editorial board:

Editor-in-Chief
M. A. Tuliglovich,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;

Deputy Editor-in-Chief
A. N. Deryuga,
Doctor of Law, Associate Professor

Executive Secretary
A. A. Osadchy

Editorial staff:
E. Yu. Antonova,
Doctor of Law, Associate Professor;
I. M. Antonov,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;
D. A. Barinov,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;
A. S. Bakhta,
Doctor of Law, Professor
(Moscow);
V. N. Boiko,
Doctor of Law, Professor;
N. N. Deryuga,
Doctor of Law, Professor;
L. N. Dreval,
Doctor of Law, Professor;
N. N. Egorov,
Doctor of Law, Professor
(Moscow);
I. S. Eremina,
Doctor of Pedagogy,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate professor;
V. V. Kuligin,
Doctor of Law, Professor;
N. E. Meretsky,
Doctor of Law, Professor;

CONTENTS

Theory and history of law and state

Saltykov K. G., Ishchenko O. A. The peculiarities of terminological reduction of the concept of «procedural phenomenon» in law / **5**

Ovchinnikova O. D., Shaganyan A. M. Some problems of compliance with the requirements of legal technique in rule-making bodies of internal affairs / **9**

Constitutional law. Municipal law

Vasilieva N. L., Permyakova I. I. The main tendencies of extremism in the Russian Federation / **15**

Criminal procedure

Meretskiy N. E., Shurukhnov N. G., Cherenkov A. V. About problems of procedural regulation investigation of tax crimes / **21**

Bakhta A. S., Nuriev I. N. o. On the content of the concept of reasonable term of preliminary investigation / **26**

Vorobei S. N. Questions to increase efficiency of production of investigatory and procedural actions in the stage of excitation of the criminal case / **30**

Mamoshin M. A. About some questions of achieving objective truth as the purpose of proof in criminal proceedings of Russia / **34**

Cherkasov V. S. The problem of regulating the legal regime of computer information in criminal procedural law / **40**

Criminal law and criminology. Criminal-executive law

Antonova E. Yu. The act of international terrorism: criminal law analysis / **47**

Nikitenko I. V., Yakusheva T. V. Coordination of criminal acts of organized groups: problems of the legislation and law-enforcement / **54**

Tulegenov V. V. Efficiency of criminal professionalism: evaluation criteria / **58**

Ryabchenko O. N. Crimes against a management order according to the legislation of the CIS countries / **66**

Stepenko A. V. Contemporary trends in female crime and the choice of the correctional institution in imposing the penalty of imprisonment for imprisoned women / **74**

Kolesnikov M. V. Problems of qualification of exceeding official authority by law enforcement officials / **78**

Gusarenko D. M. Particularly valuable wild animals as a subject of criminal law protection / **82**

*I. V. Nikitenko,
Doctor of Law, Associate Professor;
S. V. Suprun,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;
S. Yu. Udartsev,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor
(Krasnodar);
N. A. Shabelnikova,
Doctor of History, Professor
(Vladivostok)*

Managing editor
E. Yu. Kolobanova

Typesetting and design
A. V. Kovalev

Proofreader
N. B. Khokhlova

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific results of theses on competition of a scientific degree of candidate of science and of a doctor of science should be published

The edition is registered in the Federal Service for communication, informational technologies and media control: Registration certificate ПИ № ФС77-37942 of November, 5, 2009.

The opinions of the authors may not always coincide with the editorial board's point of view. Manuscripts are not returned.

Signed for press on 23.06.2017.
Format 60×84 1/8. Size 19,06 printer sheets. Circulation 300 copies.
Order № 17. Free price.
Subscription index 83731.

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. Editorial office.
Printing House.
15, Kazarmenny pereulok,
Khabarovsk, 680020

E-mail: vestnikdvui@yandex.ru
tel. (4212) 46-52-17
tel./fax: (4212) 46-52-06

© Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017

Rublev A. G. Administrative-legal and criminally-executive aspects of corrections: the French experience / **89**

Maltsev V. V. About some questions of anti-corruption / **94**

Matskevich R. S. Problems of effectiveness and intellectualization of the law enforcement activity in the system of maintaining national economic security / **100**

Administrative law. Administrative procedure

Boyko V. N., Saltykov K. G. Formation of institute of state law enforcement services in Russia in the post-soviet period / **107**

Deryuga A. N. Legal algorithm of film, photo and video shooting by members of public monitoring commissions of places of compulsory detention of citizens in special police departments / **111**

Razuvakin A. A., Tkalova N. M. Gaps in the normative legal regulation of the aviation security in the Russian Federation / **115**

Prokhorova T. Yu. Some aspects of legal regulation of protection of personal data protection / **120**

Criminalistics. Forensic expert activity. Operative search activity

Ladoshkin A. S. Crimes related to the formation of evidence in civil and arbitration court proceedings as object criminalistics research / **127**

Stepanov M. E. Dramatization accident concealment murders committed by organized criminal group «black realtors» / **133**

Yaroshenko S. A. Questions of online maintenance of federal roads and the objects associated with them / **137**

Civil law. Business law. Family law

Boldyrev V. A. Withdrawal by the claimer executive document as the abuse of the mortgage right / **142**

Laptev D. B., Mogilevets O. M. Legal responsibility of managers of apartment buildings organizations for violation of the prohibitions in the antimonopoly sphere / **148**

Den De Un. The registry notifications about movable property bail: the contents and impact on legal practice / **153**

Memory of a scientist

Aleksandr Nikolayevich Babai / **159**

Information for authors / **163**

УДК 340

ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕДУКЦИИ ПОНЯТИЯ «ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН» В ПРАВЕ

Константин Геннадьевич Салтыков, доцент кафедры, кандидат юридических наук, доцент;
Олеся Алексеевна Ищенко, доцент кафедры, кандидат юридических наук, доцент
(Дальневосточный юридический институт МВД России)

E-mail: saltykov-konst@mail.ru
ishenkolesya@mail.ru

Статья посвящена исследованию связи права с реальным поведением субъектов путем обращения к анализу правовых феноменов, опосредующих ее, а также изучению процессуальных слагаемых в границах обозначенной проблемной области. Указывая на то, что особенности терминологической референции процессуальных феноменов – мало исследованная в праве проблема, влекущая процесс амплификации и расширения границ контекстной семантики в процессе интерпретации юридических терминов, авторы приходят к выводу о необходимости оптимизации денотации понятия «процессуальный феномен» в праве и установления закономерности его терминологической референции в целях более точного употребления в юридическом языке.

Ключевые слова: понятийный аппарат; правовое регулирование; интерпретация; процессуальный характер феномена; природа юридического термина; правоприменительная практика.

THE PECULIARITIES OF TERMINOLOGICAL REDUCTION OF THE CONCEPT OF «PROCEDURAL PHENOMENON» IN LAW

Konstantin Gennadyevich Saltykov, chair associate professor, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor;
Olesya Alekseevna Ishchenko, chair associate professor, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor
(Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

The article is devoted to the study of communication law with the real behavior of agents by reference to the analysis of legal phenomena underlying it, in addition the study of the procedural terms within the boundaries of designated areas of concern. Pointing to the fact that the characteristics of terminological references procedural phenomena its problem little studied in law, which leading to a process of amplification and extension of the boundaries of contextual semantics in the process of interpretation of legal terms, the authors come to the conclusion that a more precise definition of the concept of «procedural phenomenon» the law and the establishment of laws of its terminological references to better use in law enforcement.

Keywords: a set of concepts; legal regulation; interpretation; procedural dimension of the phenomenon; the essence of the legal term; law-enforcement practice.

Современные научные исследования в области права характеризуются непрекращающимся увеличением объема научной информации, обретением новых смыслов, представлений, интерпретаций, возникающих у человека в результате получения им данных, взаимосвязанных с предшествующими знаниями и понятиями [17, с. 82]. Этим объясняется необходимость формирования у юриста правового мировоззрения, верного представления обо всех основных процессуальных явлениях и об отражающих их правовых понятиях и категориях, которыми оперирует доктрина и судебная практика [4, с. 8]. При этом когнитивная ситуация осложняется тем, что для многих элементов понятийного аппарата права вообще не удастся выделить соответствующую *certa res* материального мира. Например, А. Ф. Черданцев, пытаясь установить реальность бытия объекта, находящегося в резидентных отношениях с понятием «механизм правового регулирования», указывает на то, что «такого реально существующего объекта, как механизм правового регулирования, в природе не существует» [19, с. 126].

В то же время одним из проявлений специфики регулирования наиболее важных общественных отношений является высокая степень обобщенности нормативного материала, содержащегося в Конституции Российской Федерации и федеральных конституционных законах. Кроме того, в том случае, если федеральные законы, принятые в сфере совместного ведения Федерации и ее субъектов, носят рамочный характер, определяя общие основы правового регулирования, их нормам также свойствен некоторый общий характер. Это позволяет обеспечить гибкость и эффективность правового регулирования как на федеральном уровне, так и на уровне регионов.

Наряду с этим в зарубежном правовом дискурсе нередко упоминается об актах, не являющихся источниками права, не имеющих обязательной юридической силы, но влекущих определенные правовые последствия, нацеленных на них и практически приводящих к таким последствиям. Их текст не содержит юридически обязательных предписаний в обычном смысле, но может выступать основой для разработки юридически обязательных источников либо служить средством их интерпретации, или может включать положения, регламентирующие социальные взаимодействия, входящие в предмет правового регулирования [20, с. 7].

Подобный правотворческий подход вызывает у представителей юридической науки оговорки о наличии многообразия доктринальных позиций, основанных либо на незначительных различиях в восприятии, либо на принципиально иной трактовке явлений правовой действительности [12].

В сложившейся ситуации, когда законодатель, стремясь наиболее полно охватить общественные отношения диапазоном юридических предписаний, сознательно допускает многозначность правовых норм, а также категорий, фиксирующих юридическое значение явлений и предметов в зависимости от фактической ситуации, оправданным с научной точки зрения представляется исследование связи права с реальным поведением субъектов путем обращения к анализу правовых феноменов, опосредующих ее. Однако изучение феномена как проявления внешних свойств и отношений, раскрывающих сущность предмета познания, предполагает решение проблемы его терминологической редукции в условиях наличия обязательных требований по обеспечению необходимого юридического формализма. Очевидна целесообразность толкования правовых понятий с помощью специальной юридической терминологии, в определенной мере уточняющей содержание и объем их оценки в правовом регулировании.

Особенности терминологической референции правовых феноменов – мало исследованная проблема, напрямую связанная с необходимостью раскрытия «специфики термина во всей ее сложности и объеме» [3, с. 265]. При этом изучение процессуальных слагаемых в границах обозначенной проблемной области играет важную роль, объясняющуюся тем, что знаковая природа юридического термина (семиотическая сущность) не совпадает в полном объеме с общеупотребительной лексикой литературного языка. Прилагательное «процессуальный», выступающее в качестве компонента различных юридических терминов, имеет для конкретной научной области специальное, специфическое значение. Поэтому изучение множества процессуальных феноменов в сфере права невозможно без использования «особой номинативной лексической единицы специфического языка, используемой для точного именования специальных понятий» [4, с. 11].

Практическая значимость таких исследований состоит в том, что оценка юридических терминов при более или менее строгом учете фактических обстоятельств может повлечь существенную модификацию условий применения закона путем интерпретации специальной лексики и придания ей такого смысла, который, например, по мнению суда, сегодня в наибольшей степени соответствует требованиям справедливости [18]. Это позволяет утверждать, что

разъяснение содержания явлений правовой действительности в судебных актах происходит через раскрытие содержания терминологических референтов правовых феноменов.

Понятие «процессуальный феномен» часто оказывается в фокусе внимания исследователей в ходе изучения особенностей правоотношений, имеющих частнопубличную природу. Так, И. Н. Тарасов, исследуя категорию «судебные издержки», отмечает, что последние «как процессуальный феномен являются результатом трансформации материальных (гражданско-правовых) положений» [16]. В публично-правовой сфере к процессуальным феноменам относят, например, особый порядок производства по уголовному делу [2, с. 11].

Для определения границ исследуемой области и вектора исследовательской активности необходимо рассмотреть особенности денотации понятия «процессуальный феномен» в праве и установить закономерности его терминологической референции.

На сегодняшний день подходы к терминологическому отражению понятия «процессуальный феномен» в юридической науке не имеют единого знаменателя. Нет оснований для констатации реальных перспектив объединения доктринальных позиций по вопросу упорядочения терминопотребления в рассматриваемой сфере.

В юридической литературе термин «процессуальный феномен» как референт соответствующего понятия употребляется не всегда. Например, обращаясь к институту третейского разбирательства, С. А. Курочкин рассматривает его как правовой феномен, относящийся ко множеству процессуально-правовых явлений (при этом не исключаются присущие ему некоторые материально-правовые черты) [10]. В другом случае, при анализе процессуально-правового положения (статуса) адвоката-защитника, оно характеризуется как феномен, имеющий процессуально-правовые аспекты [1, с. 273]. Аналогичным образом, указывая на феномен, имеющий уголовно-процессуальный аспект, Г. А. Кокурин дает оценку понятию «результаты оперативно-розыскной деятельности» [9, с. 93–97]. М. Ш. Пацация ведет речь о феноменах, известных в цивилистической правовой доктрине, либо о феноменах гражданского процессуального права [13, с. 63–75]. Обращение к категории «законный интерес» в контексте работ М. А. Гурвича, Р. Е. Гукасяна, В. В. Бутнева позволяет вести речь о процессуально-правовой модели соответствующего феномена [8].

Опасность сложившейся гносеологической ситуации заключается в возможности возникновения сомнений в практической ценности теорий, объясняющих природу процессуальных феноменов в праве. Это неизбежно повлечет обеднение теоретической базы правового регулирования важнейших процессуальных отношений в таких областях, как, например, конституционное правосудие, среди особенностей которого можно назвать то, что «юридическая сила итоговых решений конституционных судов превосходит любой закон, кроме самой Конституции, но и ее смысла на практике отождествляется с интерпретациями, исходящими от конституционной юстиции» [6].

Кроме того, понятие «процессуальный феномен» обладает в известной степени оценочным характером, то есть является конструкцией с открытым содержанием, интерпретация которой осуществляется путем оценки обоснованности ситуационных отклонений от стандартов, закрепленных в законе и/или разъяснениях высших судебных инстанций посредством установления определенных эталонов или перечисления критериев для их определения [11, с. 7]. Появление множества терминологических референтов понятия «процессуальный феномен» провоцирует процесс амплификации и расширяет границы контекстной семантики в процессе интерпретации юридических терминов.

Между тем обращение к справочной литературе обеспечивает возможность сформировать представление о словарном составе не как о сумме значений, а как о закономерной связи слов, обладающих коммуникативной значимостью. Этимология и семасиология термина «процесс» позволяют говорить о том, что кроме значений, связанных с «ходом какого-либо явления, последовательной сменой состояний, стадий развития» и «совокупностью последовательных действий для достижения какого-либо результата», он может быть истолкован как «судебное дело; порядок осуществления деятельности следственных, административных и судебных органов» [14, с. 407].

Таким образом, указание на процессуальный характер феномена как элемента правовой действительности предполагает его тесную связь с порядком, а значит, с процедурой, со всем, что имеет процедуру и что процессуально. Отсюда понятие процессуального феномена соответствует множеству, включающему в свой состав правовые процедуры разного характера, различные виды судопроизводства – иными словами, судебные процессы и иные явления, ко-

торые строго регламентированы нормами права, имеют юридическое значение, осуществляются в строгой последовательности с соблюдением определенных этапов (стадий).

Такое понимание содержания понятия «процессуальный феномен» в праве предполагает проведение исследования с учетом используемых при этом правовых средств, определяемых относительно той или иной отрасли права, которой соответствует свой процесс, а значит, и особенности процессуальной феноменологии. При этом для разнообразных процессуальных феноменов общим будет наличие действующих правовых средств конкретной отрасли права и определенный порядок (процедура) производства каких-либо действий или принятия решений, выступающий как предмет регулирования [7, с. 22–25].

Понятие «процессуальный феномен» и аналогичный термин неотделимы друг от друга в своем возникновении и функционировании. Термин является материальной основой понятия, без которой невозможно ни его образование, ни оперирование им. Для термина «процессуальный феномен» именуемое понятие одновременно есть именуемый объект, так как за термином всегда стоит предмет мысли, но не мысли вообще, а специальной, ограниченной определенным полем [15, с. 34].

Описание и изучение процессуальных феноменов в юридической науке напрямую связано с необходимостью номинации понятийной конструкции, охватывающей эмпирические свойства процессуально-правовых явлений, максимально универсальной терминологической единицей. Представляется, что формирование горизонта консенсуса в данном случае может быть связано именно с термином «процессуальный феномен», более широкое использование которого позволит обеспечить переход от номинативной неопределенности к лексическому единству при помощи частной конкретизации юридического языка.

Дальнейшая разработка связи рассматриваемого термина с концепцией процессуального феномена в юриспруденции будет способствовать обеспечению качественного формирования логико-понятийных основ употребления специальной лексики и «интеллектуальной чистоты» юридической терминологии.

Процесс становления и развития специальных знаний в области юриспруденции определяет степень содержательной и функциональной насыщенности специальной лексики. При этом стремление уточнить содержательные границы номинаций, отбирая наиболее точное терминологическое наименование понятия из серии возможных вариантов, в правоведении по-прежнему диалектически сочетается с весьма условным характером деления терминов по степени конкретности на однозначные и требующие толкования [5]. Выступая за актуализацию использования в языке юридической науки термина «процессуальный феномен» в целях референции соответствующего элемента понятийных основ права, не следует забывать о динамике формирования понятий, отраженных в терминах.

Литература

1. Адвокатура в России: учебник / под ред. Л. А. Демидовой, В. И. Сергеева. М.: Юстицинформ, 2004.
2. Александров А. С., Александрова И. А. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ // Уголовный процесс. 2009. № 8.
3. Головин Б. Н., Березин Ф. М. Терминология // Общее языкознание. М., 1979.
4. Гражданский процесс: учебник / под ред. М. К. Треушников. М.: Городец, 2007.
5. Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2009.
6. Зорькин В. Д. Право против хаоса // Библиотечка «Российской газеты», 2016. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Ильин И. С., Смирнов В. А. Вопросы комплексного применения уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных средств в противодействии организованной преступности // Российский следователь. 2014. № 9.
8. Кляус Н. В. Теоретические направления понимания законного интереса // Вестник Омского университета. 2003. № 3.
9. Кокурин Г. А. К вопросу о понятии результатов оперативно-розыскной деятельности // Бизнес, менеджмент и право. 2015. № 1.
10. Курочкин С. А. и др. Третейское разбирательство в Российской Федерации / под ред. О. Ю. Скворцова. М.: Волтерс Клувер, 2010.
11. Мазур О. В. Требование разумности в соотношении с требованием добросовестности в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2012.
12. Оксамытный В. В. Общая теория государства и права. М.: Юнити-Дана, 2012.

13. Пацация М. Ш. Принцип процессуальной активности суда или принцип судебного руководства процессом? // Закон. 2016. № 1.
14. Словарь иностранных слов. 15-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1988.
15. Суперанская А. В. Общая терминология: вопросы теории. М.: Наука, 1989.
16. Тарасов И. Н. Категория «судебные издержки» в гражданском процессуальном праве // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 8.
17. Фридланд А. Я. О сущности информации: два подхода // Информационные технологии. 2008. № 5.
18. Щечоев В. К., Ротко С. В., Цыганаш В. Н. История, теория, перспективы развития правосудия и альтернативных юридических процедур в России: учеб. пособие. М.: Проспект, 2016.
19. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993.
20. Peters A., Pagotto I. Soft Law as a New Mode of Governance: A Legal Perspective // NEWGOV: New Modes of Governance. 2006. URL: <http://ssrn.com/abstract=>

УДК 340.113.2:351.74

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В НОРМОТВОРЧЕСТВЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Олеся Дмитриевна Овчинникова, доцент кафедры, кандидат юридических наук;
Аннета Михайловна Шаганян, доцент кафедры, кандидат юридических наук
(Барнаульский юридический институт МВД России)

E-mail: olesya901@mail.ru
sha-anneta@mail.ru

В статье раскрываются особенности ведомственного нормотворчества как разновидности нормотворчества в целом. Отмечается ряд проблем, возникающих в органах внутренних дел при подготовке проектов ведомственных правовых актов. Приводятся примеры, ярко демонстрирующие ошибки, возникающие в ведомственном нормотворчестве, а также обсуждаются проблемы соблюдения юридической техники в нормотворчестве органов внутренних дел.

Ключевые слова: нормотворчество органов внутренних дел; юридическая техника; ведомственное нормотворчество; ошибки; пробелы; проблемы подготовки ведомственных правовых актов.

SOME PROBLEMS OF COMPLIANCE WITH THE REQUIREMENTS OF LEGAL TECHNIQUE IN RULE-MAKING BODIES OF INTERNAL AFFAIRS

Olesya Dmitrievna Ovchinnikova, chair associate professor, *kandidat nauk*, degree in Law;
Anneta Mikhailovna Shaganyan, chair associate professor, *kandidat nauk*, degree in Law
(Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

In the article the features of departmental rule-making as a kind of rule-making in general. It noted a number of problems arising in the internal affairs bodies in drafting departmental regulations. Examples, clearly demonstrates the errors that occur in a departmental rule-making and compliance issues of legal technique in rule-making bodies of internal affairs.

Keywords: rule-making bodies of internal affairs; legal advice; departmental rule-making; errors; gaps; challenges drafting departmental regulations.

В современном цивилизованном государстве нормотворческая деятельность основывается на определенных принципах, основных идеях, организационных началах, обуславливающих сущность, наиболее характерные черты и свойства этого процесса и являющихся показателем ее качества и эффективности. Соответственно любой из видов нормотворчества, и ведомственное нормотворчество органов внутренних дел – не исключение, основывается на таких принципах, как законность, профессионализм, научность, соответствие ведомственных норм социальным интересам и потребностям сотрудников органов внутренних дел, конкретизация, ясность, доступность нормативных предписаний.

Вопросы нормотворчества всегда являлись предметом пристального внимания многих исследователей и нашли широкое отражение в юридической науке с учетом его междисциплинарного характера. В частности, данные проблемы, а также их связь с различными правовыми явлениями рассматривались в работах С. С. Алексеева [2], Н. А. Власенко [3], Т. В. Кашаниной [4], Д. А. Керимова [5], И. В. Котелевской [6], В. В. Лазарева [7], М. Н. Марченко [8], А. Нашиц [9], В. В. Лазарева, В. С. Афанасьева, Н. А. Гранат [10], С. В. Полениной [12], А. А. Ушакова [15], А. С. Пиголкина [11], Т. Н. Радько [13], Ю. А. Тихомирова [14], Г. Ф. Шершеневича [16] и многих других.

По сравнению с законодательным регулированием, осуществляемым на федеральном уровне, ведомственное нормотворчество отличается некоторым своеобразием, которое выражается прежде всего в том, что оно осуществляется непосредственно в органах внутренних дел, основано на федеральных законах и подзаконных нормативных правовых актах федерального уровня и не может противоречить им. Кроме того, ведомственное нормотворчество, главным образом развивая, уточняя и конкретизируя положения нормативных правовых актов федерального уровня, более конкретизированно упорядочивает общественные отношения, которые обладают определенной спецификой и не полностью урегулированы в централизованном порядке.

Таким образом, ведомственное нормотворчество органов внутренних дел – это деятельность управомоченных субъектов, являющаяся частью механизма правового регулирования, осуществляемая на делегированной или компетенционной основе и направленная на разработку, принятие и отмену норм (правил) общего характера, регламентирующих разнообразные сферы деятельности органов внутренних дел, а также взаимоотношения сотрудников данной правоохранительной структуры.

В преддверии масштабного реформирования органов внутренних дел отмечалось низкое качество подготавливаемых законодательными органами нормативных правовых актов Российской Федерации, не в полной мере отвечающих требованиям юридической техники. Подобное обстоятельство не могло не коснуться и законодательства, регулирующего сферу внутренних дел. Как и федеральные нормативные правовые акты, так и ведомственные содержали в себе значительное количество ссылочных, бланкетных, дублирующих и коллизионных норм права. Нередко процессуальные нормы противоречили материальным нормам. Кроме того, имели место отдельные пробелы в нормативном правовом регулировании деятельности органов внутренних дел.

Федеральный закон «О полиции» стал основой масштабной модернизации правовой базы деятельности системы МВД России, которая подверглась глобальной переработке. Кроме того, проведена масштабная работа по разработке нормативных правовых актов федерального уровня и внесению изменений в КоАП РФ, УК РФ, УПК РФ, обновлена, скорректирована и консолидирована ведомственная правовая база. Одновременно с этим шла работа по мониторингу правоприменения нового законодательства, регулирующего деятельность органов внутренних дел, и его точечная доводка [1, с. 39].

Нормотворчество также осуществлялось и по всем направлениям деятельности территориальных органов МВД России. С учетом новых реалий и изменений нормативного правового регулирования разрабатывались правовые акты, начиная от статусных документов подразделений и заканчивая регламентацией отдельных полномочий.

Данная работа продолжается, и анализ выявляемых ошибок и пробелов позволяет выделить наиболее типичные проблемы при подготовке проектов ведомственных правовых актов.

Порядок подготовки нормативных правовых актов в системе МВД России урегулирован приказом МВД России от 27 июня 2003 г. № 484 «Об утверждении правил подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России» (ред. от 28.12.2016), который поэтапно регламентирует подготовку ведомственных правовых актов. На каждой из стадий их подготовки и оформления можно отметить следующие наиболее часто встречающиеся недостатки:

1. При разработке концепции проекта ведомственного правового акта отмечается отсутствие консолидированного решения в отношении подготавливаемого проекта (как следствие – избирательность положений проекта в пользу одних подразделений и в ущерб деятельности других подразделений). Кроме того, может быть ошибочно установлен круг субъектов, на которых направлен предмет регламентирования и предмет нормативной регламентации. Прослеживаются нечеткая, противоречивая формулировка целей проекта; неверно опреде-

ленные пути достижения правовых целей; несогласованность проекта с принципами, нормами и тенденциями законодательства.

2. Нередко страдает и логика проекта ведомственного правового акта: несоблюдение принципов и правил формальной логики при подготовке проектов; противоречивость (коллизии), отсутствие системности и внутренней согласованности проекта; использование алогизмов, дублирование смысла уже имеющихся норм. Достаточно распространенным дефектом выступает тавтология, то есть повторение или двойное употребление в тексте близких по смыслу синонимов без оправданной необходимости.

3. При формулировании правовых предписаний проекта ведомственного правового акта встречаются следующие недостатки: произвольное использование юридических понятий и терминов; неконкретность, избыточность правовых предписаний; неопределенный характер формулировки, который порождает неоднозначность правоприменительной практики; отсутствие дифференцированного подхода к используемым понятиям; несоответствие определений одного и того же понятия; использование устаревших понятий, а также не утвердившихся как в юридической науке, так и на практике терминов; информационная избыточность; отсутствие понятийной согласованности между понятиями различных отраслей законодательства и (или) между понятиями законодательства и общераспространенными (социальными) понятиями и отсутствие расшифровки специфических терминов; наличие дублирования и неточность понятий.

4. При включении в проект ведомственного правового акта отдельных словообразований и использование словосочетаний, правовое содержание которых не определено (например, «повышенное внимание»); употребление конструкций, не выражающих управленческую волю в явном виде (вместо конструкции «субъект обязан», «субъект должен» используется «субъект делает»); применение оценочных понятий, характеризующихся употреблением наречий и прилагательных типа «разумный», «добросовестно», «качественно», «полезный».

5. Во многих случаях страдает и язык проекта ведомственного правового акта, поскольку допускаются синтаксические, грамматические, орфографические, фактографические погрешности. Например, по результатам выборочной проверки приказов, изданных в проверенных территориальных органах МВД России на районном уровне, отмечено низкое качество их правовых экспертиз (в приказах имеются множественные юридико-технические, синтаксические, грамматические ошибки; используемая терминология не согласуется с нормативными правовыми актами)*. Встречаются и отступления от официального языка правотворчества – функционального стиля литературного языка, обыкновенные нарушения норм русского языка. Авторами применяются сложные грамматические конструкции, не всегда к месту употребляются причастные и деепричастные обороты, используются сложноподчиненные предложения. Некоторые проекты ведомственных нормативных правовых актов не обходятся без употребления метафор и образных выражений, использования архаизмов, диалектизмов, жаргонизмов, иностранных слов и терминов.

6. Присутствуют недостатки и в структуре (графике) текста проекта ведомственного правового акта: непоследовательность в изложении материала; значительная насыщенность проекта математическими выкладками, цифровыми диаграммами и формулами свидетельствует о существовании опасности принципиальной невозможности «перевода» регламентируемой деятельности на юридический язык; несоответствие вносимых изменений текстам изменяемых правовых актов; отступление от унифицированных схем-шаблонов, предусмотренных для конкретной юридической конструкции; несоблюдение требований, предъявляемых к преамбулам и реквизитам локального нормативного акта; несоответствие наименования разделов статусных документов содержанию.

7. При оформлении текста проекта ведомственного правового акта допускается наибольшее количество ошибок и несоответствий: несоблюдение требований, предъявляемых к оформлению сносок и примечаний; отсутствие или неправильное указание нормативных правовых актов, на которые делается ссылка в проекте; разработка ведомственного правового акта на основе нормативного правового акта, утратившего юридическую силу. Так, в статусных документах допускаются ссылки на недействующий Закон Российской Федерации «О милиции» (МО МВД России «Заринский» Алтайского края, МО МВД России «Усть-Калманский» Алтайского края). Используется терминология, не предусмотренная Федеральным законом

* Обзор основных результатов правовой работы в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации в 2014 г. URL: cfoyt.mvd.ru/Obzor_2014.doc

«О полиции»: «полиция общественной безопасности», «криминальная полиция» (МО МВД России «Алейский» Алтайского края)*.

Допускаются погрешности в виде: неправильного написания названий органов государственной власти, иных государственных органов и организаций, подразделений системы МВД России, упоминаемых в проекте (при упоминании в проекте органов и организаций, не имеющих официально установленных наименований, правильность написания их наименований устанавливается по статусным документам данных органов и организаций); неверного написания дат (при этом обращается внимание на то, что форматы написания дат в качестве определения промежутка времени и даты в качестве части реквизита правового акта различны); несоблюдения установленных шрифтов и их размеров, а также размеров, определенных для текстового поля документа; неправильного оформления приложений к проекту (если в тексте проекта приводятся таблицы, графики, образцы документов, бланки, то они должны помещаться в приложениях к проекту, а в тексте правового акта делаются ссылки на них); использования различных наименований одного и того же термина (например, «нормативно-правовой акт» и в этом же документе «нормативный акт»).

Допускается громоздкость наименования правового акта, содержащего несколько искусственно связываемых предложений, не позволяющих сразу и точно определить предмет регламентации.

8. Формальный подход к согласованию ведомственного правового акта заинтересованными службами (совпадение времени согласования большого по объему ведомственного правового акта с заинтересованными подразделениями и подписание его начальником).

Отсутствие согласований с заинтересованными службами и подразделениями. В Обзоре основных результатов правовой работы в системе МВД РФ за 2014 г. отмечены факты подписания приказов, не прошедших правовую экспертизу (МВД по Республике Калмыкия, УМВД России по Владимирской области).

Необходимо обратить внимание и на допускаемые компетенционные ошибки, которые являются серьезным недостатком изданных ведомственных правовых актов.

Например, Положение об отделении полиции «Куркинское» МО МВД России «Кимовский» утверждено на основании Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне, утвержденного приказом МВД России от 21 апреля 2011 г. № 222, вследствие этого полномочия и задачи данного отделения полиции расширены до районного уровня. В обязанности начальника пункта полиции «Товарковский» МО МВД России «Богородицкий», согласно Положению о пункте полиции, включены только полномочия по организации, планированию и координации деятельности пункта полиции на территории обслуживания, а также по осуществлению докладов руководству о результатах работы (УМВД России по Тульской области).

В положениях о структурных подразделениях территориальных органов указывается их подчиненность, не соответствующая штатному расписанию территориального органа. Также допускается включение в статусные документы полномочий, не входящих в компетенцию руководителя. Имеет место некорректное изложение функций сотрудника, являющегося единственным сотрудником данного подразделения (например: осуществляет непосредственное руководство деятельностью подразделения, контролирует исполнение нормативных правовых актов, контроль за работой других сотрудников)**.

Так, при инспектировании ГУ МВД России по Алтайскому краю было выявлено, что в положениях о структурных подразделениях территориальных органов МВД России на районном уровне неверно указывается их структурное построение, не соответствующее штатному расписанию соответствующего территориального органа. Например, в п. 1 Положения об отдельном взводе ДПС ГИБДД МО МВД России «Каменский» указано, что отдельный взвод ДПС входит в структуру отдела ГИБДД, в то время как взвод является самостоятельным подразделением данного территориального органа. В Положении об отделении уголовного розыска МО МВД России «Усть-Калманский» указано, что заместитель начальника полиции (по оперативной работе) возглавляет группу уголовного розыска и назначается на должность

* Обзор основных результатов правовой работы в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации в 2014 г. URL: цфоут.мвд.рф/Obzor_2014.doc

** Обзор основных результатов правовой работы в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации в 2015 г. URL: цфоут.мвд.рф/Obzor_2015.doc

приказом начальника данного территориального органа, а не приказом начальника ГУ МВД России по Алтайскому краю*.

Кроме того, можно отметить и другие проблемы в нормотворчестве органов внутренних дел.

Во-первых, нередко ведомственные правовые акты содержат в себе не только нормативное предписание, но и нормы индивидуального регулирования. Например, при издании локального приказа о списании материальных ценностей по фамильно перечисляется состав комиссии, что является индивидуальным предписанием; кроме того, указывается время проведения списания, – например, конец года, что является нормой права. Следовательно, такие ведомственные акты по своей сущности являются, скорее, индивидуальными, чем нормативными. Нарушение правил юридической техники в данном случае влечет за собой трудность в определении норм права. В связи с этим такой акт может быть отнесен к числу ненормативных и не подлежит систематизации.

Во-вторых, нормы права ведомственных правовых актов (приказов, инструкций, директив) территориальных органов МВД России нередко дублируют положения федерального законодательства. Тем самым нарушается такой основополагающий принцип юридической техники, как экономия норм и недопущение повторов. Следовательно, увеличивается объем действующего правового регулирования, а работа правоприменителя по поиску необходимых норм усложняется.

Дублирование норм федерального законодательства в ведомственном нормотворчестве происходит в целях доведения отдельных положений непосредственно до исполнителей. Если исходить из фундаментальных положений теории государства и права, то нормативным правовым актом признается лишь тот документ, который устанавливает, отменяет или изменяет нормы права. Соответственно, возникает вопрос: можно ли признать нормативным актом территориального органа акт, доводящий информацию до сведения заинтересованных лиц?

В-третьих, ведомственные правовые акты иногда излишне детализируют порядок действия сотрудников, что сказывается на эффективности их деятельности (сотрудник органов внутренних дел не автоматический механизм по выполнению определенных действий, а лицо, обладающее волей, сознанием, определенными способностями, в том числе творческими). В связи с тем, что деятельность сотрудников органов внутренних дел жестко регламентирована, он лишен возможности применить свои способности на практике. Максимально же детализирована деятельность сотрудников органов внутренних дел в положениях должностных регламентов.

В-четвертых, часть ведомственных правовых актов системы МВД России содержит в себе декларативные и дефиниционные нормы права, которые не соответствуют правилам (требованиям) юридической техники: в них не отражаются основные признаки явления; определения содержат в себе повтор отдельных терминов, например, «Дисциплинарная ответственность – это ответственность ...».

Безусловно, большинство существующих проблем и недостатков в нормотворчестве, в том числе ведомственном, обусловлены рядом причин как объективного, так и субъективного характера. Исследование их оснований выходит за рамки настоящей статьи и требует собственного изучения в целях их анализа и минимизации ошибок и недочетов при создании, изменении или отмене нормативного правового акта.

Наличие значительного массива действующих правовых актов территориальных органов МВД России, регулирующих вопросы в сфере органов внутренних дел, а также постоянные изменения, дополнения, отмена действующих норм вносят определенного рода неразбериху в систему ведомственных правовых актов в целом. В некоторых случаях проблематично установить истинный смысл существующих норм. Одним из вариантов разрешения сложившейся ситуации может быть систематизация ведомственных правовых актов, в том числе с использованием правил и приемов юридической техники.

При необходимости создания, изменения или отмены ведомственного правового акта следует привлекать к этому процессу наиболее опытных, квалифицированных сотрудников органов внутренних дел.

Кроме того, в повседневной деятельности, в рамках служебной подготовки, в целях повышения качества ведомственных нормативных правовых актов, необходимо регулярно прово-

* Обзор основных результатов правовой работы в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации в 2014 г. URL: цфотг.мвд.рф/Obzor_2014.doc

дять занятия с сотрудниками органов внутренних дел, задействованными в нормотворческом процессе, направленные на углубление знаний положений приказа МВД России от 27 июня 2003 г. № 484 «Об утверждении правил подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России», с последующей сдачей зачетов. Повышение грамотности сотрудников органов внутренних дел в сфере ведомственного нормотворчества также возможно с привлечением представителей научного сообщества, в сфере научных интересов которых лежат вопросы ведомственного нормотворчества, а также способов и правил юридической техники.

Литература

1. Авдейко А. Г. По требованию времени // Полиция России. 2016. № 3.
2. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М., 1982. Т. 2.
3. Власенко Н. А. Законодательная технология: Теория. Опыт. Правила. Иркутск, 2001.
4. Кашанина Т. В. Юридическая техника: учебник. М.: Норма, 2011.
5. Керимов Д. А. Кодификация и законодательная техника. М., 1962.
6. Котелевская И. В. Закон и ведомственный акт // Журнал российского права. 2000. № 10.
7. Лазарев В. В. Правоприменительные акты и их эффективность в условиях развитого социалистического общества (теоретические исследования): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1977.
8. Марченко М. Н. Источники права: учеб. пособие. М.: Проспект, 2005.
9. Нашиц А. Правотворчество: теория и законодательная техника. М., 1974.
10. Обеспечение законности в деятельности органов внутренних дел: учеб. пособие / под ред. В. В. Лазарева, В. С. Афанасьева, Н. Л. Гранат. М., 1993.
11. Пиголкин А. С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1972.
12. Поленина С. В. Законотворчество в Российской Федерации. М., 1996.
13. Радько Т. Н. Социальные функции советского правотворчества: учеб. пособие. Волгоград, 1971.
14. Тихомиров Ю. А. Законодательная техника: понятие и элементы: науч.-практ. пособие. М., 2000.
15. Ушаков А. А. О понятии юридической техники и ее основных проблемах. Пермь, 1961.
16. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права: учеб. пособие: в 2-х т. Т. 2. Вып. 2–4. М., 1995.

УДК 340.131.6:343.3

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Надежда Леонидовна Васильева, старший преподаватель, кандидат юридических наук;
Ирина Игоревна Пермякова, старший преподаватель, кандидат юридических наук
(Дальневосточный юридический институт МВД России)

E-mail: nadya422@rambler.ru
Taurus1006@mail.ru

Настоящая статья посвящена исследованию современного состояния и основных тенденций экстремизма в Российской Федерации. Авторы приходят к выводу о том, что на сегодняшний день экстремизм вышел на новый виток развития, когда объектами нападения могут стать источники питьевой воды, средства связи, источники электроэнергии, компьютерные системы, авиасообщения и любая сфера инфраструктуры современного общества.

Ключевые слова: проявления экстремизма; терроризм; угроза безопасности.

THE MAIN TENDENCIES OF EXTREMISM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Nadezhda Leonidovna Vasilieva, senior lecturer, *kandidat nauk*, degree in Law;
Irina Igorevna Permyakova, senior lecturer, *kandidat nauk*, degree in Law
(Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

This article is devoted to a research of the current state and the main tendencies of extremism in the Russian Federation. Authors come to a conclusion that today extremism came to a new round of development when sources of drinking water, the means of communication, electric power sources, computer systems, air traffic and any sphere of infrastructure of modern society can become subjects to attack.

Keywords: manifestations of extremism; terrorism; threat to security.

В XXI в. огромное влияние на все сферы жизни человеческого общества оказывают такие переживающие эволюционный подъем явления, как экстремизм и терроризм, тем самым бросая серьезный вызов современной цивилизации. На данном этапе развития экстремизм и терроризм представляют собой социально опасный феномен, так как в основе их идеологии лежит отрицание конституционно закрепленных прав и свобод граждан, а также сложившегося порядка осуществления властных отношений.

Негативная роль названных явлений обусловлена не какой-то случайностью. На заседании экспертного совета Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по безопасности было отмечено следующее: «Проявление экстремизма и терроризма на территории Российской Федерации порождено ожидавшимся ходом социальных процессов в стране с конца 80-х гг. истекшего столетия и отсутствием позитивной программы и соответствующих эффективных действий, необходимых для обеспечения развития государства по пути, отвечающему жизненно важным сбалансированным интересам общества» [5].

Чтобы понять роль экстремизма и терроризма как угрозы безопасности граждан, общества и государства, а также определить систему мер, необходимых для эффективного противодействия этой угрозе, необходимо постоянно изучать тенденции проявления экстремизма и терроризма.

Проанализировав основные положения Стратегии национальной безопасности [2], Концепции общественной безопасности [1], научных исследований по проблемам противодействия экстремизму и терроризму, можно выделить следующие тенденции исследуемых явлений.

Во-первых, повышение общественной опасности экстремизма и терроризма.

По статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2016 г. в России было зарегистрировано 2 130 613 преступлений, из них 2 214 преступлений террористического характера и 1 410 преступлений экстремистской направленности.

Первое место по совершению преступлений экстремистской направленности занимает Центральный федеральный округ Российской Федерации. Здесь было зарегистрировано 327 преступлений в 2015 г. и 333 – в 2016 г.

Республика Дагестан также занимает одно из ведущих мест по зарегистрированным преступлениям террористического характера (2015 г. – 679 преступлений, 2016 г. – 966 преступлений)*.

За последние годы преступления, связанные с экстремистской деятельностью, были выражены в насильственных, террористических формах с использованием публично-демонстративных методов, рассчитанных на возбуждение вражды и ненависти на политической, этнорелигиозной основе, на оказание специфического силового давления на власть и провоцирование опасных конфликтных ситуаций. Наиболее опасными преступлениями террористического характера являются:

- возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства – ст. 282 УК РФ;
- публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности – ст. 280 УК РФ;
- преступления, выражающиеся в организации объединения, посягающего на личность и права граждан, – ст. 239 УК РФ;
- организация экстремистского сообщества – ст. 282.2 УК РФ и другие.

Обратимся к анализу статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, которые показывают, что за последние несколько лет в три раза увеличилось количество осужденных по ст. 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»).

Если в 2011 г. количество осужденных по ст. 282 УК РФ составило 149 чел., то в 2015 г. – 444 чел., а в первом полугодии 2016 г. – 200 чел. Также выросло количество осужденных по ч. 1 ст. 282 УК РФ (использование Интернета в экстремистских целях): в 2011 г. – 98 чел., в 2015 г. – 420 чел., а в первом полугодии 2016 г. – 197 чел.**.

Также нельзя оставлять без внимания экстремистские высказывания, опубликованные в сети Интернет. Под ними понимаются такие высказывания, за которые человек был осужден по статьям, относящимся к антиэкстремистскому законодательству***, или которые вызвали меры антиэкстремистского административного реагирования, без политической оценки этих высказываний. В 2015 г. было вынесено 194 приговора за экстремистские высказывания.

В последнее время отмечается рост осужденных по ст. 280 и 280.1 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и сепаратизму): в 2011 г. – 19 чел., в 2015 г. – 101 чел., в первом полугодии 2016 г. – 56 чел.

Приведем пример из судебной практики. Московский окружной военный суд 28 апреля 2016 г. вынес приговор по уголовному делу, возбужденному по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ. В совершении преступления признали виновным 29-летнего жителя Хабаровского края, уроженца Кыргызстана. Суд установил, что Муминов, являясь приверженцем радикальных течений ислама, в 2013 и 2015 гг. знакомился с жителями г. Хабаровска, склонял их к принятию ислама в его радикальных формах, а также уговаривал людей за вознаграждение заниматься терроризмом в Сирийской Арабской Республике. Фактически, он вербовал своих знакомых вступить в ряды запрещенной в России группировки

* Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: <http://crimestat.ru>

** URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3578>.

*** Подробнее см.: Что является «преступлением экстремистской направленности». URL: <http://www.sova-center.ru/directory/2010/06/d19018/> (дата обращения: 01.06.2016).

ИГИЛ. Подсудимый не смог довести свой преступный план до конца – вербуемые им лица от предложений преступника отказались. Суд приговорил Муминова к 4 г. и 2 мес. лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Отмечается рост преступлений, включающих киберпропаганду экстремизма. Территориальный охват уголовного преследования за киберпропаганду экстремизма весьма широк – не менее 70 регионов за два последних года. Среди них Орловская и Самарская области (по 15 приговоров), Чувашская Республика (14 приговоров), Краснодарский и Хабаровский края (13 и 12 приговоров соответственно). В 2014–2015 гг. в городах Москве и Санкт-Петербурге было вынесено не менее 8 таких приговоров, касающихся известных «праворадикалов».

Кроме того, на основании ст. 20.29 КоАП («Производство и распространение экстремистских материалов») правоохранительные органы осуществляют мониторинг на предмет обнаружения в Интернете текстов, видео- и аудиозаписей экстремистского содержания.

Исходя из проведенного нами анализа, осужденных за экстремизм можно разделить на четыре основные группы [7]:

- 1) «случайные» националисты, не состоящие в националистических организациях, но осужденные за экстремистские лозунги;
- 2) националисты – ветераны ультраправых движений;
- 3) религиозные экстремисты, в основном исламисты; почти все из них входят в запрещенную в России группировку «Хизбут-Тахрир аль-Ислами». Кроме того, в эту группу включены члены секты «Свидетели Иеговы» и даже атеисты;
- 4) проукраинские активисты, которых судят за высказывания в поддержку Украины и осуждение действий российских властей в Крыму и на Донбассе.

В качестве вывода по первой тенденции проявления экстремизма приведем мнение Р. М. Абызова, который отмечает: «В условиях продолжающейся политической и экономической нестабильности российского общества, нерешенности многих социальных проблем значительной части населения, неэффективности уголовного законодательства и деятельности правоохранительных органов, падения нравственной составляющей общественного сознания прогнозируется увеличение количества экстремистских проявлений с нарастанием их масштабности и общественной опасности» [3, с. 34].

Во-вторых, усиление межнациональных и межконфессиональных противоречий вследствие полного отождествления национальной и религиозной идентичности.

Причины этого – процессы расширения социальной базы экстремизма на этнонациональной основе, которые связаны с отчуждением определенного процента верующих от установленных правил той или иной религии. Это является основной предпосылкой к возникновению религиозного экстремизма, который характеризуется сменой социальных ориентиров, психологической перестройкой личности, формированием правового нигилизма и т. д. [11, с. 31].

Также на расширение религиозного экстремизма оказывает влияние и межнациональная ситуация в России. Миграционные процессы, то есть появление новых сообществ, которые являются носителями иного жизненного уклада и культуры, играют определенную отрицательную роль (сложность социокультурной адаптации мигрантов). Уместно будет здесь обратиться к высказыванию И. С. Нафикова: «Мигранты не всегда проявляют должное уважение к сложившейся городской культуре, открыто противопоставляя ей свои привнесенные обычаи, что не воспринимается местным населением. Соответственно, эта категория мигрантов начинает группироваться в обособленные социальные группы. И таких групп, формирующихся обособленно от общей городской культуры, становится все больше и больше. Способствует этому и поверхностная политика городских властей, ориентирующаяся на сиюминутную выгоду. Так, вместо того, чтобы искать пути стимулирования труда и создавать более цивилизованные условия труда работников в ряде жизненно важных сфер городского хозяйства... ставка делается на дешевую и непривлекательную рабочую силу, прибывающую из стран, находящихся на более низком уровне развития» [10, с. 105–106].

В-третьих, использование для идеологического прикрытия экстремистской и террористической деятельности того или иного религиозного учения, в первую очередь ислама.

Так, например, на территориях Приволжского и Северо-Кавказского федеральных округов активно осуществляют деятельность сторонники запрещенных международных религиозных объединений, таких как «Таблиги джамаат», «Нурджулар», «Ат-Такфир Валь-Хиджра», а также террористической организации «Партия исламского освобождения» («Хизбут-Тахрир аль-Ислами») и другие [6, с. 58].

Вся опасность заключается в том, что религии, в особенности чуткие к нарушению социальной справедливости, могут стать идеологической основой оправдания агрессивного протеста. Лица, осуществляющие экстремистскую деятельность под прикрытием религии, создают правовой щит от преследования правоохранительных органов в виде конституционных прав граждан на свободу совести и вероисповедания, а также находят поддержку у зарубежных правозащитных организаций.

Таким образом, экстремизм активно эксплуатирует отдельные доктринальные положения религии (в настоящее время идет использование исламских доктрин), отсюда складывается впечатление, что экстремизм такого рода является религиозным [8, с. 33].

В-четвертых, активное расширение социальной базы экстремизма. Это происходит, в частности, и за счет вовлечения молодежи в данную противоправную сферу, и за счет роста числа экстремистских объединений, включающих те или иные возрастные, религиозные, этнические и другие группы.

Следует также отметить, что большинство преступлений экстремистской направленности как раз совершаются группами молодежи, возраст которых не превышает 30 лет, или несовершеннолетними, чье поведение отличается значительной агрессивностью [12, с. 199]. В современных условиях по-новому определяется место молодежи в общественной жизни: с одной стороны, она достаточно активно участвует в решении общественных задач, выборе конкретных социальных ролей, ярче проявляет свои интересы, в том числе в труде и учебе, с другой – молодежь, не нашедшая себя в условиях нынешней реальности, утверждает не всегда законными средствами и способами [4, с. 62].

Экстремизм в молодежной среде представляет собой индивидуальное и социально-групповое проявление крайних, неумеренных в нравственном и правовом отношениях средств и способов жизнедеятельности части молодежи как особой социальной группы и специфической возрастной категории населения.

Обращая внимание на развитие современной молодежи, следует отметить, что новое поколение проходит свое становление в достаточно тяжелых условиях, к которым мы относим изменение устоявшихся ценностей, а также формирование новых социальных отношений и протекающих в мире таких процессов, как глобализация, информатизация, урбанизация, сокращение рождаемости и т. д. Именно поэтому приходится констатировать наличие многих негативных тенденций и черт в молодежной среде: преобладание процессов дифференциации и возросшее расслоение по социально-экономическим параметрам; нарастание криминальных проявлений в молодежной среде; развитие контркультуры в содержании молодежной субкультуры; стремление к участию в неформальных молодежных объединениях; отчуждение от трудовой деятельности и рост потребительских, прагматических и эгоцентристских ценностных ориентаций.

Итак, развитие экстремизма в молодежной среде представляет особую опасность, потому что молодежный экстремизм, включающий криминальные формы поведенческой активности, являющийся результатом протестных настроений, становится инструментом манипуляций для политических сил.

Но почему именно молодые люди становятся основными проводниками экстремистских умонастроений? Как уже отмечалось нами ранее, за счет смены в современном мире культурных эпох происходит смена стереотипов, ценностных образцов прошлого поколения, смена жизненных ориентиров, понимания назначения человека в мире и смысла его существования. Также немаловажную роль играет и наличие традиционного разрыва между культурой «отцов» и «детей». В XXI в. из-за слишком радикальных перемен и чрезвычайно быстрого развития технологий «дети» не просто не принимают позиции «отцов», но и стремятся к ее уничтожению, считая ее неадекватной современной ситуации. Это переходит во внешний «бунт», то есть внутренний конфликт между собственным восприятием мира и навязываемыми извне «старыми» принципами.

Кроме того, молодые люди видят «правильность», «обоснованность» и «целесообразность» действий экстремистов. Молодежь привлекают такие лозунги: экстремизм как война за свои идеалы, экстремизм как необходимость принудительной дипломатии, экстремизм как предвестник нового миропорядка и другие [8, с. 33].

«Экстремизм как война за свои идеалы» для молодежи звучит как борьба за свою самостоятельность, отстаивание интересов, собственной индивидуальности, т. е. самовыражение как основной жизненный приоритет. Отметим, что здесь уровень насилия никакими рамками не ограничивается, так как, чем больший ущерб будет нанесен оппонентам, тем большая появляется свобода для самовыражения и тем больше людей смогут проповедовать те же идеа-

лы, что и экстремисты. Возможно, именно поэтому данное направление среди экстремистов является самым популярным и, заметим, наиболее разрушительным в своих последствиях.

Лозунг «экстремизм как принудительная дипломатия» направлен на малочисленные группировки, такие, которые без посторонней помощи не могут защитить себя, у которых нет возможности отстаивать свои законные интересы. Вся заманчивость заключается в призыве к справедливости.

В-пятых, наличие связи между экстремистской и террористической деятельностью, а также экстремизмом и организованной преступностью ввиду их взаимной заинтересованности. Наличие связи здесь характеризуется заинтересованностью как со стороны тех или иных экстремистских структур, так и со стороны различных криминальных сообществ использовать взаимные возможности для достижения власти, даже несмотря на то, что их цели могут быть различными.

Данная тенденция находит свое выражение в доктринах экстремистских организаций об использовании террора в политических целях и в осуществлении террористических акций на систематической основе.

Как уже ранее отмечалось, цели экстремистских структур и террористических организаций могут отличаться, но методы их часто совпадают. Так, в настоящее время самым распространенным методом является демонстрация насилия против незащищенных, мирных людей. При этом широко используются медийные технологии, потенциал электронных и печатных средств массовой информации, а также Интернет.

Данную тенденцию обуславливают следующие обстоятельства.

1. Подчинение деятельности большинства экстремистских и террористических организаций сложным политическим целям и задачам. К таким относятся, например, подготовка свержения существующего режима, освобождение от иностранной зависимости, дестабилизация внутривнутриполитической обстановки и т. п.

2. Наличие связи между экстремистскими и террористическими организациями и различными политическими движениями и структурами, которые возникли в последнее время на националистической, религиозной, а также крайне левой и крайне правой радикальной основе и оказание последними прямого или косвенного влияния на общую направленность, задачи, формы и методы террористических формирований.

3. Усложнение условий для осуществления террористической деятельности, в том числе увеличение разнообразия объектов этой деятельности, необходимость преодоления экстремистскими организациями мер безопасности в области противодействия экстремизму и терроризму, принимаемых на международном и национальном уровнях.

В-шестых, переход экстремизма в пространство информационных технологий или формирование «информационного экстремизма», где носителем экстремистского сознания выступает один человек. Проблема является наиболее актуальной, поскольку данный вид экстремистского направления в перспективе может стать более разрушительным по своему масштабу, чем самые многочисленные экстремистские группировки, т. к. оружием этого вида экстремизма является не разрушение домов и символов существующего строя, а нарушение коммуникаций в целях возникновения хаоса в современном информационном обществе. Хотя следует учитывать, что и контрэкстремистское движение может разрушить информационные связи между ячейками экстремистской группировки, за счет чего произойдет ее дестабилизация и временное приостановление ее активности.

Мы говорим «в перспективе», так как пока информационный экстремизм только набирает обороты и еще не вышел на мировую авансцену, хотя, с учетом современного развития информационных технологий, эпоха этого вида экстремизма – не за горами.

В-седьмых, наличие большого разнообразия как зарубежных, так и внутрироссийских экстремистских структур.

Исходя из того, какие цели у экстремистов, выдвигаются определенные задачи для их достижения. Так, экстремистами нередко используются организационные формы политических партий, общественных и религиозных объединений различных направлений и видов, а также вооруженных формирований.

Именно поэтому существует такое большое количество экстремистских форм. К таким относятся: общество «Память», общественные организации «Русское национальное единство», «Движение против незаконной миграции», «Национал-большевистская партия», различные виды незаконных вооруженных формирований в ряде районов Северного Кавказа и другие [14, с. 30].

В-восьмых, укрепление обширной инфраструктуры поддержки экстремизма, сочетающей как легальные, так и криминальные формы деятельности.

Задачей экстремистского движения является не только достижение поставленных целей против власти и мирного населения, но и создание ими систем финансового и иного (материально-технического, вооружением и других) их обеспечения из различных (зарубежных или внутрироссийских) источников. Наиболее часто это достигается преступным путем, при помощи наркобизнеса или сращивания с организованной преступностью [13, с. 199]. Также сюда относятся установление и развитие контактов с определенными внутрироссийскими группами радикальной и экстремистской ориентации, оказание им финансовой и иной поддержки в рамках различных проектов типа «продвижения демократии» со стороны США и ряда других западных держав, т. е. активизация за рубежом и в пределах России некоторыми иностранными государствами и антироссийскими кругами отдельных стран иностранных неправительственных некоммерческих организаций.

Например, в рамках так называемых «гуманитарных программ» проводится работа с лидерами общественных организаций, перспективной молодежью, которые после индивидуального отбора приглашаются на обучение и стажировки за границу. При этом важно обратить внимание на то, что отбор кандидатур осуществляется по типичным приоритетным критериям: функциональность (оппозиция к действующей власти, радикальные молодежные движения) и территориальность (национальные республики, в первую очередь Северо-Кавказский регион и Поволжье). Известны случаи, когда граждане России, которые прошли обучение за рубежом, в том числе религиозное, по возвращении на Родину примыкали к деятельности экстремистских и террористических организаций [9, с. 70]. Для предотвращения этого глава МИД России Сергей Лавров призвал задействовать международные механизмы для давления на государства, которые не выполняют обязательства по перекрытию каналов финансирования террористической организации ИГИЛ, запрещенной в России.

В заключение отметим, что экстремизм и терроризм являются глобальными мировыми угрозами, и противодействие им становится мировой задачей. На сегодняшний день экстремизм вышел на новый виток развития, когда объектами нападения могут стать источники питьевой воды и электроэнергии, средства связи, компьютерные системы, авиасообщения и любая сфера инфраструктуры современного общества. В связи с тем, что экстремизм и терроризм приобрели международный характер, мировое сообщество предпринимает жесткие меры, направленные на нейтрализацию и пресечение деятельности подобных организаций. Уничтожение условий, при которых зарождается экстремизм, – главная цель этой борьбы.

Литература

1. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утверждена Президентом РФ 14 ноября 2013 г. № Пр-2685. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.
3. Абызов Р.М. О понятии и причинах экстремизма в российском обществе // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы / под ред. А. И. Долговой. М., 2010.
4. Абызов Р.М. Типологические проблемы личностных деформаций несовершеннолетних преступников и их предупреждение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999.
5. Авдеев Ю. И. Экстремизм в современной России: основные тенденции и проблемы противодействия // Вестник Московского гос. областного гуманитарного института. Сер. История, философия, политология, право. 2013. № 1.
6. Борисов С. В., Васнецова А. С. Экстремизм: тенденции, характеристики и вопросы противодействия органами исполнительной власти // Правовая инициатива. 2013. № 6.
7. Борьба с экстремизмом в современной России: правоприменительная практика: доклад Центра экономических и политических реформ. URL: <http://www.cepr.ru/wp-content/uploads/2016/05/Борьба-с-экстремизмом.pdf> (дата обращения: 01.06.2016).
8. Диль В. А. Современный экстремизм: тенденции развития и социокультурные модификации // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 6.
9. Лебедев К. С., Мерзликин Е. В. Идеология экстремизма и терроризма в контексте геополитического противоборства // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2012. № 2 (07).
10. Нафиков И. С. Теневая экономика и организованная преступность в условиях крупного города. Казань, 2012.
11. Тамаев Р. С. Экстремизм и национальная безопасность: правовые проблемы. М., 2009.
12. Фридинский С. Н. Личность экстремиста // Юридическое образование и наука. 2011. № 4.
13. Шульц В. А. Терроризм в современном мире. М.: Наука, 2011.
14. Эммануилов Р., Яшлавский А. Террор во имя веры: религия и политическое насилие. М.: Мосты культуры, 2011.

УДК 343.13

О ПРОБЛЕМАХ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Николай Евгеньевич Мерецкий, профессор кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Николай Григорьевич Шурухнов, профессор кафедры Московского гуманитарного университета, доктор юридических наук, профессор;

Александр Владиславович Черенков, судья Тульского областного суда, кандидат юридических наук

Е-mail: ugpd@rambler.ru

matros49@mail.ru

cheren@mail.ru

В статье рассматриваются изменения норм уголовно-процессуального законодательства, их влияние на организацию и эффективность расследования налоговых преступлений (ст. 198–199.2 УК РФ). Авторы указывают на положительные и негативные моменты, влияющие на возбуждение уголовного дела и предварительное расследование по указанным преступлениям.

Ключевые слова: налоги и (или) сборы; налоговые преступления; налоговые органы; следователь; повод к возбуждению уголовного дела.

ABOUT PROBLEMS OF PROCEDURAL REGULATION INVESTIGATION OF TAX CRIMES

Nikolay Evgenyevich Meretskiy, chair professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation;

Nikolay Grigoryevich Shurukhnov, chair professor of the Moscow University for the Humanities, Doctor of Law, Professor;

Aleksandr Vladislavovich Cherenkov, the judge of the Tula regional court, *kandidat nauk*, degree in Law

The article reviews changes in the norms of the criminal procedural legislation, their influence on the organization and effectiveness of the investigation of tax crimes (article 198–199.2 of the Criminal Code of the Russian Federation). Positive and negative points are set out, which affect the initiation of criminal proceedings and preliminary investigation of these crimes.

Keywords: taxes and (or) charges; tax offenses; tax authorities; investigator; reason for initiation of legal proceedings.

Налоги и (или) сборы с физических лиц и организаций [1] поступают в бюджет Российской Федерации и направляются на финансирование различных государственных учреждений и некоторых общественных образований, строительство и ремонт автомобильных дорог, выплату различных пособий гражданам и т.д. Уклонение от уплаты налогов подрывает основы экономического развития государства.

Нормы материального права, предусматривающего уголовную ответственность за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов, равно как и процессуального права, устанавливающего процедуру расследования преступлений, не раз претерпевали изменения, порой необоснованные [9, с. 99.], ведущие в итоге к определенным негативным результатам. Менялась подследственность, а вслед за ней и организация расследования рассматриваемых преступлений (переходила от министерства к службе, опять к министерству, потом к комитету), что, в свою очередь, отрицательно сказывалось на своевременности, целенаправленности, объективности расследования обозначенных преступлений, на практике применения законодательных норм, приводило к прекращению уголовных дел, способствовало латентности рассматриваемых преступлений. Кроме того, ускользало из поля зрения правоохранительных органов уклонение от уплаты налогов на доходы физических лиц, полученные из источников за пределами Российской Федерации [8, с. 153.].

Следует также отметить, что рекомендации и предложения ученых и практиков направить борьбу с анализируемыми противоправными деяниями по оптимальному руслу быстро теряли актуальность по причине корректировки налогового, уголовного, уголовно-процессуального законодательства, которая упраздняла отдельные законодательные положения и устанавливала новые.

Обратимся к ретроспективе вопроса.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. предусматривал уголовную ответственность:

- за массовый отказ от внесения налогов денежных или натуральных или от выполнения повинности (ст. 78);
- неплатеж отдельными гражданами в срок или отказ от платежа налогов, денежных или натуральных, от выполнения повинностей или производства работ, имеющих общегосударственное значение (ст. 79);
- организованное по взаимному соглашению сокрытие или неверное показание о количествах, подлежащих обложению или учету предметов и продуктов, в том числе и размеров посевной, луговой, огородной и лесной площади, или количества скота, организованная сдача предметов, явно недоброкачественных, неисполнение по взаимному соглашению возложенных законом на граждан работ и личных повинностей (ст. 80) [2].

В Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. резко увеличилось количество противоправных деяний, посягающих на налоговую систему. В нем дополнительно были предусмотрены следующие нормы:

- отказ или уклонение в условиях военного времени от внесения налогов или от выполнения повинностей (в частности, военно-автотранспортной, военно-конской, военно-повозочной и военно-судовой) (ст. 59.6);
- неплатеж в установленный срок налогов и сборов по обязательному окладному страхованию, несмотря на наличие к тому возможности (ст. 60);
- неуплата в срок специального военного налога при наличии к тому возможности (ст. 60¹);
- организованное по взаимному соглашению сокрытие или неверное показание количества подлежащих обложению или учету предметов (ст. 62);
- сокрытие наследственного имущества или имущества, переходящего по актам дарения, в целом или в части, а равно искусственное уменьшение стоимости имущества в целях обхода законов о наследовании и дарении, а также закона о налоге с наследств и имуществ, переходящих по актам дарения (ст. 63) [3].

Расследованием перечисленных преступлений занимались должностные лица следственных комиссий, а позднее следователи, которые не входили в структурные подразделения органов НКВД–МООП–МВД СССР.

В УК РСФСР 1960 г. значительный промежуток времени отсутствовали нормы об ответственности за налоговые преступления. Однако в 80-х – начале 90-х г. XX в. этот пробел был восполнен. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 мая 1986 г. в УК РСФСР была введена ст. 162.1 «Уклонение от подачи декларации о доходах». Законом РФ от 2 июля 1992 г. в УК РСФСР введена ст. 162.2 «Сокрытие доходов (прибыли) или иных объектов нало-

гообложения». Этим же законом была предусмотрена ответственность за противодействие или неисполнение требований налоговой службы в целях сокрытия доходов (прибыли) или неуплаты налогов (ст. 162.3).

Заслуживает внимания тот факт, что предварительное расследование по указанным преступлениям осуществлялось в форме дознания и возлагалось на дознавателей органов внутренних дел. Однако в исключительных случаях должностные лица органов внутренних дел обоснованно могли осуществлять предварительное следствие, если таковое признавалось необходимым прокурором либо судом.

На основании Закона РСФСР от 21 марта 1991 г. № 943–1 «О государственной налоговой службе РСФСР» Указом Президента РСФСР от 21 ноября 1991 г. № 229 была создана налоговая служба [7]. Так, в ст. 6 Закона указывалось: «Главной задачей Государственной налоговой службы РСФСР является контроль за соблюдением налогового законодательства, за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью внесения в соответствующий бюджет государственных налогов и других платежей, установленных законодательством РСФСР и республик, входящих в состав РСФСР». Просуществовав семь лет, в декабре 1998 г. Государственная налоговая служба РФ была преобразована в Министерство Российской Федерации по налогам и сборам (МНС России), а в марте 2004 г. – в Федеральную налоговую службу (ФНС) России.

Расследование перечисленных в УК РСФСР преступлений было отнесено к компетенции следователей органов внутренних дел. В структуре Министерства внутренних дел (МВД, ГУВД, УВД) в обозначенный период времени имелись подразделения по борьбе с экономическими преступлениями (УБЭП, ОБЭП), в функции которых входило пресечение, выявление и раскрытие налоговых преступлений. Организационно был отработан механизм взаимодействия между следователями и должностными лицами оперативно-розыскных подразделений.

Между тем, исходя из определенного характера и тяжести наступившего в результате налогового правонарушения преступного последствия, в соответствии с Законом РФ от 24 июня 1993 г. № 5238–1 были созданы федеральные органы налоговой полиции [6], которые были обязаны:

- 1) проводить в соответствии с законодательством оперативно-розыскные мероприятия, дознание и предварительное следствие в целях выявления и пресечения налоговых преступлений, осуществлять розыск лиц, совершивших указанные преступления или подозреваемых в их совершении, а также принимать меры по возмещению нанесенного государству ущерба;
- 2) осуществлять в пределах своей компетенции производство по делам о налоговых преступлениях и нарушениях;
- 3) принимать, регистрировать заявления, сообщения и иную информацию о налоговых преступлениях и нарушениях и осуществлять в установленном законом порядке их проверку;
- 4) обеспечивать безопасность деятельности государственных налоговых инспекций, защиту их сотрудников при исполнении ими служебных обязанностей и собственную безопасность;
- 5) исполнять в пределах своей компетенции определения судов, постановления судей, письменные поручения прокуроров, следователей о производстве розыскных и иных предусмотренных законом действий, оказывать им помощь в производстве отдельных процессуальных действий;
- 6) оказывать содействие налоговым органам, органам прокуратуры, предварительного следствия, государственной безопасности, внутренних дел и другим государственным органам в выявлении, предупреждении и пресечении преступлений и нарушений в области налогового законодательства;
- 7) проводить работу по выявлению и пресечению фактов коррупции в налоговых органах и федеральных органах налоговой полиции;
- 8) осуществлять сбор и анализ информации об исполнении налогового законодательства, прогнозирование тенденций развития негативных процессов, связанных с налогообложением юридических и физических лиц, а также информировать высшие органы государственной власти и управления Российской Федерации о характерных процессах в обществе, связанных с сокрытием доходов (прибыли) от налогообложения;
- 9) проводить дактилоскопическую регистрацию, осуществлять хранение, использование и уничтожение дактилоскопической информации в соответствии с законодательством Российской Федерации (п. 9 введен Федеральным законом от 07.11.2000 № 135-ФЗ).

Указом Президента РФ от 11 марта 2003 г. № 306 (ред. 09.03.2004) «Вопросы совершенствования государственного управления в Российской Федерации» с 1 июля 2003 г. Федеральная служба налоговой полиции была упразднена. Функции по выявлению, предупреждению и пресечению налоговых преступлений и правонарушений переданы Министерству внутренних дел Российской Федерации. Это решение привело к созданию в МВД России Департамента экономической безопасности МВД России (ДЭБ МВД России), который являлся самостоятельным структурным подразделением центрального аппарата МВД России (2005 г.), обеспечивающим и осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативному правовому регулированию в области экономической безопасности государства. Кроме того, в состав ДЭБ МВД России вошли Управление по борьбе с экономическими преступлениями (УБЭП) и Управление по налоговым преступлениям (УНП), в региональных органах внутренних дел были сформированы низовые подразделения, которые начали активную работу по выявлению и пресечению налоговых преступлений.

В новом российском Уголовном кодексе 1996 г. появились ст. 198 и 199: уклонение граждан от уплаты налога и уклонение от уплаты налога с организаций. В 2003 г. название этих статей изменилось и стало звучать: уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица; уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации. Кроме того, в УК РФ были введены ст. 199.1 (неисполнение обязанностей налогового агента) и ст. 199.2 (сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов). Предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 198–199.2 УК РФ, по-прежнему производилось следователями органов внутренних дел.

Впоследствии на основании Федерального закона от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ [5] предварительное следствие по уголовным делам (ст. 198–199.2 УК РФ), возбужденным после 1 января 2011 г. в соответствии со ст. 151 УПК РФ, стало производиться следователями Следственного комитета Российской Федерации. Этим же федеральным законом в гл. 4 УПК РФ была введена ст. 28.1 «Прекращение уголовного преследования по делам, связанным с нарушением законодательства о налогах и сборах».

Кроме того, указанный федеральный закон, дополнив ч. 4 ст. 213 УПК РФ специальным абзацем, обязал следователя отчитываться перед налоговым органом о проделанной работе: «По уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 198–199.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, следователь направляет копию постановления о прекращении уголовного дела в налоговый орган, направивший в соответствии с п. 3 ст. 32 Налогового кодекса Российской Федерации материалы для принятия решения о возбуждении уголовного дела».

По нашему мнению, такие дополнения негативно сказались на состоянии борьбы с налоговыми преступлениями. Статистика показывает, что, во-первых, количество возбужденных уголовных дел о налоговых преступлениях резко сократилось; во-вторых, пострадали своевременность, целенаправленность и объективность расследования налоговых преступлений; в-третьих, увеличилась латентность этих преступлений. Так, в 2009 г. в Российской Федерации по ст. 198–199.2 УК РФ было возбуждено 14 642 уголовных дела, в 2011 г. – 3 367 дел, а в 2016 г. – 3 055. По нашим оценкам, в 2017 г. эти показатели имеют тенденцию к еще большему сокращению.

Федеральным законом от 6 декабря 2011 г. № 407-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» в ст. 140 УПК РФ была введена ч. 1.1. В ней говорилось: «Поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных статьями 198–199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, служат только те материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела». Обозначенные изменения ограничивали «традиционные» поводы для возбуждения уголовного дела по данной категории преступлений. Это и более ранние дополнения ввели в уголовное судопроизводство специальный повод и новую процессуальную фигуру – «налоговые органы». Тем самым были урезаны уголовно-процессуальный статус дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и, конечно, конституционное право граждан на участие в отправлении правосудия (ст. 32 Конституции РФ) – возможность сообщить (заявить) о налоговом преступлении.

Таким образом, законодатель Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ [4] предоставил право прокурору своим постановлением направлять в орган предварительного расследования соответствующие материалы для решения вопроса об уголовном преследо-

вании, аналогичные полномочия по налоговым преступлениям он предоставил налоговому органу. К сожалению, в таком подходе никто не усмотрел коррупционной составляющей.

Это дополнение действовало почти три года и было отменено Федеральным законом от 22 октября 2014 г. № 308-ФЗ. Принятые изменения установили прежний процессуальный порядок возбуждения и прекращения уголовных дел по налоговым преступлениям. До этого момента следователи фактически не могли сами возбуждать уголовные дела налогового характера – инициатором обязательно выступала налоговая инспекция. Этим же законом ст. 144 УПК РФ была дополнена ч. 7, 8 и 9, которые ввели новую процессуальную процедуру возбуждения уголовного дела по налоговым преступлениям. Содержательно она выглядит следующим образом:

«7. При поступлении из органа дознания сообщения о преступлениях, предусмотренных статьями 198–199.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, следователь при отсутствии оснований для отказа в возбуждении уголовного дела не позднее трех суток с момента поступления сообщения направляет в вышестоящий налоговый орган по отношению к налоговому органу, в котором состоит на налоговом учете налогоплательщик (налоговый агент, плательщик налога), копию такого сообщения с приложением соответствующих документов и предварительного расчета предполагаемой суммы недоимки по налогам и (или) сборам.

8. По результатам рассмотрения материалов, направленных следователем в порядке, установленном частью седьмой настоящей статьи, налоговый орган не позднее 15 суток с момента получения таких материалов:

1) направляет следователю заключение о нарушении законодательства о налогах и сборах и о правильности предварительного расчета суммы предполагаемой недоимки по налогам и (или) сборам в случае, когда обстоятельства, указанные в сообщении о преступлении, были предметом исследования при проведении ранее назначенной налоговой проверки, по результатам которой вынесено вступившее в силу решение налогового органа, а также информацию об обжаловании или о приостановлении исполнения такого решения;

2) информирует следователя о том, что в отношении налогоплательщика (налогового агента, плательщика сбора) проводится налоговая проверка, по результатам которой решение еще не принято либо не вступило в законную силу;

3) информирует следователя об отсутствии сведений о нарушении законодательства о налогах и сборах в случае, если указанные в сообщении о преступлении обстоятельства не были предметом исследования при проведении налоговой проверки.

9. После получения заключения налогового органа, но не позднее 30 суток со дня поступления сообщения о преступлении по результатам рассмотрения этого заключения следователем должно быть принято процессуальное решение. Уголовное дело о преступлениях, предусмотренных статьями 198–199.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, может быть возбуждено следователем до получения из налогового органа заключения или информации, предусмотренных частью восьмой настоящей статьи, при наличии повода и достаточных данных, указывающих на признаки преступления»*.

Таким образом, законодатель, во-первых, снизил правовой статус следователя по рассматриваемой категории преступлений, ограничив его принятием решения об отказе в возбуждении уголовного дела; во-вторых, наделил процессуальными полномочиями новый орган – «вышестоящий налоговый орган», на решения которого должен ориентироваться следователь.

Следует отметить и парадоксальность возникшей ситуации. Законодатель в ч. 7–9 ст. 144 УПК РФ расписал процедуру взаимоотношений следователя с налоговым органом, сроки, характер документов, без которых нельзя принять процессуальное решение, но в то же время предоставил ему право на принятие самостоятельного решения о возбуждении уголовного дела при наличии повода и достаточных данных, указывающих на признаки преступлений, предусмотренных ст. 198–199.1 УК РФ, до получения из налогового органа заключения или информации (ч. 8 ст. 144 УПК РФ).

Из приведенного анализа можно заключить, что пришло время кардинально решить вопрос о возможности возбуждения уголовного дела определенным органом, используя практику расследования обозначенных преступлений.

* Если такие дополнения будут приниматься по каждому преступлению, предусмотренному УК РФ, то для изложения ст. 144 УПК РФ потребуется несколько томов.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс РСФСР (1922 г.) URL: <http://www.library.ru/help/docs/n10349/ук1922txt> (дата обращения: 24.04.2017).
3. Уголовный кодекс РСФСР (1926 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия: федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ (ред. от 04.06.2014) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 16.
5. О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 1. Ст. 4.
6. О федеральных органах налоговой полиции: закон РФ от 24 июня 1993 г. № 5238-1 (утратил силу с 1 июля 2003 г.) // Российская газета. 1993. 15 июля.
7. О Государственной налоговой службе РСФСР: указ Президента РСФСР от 21 ноября 1991 г. № 229 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 47. Ст. 1641.
8. Мерецкий Н. Е., Мерецкая Н. А. Влияние первоначальной информации на расследование преступлений, связанных с уклонением от уплаты налога на доходы физических лиц // Правопорядок в современном мире: актуальные проблемы обеспечения и охраны: сб. науч. тр. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2016.
9. Шурухов Н. Г., Кутенкова В. Д. Изменения процедур принятия решений в стадии возбуждения уголовного дела о налоговых преступлениях // Проблемы развития правовой системы России: история и современность: мат-лы межвуз. науч.-практ. конф. Тула, 6–7 июня 2016 г. Тула: Тульский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2016.

УДК 343.133

О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ РАЗУМНОГО СРОКА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Андрей Сергеевич Бахта, начальник высших академических курсов Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор;

Ибиамин Нуру-оглы Нуриев, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: post_e_mail@mail.ru
amin-nuriev@mail.ru

В статье исследуются положения Уголовно-процессуального кодекса РФ о разумном сроке предварительного расследования. Особое внимание уделено содержанию понятия разумного срока. По мнению авторов, «разумность» следует рассматривать как комплексное правовое явление в уголовном процессе, результатом функционирования которого является соблюдение (несоблюдение) разумного срока предварительного расследования.

Ключевые слова: разумность; разумный срок; нормативно определенный срок; предварительное расследование; принцип разумности.

ON THE CONTENT OF THE CONCEPT OF REASONABLE TERM OF PRELIMINARY INVESTIGATION

Andrey Sergeyevich Bakhta, head of the higher academic courses of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Law, Professor;

Ibiamin Nurru-ogly Nuriev, post graduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article examines the provisions of the Criminal Procedure Code of the reasonable time of the preliminary investigation. Particular attention is paid to the content of the concept of a reasonable period. The authors believes that «reasonableness» must be regarded as a complex socio-legal phenomenon in the criminal proceedings, the result of which is the operation of compliance (non-compliance) a reasonable period of preliminary investigation.

Keywords: rationality; reasonable time; standardly certain term; preliminary inquiry; principle of rationality.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации после принятия Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [1] был дополнен ст. 6.1 (Разумный срок уголовного судопроизводства). В связи с этим и в связи с наличием противоречивой уголовно-процессуальной практики не стихает дискуссия о сущности и содержании понятия «разумный срок предварительного расследования», как, впрочем, о сущности и содержании в целом понятия «разумный срок уголовного судопроизводства».

Анализ исследований последних лет в этой сфере показывает, что мнения ученых и специалистов довольно существенно расходятся. Одни из них – А. В. Образцов [4, с. 32–33], Е. В. Рябцева [6, с. 66–69; 7, с. 30–33], В. В. Урбан [9] – полагают, что в ст. 6.1 УПК РФ формулируется принцип уголовного судопроизводства (разумный срок действительно в УПК РФ назван принципом); другие ученые – например, В. М. Быков [2, с. 23–29; 3, с. 69–80] – уверены в том, что мы имеем дело с уголовно-процессуальным институтом. А. Ю. Смолин предлагает считать разумный срок уголовного судопроизводства частью принципа процессуальной экономии [8, с. 9–11]. Д. Г. Рожков рассматривает разумный срок одновременно и как принцип уголовного процесса, и как обязанность должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, и как период времени, необходимый и достаточный для рационального и эффективного проведения судом первой инстанции всестороннего, полного и объективного установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания [5].

Понятно, что законодатель при формулировании ст. 6.1 УПК РФ был движим целью в максимальной степени ограничивать волокиту и затягивание уголовного судопроизводства уголовно-процессуальными средствами. Но внимательное прочтение ч. 1 и 2 указанной статьи стимулирует интерес к пониманию логики ее содержательной стороны. Так, согласно указанной норме, уголовное судопроизводство осуществляется в разумный срок; в то же время уголовное судопроизводство осуществляется в сроки, установленные уголовно-процессуальным законом, и возможно их продление, однако уголовное преследование, назначение наказания и прекращение уголовного преследования должны осуществляться в разумный срок.

Естественно, возникают вопросы: чем отличается «разумный» срок от срока, установленного уголовно-процессуальным законом? Чем отличается «разумный» срок от продленного срока, установленного уголовно-процессуальным законом? каковы критерии оценки и параметры «разумности» срока? При этом законодатель не формулирует определение понятия «разумный срок». Ни нормы УПК РФ, ни теоретические изыскания отечественных ученых в настоящее время не дают нам каких-то исчерпывающих пояснений на этот счет.

С целью объективного анализа и изучения мнения специалистов в области юриспруденции нами в период с декабря 2016 г. по март 2017 г. было проведено социологическое исследование, в котором приняли участие 193 следователя и 126 дознавателей МВД РФ, 202 следователя СК РФ, 70 сотрудников органов прокуратуры РФ, 55 федеральных судей РФ и 54 адвоката.

Проведенное исследование показывает, что судьи, прокуроры, следователи, дознаватели, адвокаты неодобрительно относятся к отсутствию в законе определения разумного срока. Интересно, что 78,6 % опрошенных судей обращают внимание на недостаточный уровень компетентности сотрудников следственных, контролирующих органов, что является одной из причин нарушения разумных сроков судопроизводства; 60,5 % опрошенных прокуроров высказываются о необходимости усиления контроля по соблюдению принципа разумного срока в предварительном расследовании; 72,1 % опрошенных следователей сетуют на чрезмерную загруженность, которая влияет на процесс соблюдения разумных сроков; 30,8 % опрошенных адвокатов считают необходимым появление на свет соответствующего постановления Пленума Верховного Суда РФ, в котором подробно разъяснялись бы наиболее значимые вопросы, возникающие в практике реализации принципа разумного срока предварительного расследования.

Как видим, практически все юристы – ученые, специалисты, правоприменители – считают тему разумного срока предварительного расследования наиболее актуальной.

Системный анализ трудов авторов, уголовно-процессуальной практики и результатов социологических исследований привел нас к той точке зрения, что понятие «разумность» следует рассматривать в качестве комплексного правового явления в уголовном процессе, представляющего собой, образно говоря, психоинтеллектуальную и волевою энергию, которая разворачивается в уголовно-процессуальном пространстве посредством сознания и действий различных лиц, вовлеченных в предварительное расследование. Такой подход к изучению «разумности» именно как правового явления в уголовном процессе позволяет наглядно

представить деятельность всех участников предварительного расследования с позиций закона, здравого смысла, справедливости, гуманности и так далее, в конечном счете разумности наступившего срока.

При этом важно отметить, что категория «разумность» гораздо шире понятий «принцип разумности» или «институт разумности», поскольку само по себе это правовое явление развивается в соответствии с определенными принципами, по определенным законам, интегрируя в себе значительное количество институтов уголовного процесса.

Подчеркнем, что «разумность» в уголовном процессе перспективнее всего представлять именно как явление. В таком случае «разумность», так или иначе, прослеживается, во-первых, в содержании норм уголовно-процессуального закона; во-вторых, в деятельности соответствующих должностных лиц и государственных органов, в частности, в стиле их работы; в-третьих, в действиях иных вовлеченных в уголовный процесс лиц; наконец, в-четвертых, в соблюдении разумных сроков как итогового результата протекания рассматриваемого правового явления.

Вышеизложенное позволяет осуществлять целенаправленное и упорядоченное изучение явления «разумности» в уголовном процессе, в частности, рассматривать его составные части (или элементы), направления его эволюции, условия и средства эффективного функционирования его элементов, механизмов, институтов, а также результат этого явления в виде соблюдения (несоблюдения) разумного срока.

Конечно, при этом приходится мириться, с одной стороны, с неудачным, с нашей точки зрения, употреблением слова «разумный» в УПК РФ, с другой стороны, с тем, что законодатель сузил понятие «разумный срок» до понятия принципа. Однако слово «разумный» уже вошло в обиход правоприменителей, в лексикон высших судебных инстанций страны, и большинство авторов не возражают против употребления данного слова.

Выход из сложившейся ситуации видим в следующем.

1. Статья 6.1 УПК РФ, в которой «разумный срок» определяется очень суженно (только как принцип уголовного судопроизводства), на данном этапе эволюции закона все же должна остаться.

2. Необходимо дополнить ст. 5 УПК РФ ч. 44.1 (как вариант): «срок разумный – промежуток времени, когда процессуальные действия совершаются без существенного превышения установленных сроков уголовного судопроизводства».

3. Часть 1 ст. 6.1 УПК РФ сформулировать таким образом (как вариант): «Уголовное судопроизводство осуществляется в разумные сроки, предполагающие недопущение существенного превышения установленных сроков уголовного судопроизводства, а также возможность его осуществления в более короткие сроки, нежели установленные настоящим Кодексом».

4. Часть 2 ст. 6.1 УПК РФ логичнее было бы изложить в следующей редакции: «Настоящий Кодекс устанавливает сроки осуществления уголовного судопроизводства. Продление этих сроков допустимо в случаях и в порядке, которые предусмотрены настоящим Кодексом».

Реализация этих предложений позволит:

- «разумность» рассматривать как явление в уголовно-процессуальном пространстве;
- с разумным сроком связывать не только недопущение существенного затягивания уголовного судопроизводства, но и возможность его проведения в более короткие сроки, чем в установленные уголовно-процессуальным законом;

- разграничить понятия «разумный срок» и «процессуальный срок», «срок, продленный в установленном порядке». Полагаем, разумный срок может превышать продленный процессуальный срок, но не существенно. Отметим, что категория «существенное – несущественное» является оценочной, но в российском законодательстве, в теории и практике она разработана довольно глубоко. Ее применение дает более четкое понимание всем участникам уголовного процесса о разумности сроков как таковых. «Разумный срок» представляется как некий возникший по необходимости, но несущественный «люфт» между формально установленным сроком и фактически наступившим сроком, между формально продленным сроком и фактически наступившим сроком.

При таком подходе открывается возможность изучать и формировать условия и средства реализации разумного срока, в частности предварительного расследования, решая двудединую задачу: по возможности предварительное расследование проводить в сроки, более короткие, чем установленные УПК РФ; с необходимостью предварительное расследование проводить в сроки, существенно не превышающие установленные сроки или продленные сроки.

Правовое явление разумности в уголовном процессе предполагает включение в себя таких составных элементов, как разумность уголовно-процессуальных норм, разумность дей-

ствий и решений должностных лиц, разумность поведения всех участников предварительного расследования, разумность системы подготовки кадров, разумность действий и решений контролирующих органов и лиц, разумность условий и средств обеспечения реализации разумного срока и т. д.

Поскольку очевиден тот факт, что правовое явление «разумность» деятельности участников уголовного процесса шире понятий «принцип разумного срока», «институт разумного срока», «разумный срок как реализация принципа процессуальной экономии» и так далее, то последние логично включаются в понятие разумности в уголовном процессе, обогащая его содержательную сторону. При этом надо иметь в виду, что явление разумности в уголовном процессе, как и любое другое правовое явление, внутренне противоречиво. Приведем пример.

Следователь имеет в производстве несколько дел. Предварительное расследование по делу «А» он может завершить на месяц раньше установленного уголовно-процессуальным законом срока. И это было бы разумно. В то же время дело «Б» довольно сложное, необходимо приложить больше усилий и затратить больше времени для проведения следственных действий; существует риск нарушения установленных сроков на проведение расследования. Следователь принимает решение «притормозить» расследование по делу «А», не нарушая установленных законом сроков, одновременно «ускорив» расследование по делу «Б». В таком случае, несомненно, разумность действий следователя по делу «А» теряется, по делу же «Б» разумность, наоборот, торжествует. В итоге, следователь, не нарушая установленных сроков, завершает расследование и по делу «А», и по делу «Б». При этом в нарушении принципа разумности следователя трудно упрекнуть, поскольку, согласно ст. 6.1 УПК РФ, разумный срок и срок, установленный законом, – это фактически тождественные понятия.

Этот пример показывает, что несовершенство формулировок УПК РФ и отсутствие определения понятия «разумный срок» ведут к фактам явного нарушения принципа разумного срока, хотя формально обвинить в таком нарушении бывает весьма сложно, даже просто невозможно.

Таким образом, «разумность» в уголовном процессе следует рассматривать в качестве цельного, сложного правового явления, функционирующего по определенным правилам, включающего в себя определенные элементы, развивающегося по определенным направлениям и имеющего своим результатом понятие «разумный срок». Содержательная сторона «разумности» в уголовном процессе отражает сложный, многоуровневый процесс реализации психоинтеллектуальной и волевой энергии участников уголовного процесса, стремящихся к достижению поставленных целей. С учетом этого разумный срок предварительного расследования можно определить как промежуток времени, когда процессуальные действия осуществляются до истечения срока, установленного уголовно-процессуальным законом; или когда процессуальные действия осуществляются с несущественным превышением срока, установленного уголовно-процессуальным законом или продленного в установленном порядке. Эта формулировка понятия разумного срока предварительного расследования предлагается для широкого обсуждения ученых и специалистов с последующим внесением ее в уголовно-процессуальный закон.

Литература

1. О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ (ред. от 29.06.2015) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 18. Ст. 2144.
2. Быков В.М. Новый закон о разумном сроке уголовного судопроизводства // Законность. 2010. № 11.
3. Быков В.М. О некоторых принципах уголовного процесса // Публичное и частное право. 2012. Вып. 1 (13).
4. Образцов А.В. От разумных сроков в уголовном процессе к принципу разумности // Российский следователь. 2011. № 16.
5. Рожков Д. Г. Обеспечение разумного срока уголовного производства в суде первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2013.
6. Рябцева Е. В. Понятие и критерии разумности в уголовном судопроизводстве // Уголовный процесс. 2010. № 12.
7. Рябцева Е. В. Принцип разумности как основа уголовно-процессуальной деятельности // Российская юстиция. 2011. № 3.
8. Смолин А. Ю. Разумный срок уголовного судопроизводства – проявление принципа процессуальной экономии // Российский следователь. 2010. № 19.
9. Урбан В. В. Реализация принципа разумного срока уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Светлана Николаевна Воробей, доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: s.d.vorobej@gmail.com

В статье анализируются следственные действия, проведение которых стало возможно до принятия решения о возбуждении уголовного дела в результате внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство, рассматриваются процессуальные особенности их производства при проведении доследственной проверки, анализируются проблемные аспекты правовой регламентации исследуемых следственных действий, предлагаются пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела; следственные действия; средства предварительной проверки сообщения о преступлении; осмотры; судебная экспертиза.

QUESTIONS TO INCREASE EFFICIENCY OF PRODUCTION OF INVESTIGATORY AND PROCEDURAL ACTIONS IN THE STAGE OF EXCITATION OF THE CRIMINAL CASE

Svetlana Nikolaevna Vorobei, chair associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor

The article analyzes the investigations, conduct which was possible before deciding whether to initiate criminal proceedings as a result of amendments to the criminal procedure law, considered the procedural features of their production during the pre-investigation, analyzed the problematic aspects of the legal regulation of the investigated investigation, suggests ways to address identified problems.

Keywords: stage of excitation of criminal case; investigative activities; means preliminary examination report a crime; inspection; forensics.

С развитием законодательства в науке уголовного процесса сложилось устойчивое мнение о самостоятельности стадии возбуждения уголовного дела.

Основными задачами стадии возбуждения уголовного дела являются: получение сообщения о возможно совершенном преступлении, предварительная проверка сообщения (доследственная проверка) и принятие решения по результатам этой проверки.

Внесение изменений Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ [1] в ст. 144 УПК РФ породило дискуссию о целесообразности сохранения в российском уголовном процессе стадии возбуждения уголовного дела. В ныне действующей редакции УПК РФ расширен круг процессуальных средств предварительной проверки сообщения о преступлении, который до внесения изменений в УПК РФ был возможен только после возбуждения уголовного дела, на стадии предварительного расследования. Это приводит к стиранию границ между досудебными стадиями уголовного процесса. Проверка сообщения о преступлении все больше становится похожей на полноценное предварительное расследование со значительным набором следственных и процессуальных действий по собиранию доказательств, которые существенно ограничивают права лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства. Например, С. И. Гирько считает, что имеются существенные основания для отказа от стадии возбуждения уголовного дела, а производство по делу возбуждать (по сути, начинать) подачей заявления или сообщения о фактических событиях, содержащих противоправность [6, с. 16]. Аналогичной точки зрения придерживаются и другие ученые. Так, по мнению Б. Я. Гаврилова, процессуальный порядок начала производства по уголовному делу должен быть принципиально изменен с исключением из УПК РФ норм о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела [5, с. 18].

Попытки проекта модернизации стадии возбуждения уголовного дела были предприняты в проекте, разработанном Академией управления МВД РФ «Об исключении института

возбуждения уголовного дела», обсуждаемого в системе ведомственных научных и учебных заведений МВД РФ, а также в «Дорожной карте дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации», включающей раздел о ликвидации института отказа в возбуждении уголовного дела [9].

Интересна позиция профессора Т. Н. Москальковой, которая считает, что стадия возбуждения уголовного дела является сегодня самой коррумпированной в уголовном процессе, и приводит в пример ситуацию, когда потерпевшему неправомерно отказывают в возбуждении уголовного дела, в результате чего дело не доходит до суда, или же возбуждают его незаконно, а также случаи подкупа сотрудников правоохранительных органов или запугивания участников уголовного дела. Исключение из УПК РФ стадии возбуждения уголовного дела, как она отмечает, повысит гарантии прав человека, вовлеченного в судебный процесс.

По сути, ею высказываются предложения вернуться к форме следствия, которая существовала в Уставах уголовного судопроизводства 1864 г., когда человек получал статус обвиняемого непосредственно перед первым заседанием суда. Такая система действует сейчас, в частности, в США, Бельгии, Великобритании, Австрии, Канаде, Финляндии, Молдавии и некоторых других странах. При этом прокурор, подозреваемый, его адвокаты собирают доказательства до суда и предъявляют их на суде, и только по его решению человек может получить статус обвиняемого [10].

Напротив, УПК Чехии, Словакии и стран бывшей Югославии предусматривают доследственную стадию – до начала досудебного расследования. Потребность в стадии возбуждения досудебного производства в уголовном судопроизводстве этих зарубежных стран детерминирована стремлением обеспечить определенную процессуальную экономию, ограничить вторжение в права граждан и оценить, нужен ли вообще переход к следующей, более затратной и интрузивной, основной стадии предварительного расследования.

Сторонники сохранения возбуждения уголовного дела в качестве самостоятельной стадии уголовного процесса мотивируют свою позицию, как правило, необходимостью быстрого реагирования на информацию, содержащую данные о признаках преступления, максимальной фиксации этих данных, создания условий для эффективного расследования и разрешения дела в суде, а также осуществления правозащитной функции [3, с. 110].

Исходя из вышесказанного и опираясь на точки зрения ученых, можно заключить, что стадия возбуждения уголовного дела исторически характерна для уголовно-процессуального законодательства стран континентальной Европы и не характерна для законодательства стран англосаксонской правовой семьи. Однако есть различия в правовом регулировании первоначального этапа досудебного производства в зарубежных странах, в законодательстве которых отсутствует именно процессуальный акт о возбуждении уголовного дела, но не правовая деятельность, составляющая содержание стадии возбуждения уголовного дела.

Безусловно, российское процессуальное право в исследуемом аспекте отличается от англосаксонской системы права, но и следовать по пути безоговорочного заимствования также не совсем правильно. В частности, представляет интерес позиция Ю. В. Астафьева, который считает, что «движение по пути заимствования основополагающих моментов из законодательства англосаксонской системы права – это движение в направлении разрушения уголовного процесса как системы... Это касается и прав личности в уголовном процессе, и соблюдения процессуальных гарантий, и реализации принципов уголовного процесса и в конечном итоге эффективности судопроизводства». При этом отмечается, что по своей сути уголовный процесс России – это система взаимоконтрольных стадий, которые имеют определенную процессуальную форму, субъектов, средства деятельности. В противном случае поменяется не только все, что сопряжено со сбором доказательств, но также ряд принципов уголовного процесса, процессуальных прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства. Пересмотру подвергнется и исторически сложившаяся система уголовно-процессуальных стадий. Однако эффект от таких нововведений будет поставлен под сомнение и возможно предсказуемо опасен [4, с. 303].

Несомненно, стадия возбуждения уголовного дела нуждается в существенной реформе. Это признают как ее противники, так и сторонники. На наш взгляд, следует подходить к этому процессу взвешенно, без кардинальных изменений.

По мнению А. В. Головки, существуют универсальные подходы решения проблем на стадии возбуждения уголовного дела [7, с. 10–13]. Сейчас по этому пути идут реформы уголовно-процессуального кодекса Украины и Казахстана. В уголовно-процессуальном законодательстве этих стран кардинально изменилась первоначальная стадия уголовного процесса.

Стадия доследственной проверки и возбуждения уголовного дела практически исключена. Например, в УПК Республики Казахстан после регистрации сообщения о преступлении уведомляется прокурор. Далее начинается полицейское дознание непосредственно под надзором прокурора, а после его завершения материалы этого дознания получают юридическую оценку прокурора. В результате возбуждается публичное обвинение перед судебной властью или выносится отказ в таком возбуждении.

В российском уголовном процессе пока нет столь значительных изменений, однако тенденция к реформированию стадий возбуждения уголовного дела прослеживается во внесенных в УПК РФ Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ изменениях. Приведенные преобразования существенно дополнили круг действий, которые вправе осуществлять следователь (дознаватель) на стадии возбуждения уголовного дела, в том числе это касается и дополнительных средств проверки заявления (сообщения) о преступлении. Ныне действующая редакция ч. 1 ст. 144 УПК РФ закрепляет возможность производства в стадии возбуждения уголовного дела документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов и дачи органу дознания обязательного для исполнения письменного поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, получения объяснений, истребования документов и (или) предметов, изъятия их в порядке, установленном УПК РФ, получения образцов для сравнительного исследования, назначения судебной экспертизы, проведения осмотра документов и (или) предметов (трупов), освидетельствования.

Однако данные изменения порождают ряд вопросов, которые нуждаются в детальном раскрытии и разъяснении.

Так, в пункте 1.2 ч. 1 ст. 144 УПК РФ законодателем введено положение, которое гласит, что «полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 настоящего Кодекса». Как видим, в данной редакции закона речь идет о сведениях, которые получены в ходе проверки сообщения о преступлении, а не о результатах следственных и иных процессуальных действий. Статья 89 УПК РФ, на которую ссылается законодатель, тоже не проясняет ситуацию, поскольку статья регламентирует возможность использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам, но никаких конкретных ориентиров по такому использованию не предусматривает. Кроме того, не совсем понятно, как орган дознания или предварительного расследования должен получать объяснения по существу обстоятельств, изложенных в заявлении (сообщении) о преступлении в стадии возбуждения уголовного дела. Закон однозначно указывает на то, что перечисленные субъекты вправе получать, а не требовать дачи соответствующих объяснений. Другими словами, принуждение в ходе указанного процессуального действия недопустимо. При этом следует учитывать также, что опрашиваемое лицо, в отличие от дачи показаний в ходе допроса, не обязано отвечать на поставленные вопросы. Такое лицо не может быть до возбуждения уголовного дела вызвано куда-либо повесткой, не может быть подвергнуто приводу и не предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложных показаний и за отказ от дачи показаний. В связи с этим нет ясности, могут ли сведения, полученные в ходе дачи объяснений до возбуждения уголовного дела, использоваться в качестве «готовых доказательств» по уголовному делу.

Безусловно, нельзя приравнивать опрос или объяснение, полученное в рамках оперативно-розыскных мероприятий, к показаниям свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста. Поэтому сведения, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности, без предусмотренной законом процедуры, не могут рассматриваться в качестве доказательств по делу. Оперативно-розыскные мероприятия не являются ни следственными, ни процессуальными действиями и поэтому не могут быть средством обнаружения доказательств по уголовному делу. В результате проведения оперативно-розыскных мероприятий сотрудники органа дознания обнаруживают не доказательства, а сведения о признаках подготавливаемого либо совершенного преступления и лицах, его совершивших [2].

На основании изложенного существенной корректировке должна быть подвергнута и ст. 75 УПК РФ. Речь в ней необходимо вести о требованиях, которые должны предъявляться к информации, используемой в качестве доказательств по уголовному делу с точки зрения допустимости. В настоящее время в законе говорится о недопустимости уже имеющихся доказательств. На наш взгляд, одним из основных свойств доказательств является допустимость, характеризующаяся использованием только процессуальных источников сведений, указанных в уголовно-процессуальном законе. Рассмотрение доказательств как единства содержания и материальной формы подразумевает использование такого свойства доказательств, как до-

пустимость в обязательном порядке, поскольку делает возможным учитывать процессуальный порядок извлечения сведений из процессуальных источников и их закрепление в установленном законом порядке. Не отвечают такому свойству доказательства, как допустимость, данные, полученные в ходе объяснения и опроса, так как они не могут быть получены и закреплены в процессуальном порядке и процессуальной форме. Следовательно, допустимость доказательств, также как относимость и достоверность, должна законодательно закрепляться в статье, определяющей понятие доказательства. Таким образом, будет исключена двусмысленность в содержании ст. 144 УПК РФ.

Проблемным вопросом в науке уголовного процесса и правоприменительной практике остается необходимость производства судебной экспертизы при проверке сообщения о преступлении. Закон предоставил правоприменителю такую возможность, однако и здесь процессуальный порядок не нашел достаточной регламентации. Так, в ст. 144 УПК РФ указано, что в стадии предварительного расследования участниками, которые имеют заинтересованность по делу, может быть заявлено ходатайство о производстве повторной судебной экспертизы (т. е. выводы эксперта, проводившего экспертизу на этапе доследственной проверки, будут поставлены под сомнение), которое подлежит удовлетворению.

В данной норме есть противоречия, так как одновременно подтверждается и опровергается доказательственная сила заключения эксперта, сделанного до возбуждения уголовного дела. Следователь вынужден поставить под сомнение заключение эксперта по формальным, а не по фактическим основаниям. Кроме того, в правоприменительной деятельности встречаются случаи, когда заявитель ходатайства вообще никаких доводов не приводит, что дает основание оценить заявленное ходатайство как способ воздействия на следствие [8, с. 104]. Имеется законодательная неопределенность процессуального статуса лиц, интересы которых затрагиваются в ходе производства судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела, а также неясность в вопросах, связанных с заявлением ходатайств о выборе экспертного учреждения, с возможностью отвода эксперта и присутствия при проведении экспертизы, с реализацией других прав, предусмотренных ст. 198 УПК РФ.

Не совсем понятным в уголовно-процессуальном законодательстве остается «право изымать документы и предметы в порядке, установленном УПК РФ». Означает ли это возможность производить выемку в стадии возбуждения уголовного дела?

Можно предположить, что изъятие можно проводить только при производстве осмотра предметов (документов), в ходе осмотра места происшествия, при получении образцов для сравнительного исследования, при производстве судебной экспертизы.

Вышеперечисленные следственные действия допускаются в стадии возбуждения уголовного дела. Однако изъятие предметов (документов) в ходе производства выемки не может проводиться на этапе предварительной проверки заявления (сообщения) о преступлении, поскольку осуществление данного следственного действия до возбуждения уголовного дела запрещено.

Таким образом, если следователь составит «протокол изъятия», пусть и со ссылкой на ч. 1 ст. 144 УПК РФ, то оформленное им изъятие не может быть признано проведенным «в порядке, предусмотренном УПК РФ», так как это не следственное действие, а значит, составленный документ не может рассматриваться как «протокол следственного действия». Думается, что подобное изъятие будет законным, если оно проводится в ходе осмотра места происшествия.

Резюмируя изложенное, отметим, что, претерпев значительные изменения, стадия возбуждения уголовного дела получила целый комплекс средств проверки сообщений о преступлении, в числе которых ряд следственных действий. Однако, расширив перечень средств предварительной проверки, законодатель не определил их процессуальную форму, нечетко и двусмысленно сформулировал содержание нормативных положений о некоторых из них, что негативно сказывается на правоприменительной практике. Дальнейшее расширение перечня следственных действий, допустимых для проведения на стадии возбуждения уголовного дела, может негативно сказаться на процессуальных гарантиях прав и свобод личности и привести к их грубым ущемлениям.

Литература

1. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

2. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. // Российская газета. 2013. 13 декабря.
3. Андреева О. И. О необходимости стадии возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России // Вестник Томского государственного университета. Сер. Право. 2012. № 356.
4. Астафьев Ю. В. «Специальные» следственные действия: к проблеме включения оперативно-розыскных мероприятий в УПК РФ // Вестник Воронежского государственного университета. 2013. № 1 (13).
5. Гаврилов Б. Я. Современное уголовно-процессуальное законодательство и реалии его правоприменения // Российский следователь. 2010. № 15.
6. Гирько С. И. О некоторых проблемных вопросах процессуальной регламентации ускоренного досудебного производства // Российский следователь. 2010. № 15.
7. Головкин Л. В. Казахстан: досоветизация уголовного процесса. Отказ от стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. 2011. № 4.
8. Грачев С. А. Стадия возбуждения уголовного дела: ликвидировать нельзя оставить // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1(31).
9. Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации. URL: <http://www.rg.ru>
10. Москалькова Т. Н. Необходимо исключить из УПК РФ стадию возбуждения уголовного дела. URL: http://www.spravedlivo.ru/5_44269.html (дата обращения: 05.02.2014).

УДК 343.13

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ДОСТИЖЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ КАК ЦЕЛИ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Максим Анатольевич Мамошин, старший преподаватель Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук

E-mail: mister.maxim83@yandex.ru

В статье затрагиваются актуальные вопросы, связанные с целями доказывания в уголовном судопроизводстве. Должен ли следователь, дознаватель, судья, реализуя свои полномочия на различных стадиях уголовного судопроизводства, в каждом случае устанавливать объективную истину по уголовному делу? Автор на основе исследований различных точек зрения советских и российских ученых-процессуалистов раскрывает наиболее значимые аспекты по данному вопросу и вносит предложения по совершенствованию института объективной истины в уголовно-процессуальном законодательстве России.

Ключевые слова: объективная истина; предварительное расследование; доказывание; состязательность; суд; следователь.

ABOUT SOME QUESTIONS OF ACHIEVING OBJECTIVE TRUTH AS THE PURPOSE OF PROOF IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF RUSSIA

Maxim Anatolyvich Mamoshin, senior lecturer of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law

The article addresses relevant issues concerning the order of proof in criminal proceedings. Should the investigator, the interrogating officer, the judge, in pursuance of their powers at different stages of criminal proceedings, in each case to establish the objective truth in a criminal case? The author based on research of different points of view of Soviet and Russian scientists processualists on this issue, reveals the most significant aspects and makes proposals on the development Institute objective truth in the criminal procedure legislation of Russia.

Keywords: objective truth; preliminary investigation; evidence; adversarial; court; investigator.

Сегодня в среде научного сообщества активно обсуждается проблема о цели доказывания в уголовном процессе при расследовании уголовных дел. Должен ли следователь, дознаватель, судья, реализуя свои полномочия на различных стадиях уголовного судопроизводства, в каждом случае устанавливать объективную истину по уголовному делу? Этот вопрос отнюдь

не праздный, т. к. установление (или неустановление) истины по уголовному делу напрямую связано с успешным соблюдением на практике прав и свобод человека и гражданина.

Понятие истины имеет философское наполнение и может быть сформулировано следующим образом: адекватное отражение объекта познающим субъектом, воспроизведение этого объекта так, как он существует сам по себе, вне зависимости от человека и его сознания [12, с. 230].

Необходимо отметить, что в науке уголовно-процессуального права существуют различные суждения о том, какую истину необходимо устанавливать по уголовному делу, и в связи с этим следует обратить внимание на несколько концептуальных подходов:

1. *Теория объективной истины* [10, с. 155]. Сторонники данной точки зрения связывают ее достижение с точным установлением компетентными государственными органами и должностными лицами обстоятельств уголовного дела такими, какими они были в действительности, а не субъективно – согласно сложившемуся личному мнению.

2. *Теория объективной истины обвинительного приговора*. Как считают ее представители, достижение объективной истины возможно лишь по уголовным делам, по которым вынесен обвинительный приговор, с учетом того обстоятельства, что он не должен основываться на предположениях; оправдательный же приговор может быть постановлен в случае недоказанности причастности лица к совершению преступления, что исключает его полную истинность [8, с. 219–223].

3. *Теория достоверной истины* [3, с. 28], т. е. установления в ходе уголовного судопроизводства таких знаний, которые не только соответствуют реальной действительности, но и обоснованы собранными материалами уголовного дела.

4. *Теория абсолютно-относительной истины* [2, с. 15]. Абсолютная истина предполагает полное знание о чем-либо, относительная – правильное, но не полное знание. В уголовном судопроизводстве истина в части установления значимых по делу обстоятельств (событие преступления, виновность лица и др.) должна носить абсолютный характер, а при определении отдельных, не имеющих большого значения деталей, может носить и относительный характер.

Действительно, достигнуть консенсуса в вопросе о том, какая истина должна устанавливаться в уголовном судопроизводстве, не представляется возможным. Каждая вышеобозначенная теория имеет право на существование, при этом отечественная наука продолжает искать пути решения этой непростой теоретической дилеммы.

Теперь о том, какую все-таки истину требуется устанавливать в ходе уголовного судопроизводства и возможно ли ее установить по каждому уголовному делу.

Поговорим об объективной истине, которую, как уже было отмечено, новый УПК РФ не воспринял в качестве принципа уголовного процесса, т. е. требование к объективному, всестороннему и полному исследованию доказательств растворилось в море либеральных и гуманистических идей, наполнивших источник уголовно-процессуального права. Не хочется видеть в этом порядке вещей какую-то символичность, но следует считаться с тем, что в какой-то мере отказ законодателя от внедрения в УПК РФ объективной истины в качестве цели доказывания имеет, помимо всего прочего, также и социальную подоплеку. Именно в 90-е гг. прошлого столетия, запомнившиеся обывателю беспрецедентным разгулом криминальных структур, повсеместными захватами государственной собственности и ее приватизацией, коррупцией во всех эшелонах власти и другими преступными бесчинствами, начался процесс либерализации и внедрения гуманистических концепций в действующие законы страны, особенно в те из них, которые по своей правовой сущности призваны бороться с преступностью и сдерживать ее проявление в обществе и государстве.

В данном контексте отказ от многих отечественных (еще советских) доктрин под видом их несостоятельности, несоответствия новым идеям, провозглашенным на волне свершившихся демократических завоеваний, выглядит вполне закономерным и логичным. В том числе и отказ от объективной истины в уголовном судопроизводстве, как минимум, приводит к оправданию следственных и судебных ошибок, которых, к сожалению, несмотря на все попытки реформировать отечественное уголовное судопроизводство, меньше не становится. А на скамье подсудимых, как известно, не всегда находятся обычные уголовники, и статус некоторых из них весьма высок. Чем крупнее рыба, тем тяжелее вытащить ее из воды. Вот и получается, что законы становятся более либеральными, а преступность растет. Но, что еще более удручает, так это то, что часть научного сообщества с вдохновением поддержала сторонников внедрения гуманистических идей в уголовное судопроизводство. Внесением бесчисленных

либеральных поправок в УПК и УК Российской Федерации был заретуширован очевидный факт ослабления государственного контроля над преступностью.

Для начала рассмотрим аргументы противников установления объективной истины в уголовном судопроизводстве. Вот что по этому поводу пишет профессор В. А. Лазарева: «Отказ от истины, как обязательной для достижения в каждом случае цели уголовного судопроизводства, обусловлен наконец-то презумпцией невиновности... Требование установления истины не совместимо с состязательностью... Ряд положений уголовно-процессуального закона позволяет заключить, что законодатель сознательно жертвует возможностью получения знаний о расследуемом преступлении, т. е. отказывается от установления истины ради других официально признаваемых ценностей. Никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому унижающему человеческое достоинство обращению даже ради установления истины» [4, с. 35–37]. В завершение автором делается окончательный вывод: «...абсолютной достоверности знания (как и абсолютной истины) не существует, вероятность ошибки обвинения в оценке доказанности обвинения, в соответствии знания действительности высока» [4, с. 43].

Что сказать по этому поводу? Уважаемый ученый «бьет» железными аргументами, заставляя усомниться: а надо ли в таком случае вообще добиваться установления какой-либо истины? Нужна ли такая истина, которую можно достигнуть, используя при этом запрещенные приемы, принуждая обвиняемого давать признательные показания и осуществляя другие противозаконные действия, отвергаемые как Конституцией России, так и различными международными нормами? Нам представляется, что уважаемый профессор искусственно повышает градус в оценке рассматриваемого явления, создавая образ объективной истины как некой тупиковой ситуации, в которую попадают все участники уголовного процесса. Приведем контраргументы.

Контраргумент первый. В. А. Лазарева обращает внимание на то, что состязательность сторон препятствует установлению объективной истины по уголовному делу. Мы же солидарны с мнением авторов, отмечающих по этому поводу, что принцип состязательности сторон, реализованный в умеренной, разумной форме, является не ограничением на пути установления объективной истины, а, напротив, дополнительным познавательным средством установления такой истины [11, с. 108].

Контраргумент второй. Не совсем удачным, как нам видится, является противопоставление установлению объективной истины других, более приоритетных, по мнению В. А. Лазаревой, в уголовном процессе ценностей. На наш взгляд, в этой ситуации усматривается смешение абсолютно разных правовых явлений. Получается, что достижение объективной истины только и возможно путем применения пыток, насилия и других унижающих человеческое достоинство приемов и способов органами следствия и дознания. Использование подобных приемов как раз не способствует установлению истины, а ведет к прямо противоположному эффекту.

Контраргумент третий. С мнением профессора В. А. Лазаревой о том, что абсолютной достоверности знаний не существует, также можем поспорить. Необходимо учитывать одну маленькую деталь: мы ведем речь об установлении объективной истины в уголовном процессе, который, в свою очередь, является специфическим видом государственной деятельности уполномоченных государственных органов и должностных лиц (суда, следователя, дознавателя, прокурора). Соответственно, если опираться на чисто философское понимание истины как научное познание закономерностей в природе и обществе, то тогда, конечно, будет сложно разобраться, каким образом суд, следователь, дознаватель эти закономерности должен устанавливать в своей практической деятельности. В связи с этим считаем совершенно справедливым мнение отдельных авторов, что теория познания истины охватывает все сферы познания человеческой деятельности, а не только познание научное, направленное на познание закономерностей природы и общества [9, с. 170]. Вообще в науке принято выделять несколько видов человеческой деятельности: преобразовательную, познавательную, ценностно-ориентационную, коммуникативную. Каждый вид деятельности имеет свою специфику, однако ни одна из них не может быть результативной, если опирается на объективно-правильное, адекватное отражение действительности, на истинное знание о фактах и явлениях окружающего мира [11, с. 170].

Считаем, что вопрос о важности закрепления на нормативном уровне в уголовном судопроизводстве института объективной истины не должен расцениваться как чисто теоретический, не имеющий никакой практической ценности. Совершенно правы авторы, утверждающие, что отрицание возможности достижения объективной истины в уголовном судопроизводстве,

нацеливание практики не на ее достижение, а на установление максимальной вероятности того или иного события или отношения, дезорганизует следственную и судебную деятельность, приводит к грубейшим нарушениям законности [6, с. 12–14].

Таким образом, считаем, что институт объективной истины необходим российскому уголовному процессу и его следует ввести в УПК РФ, но вначале надо выяснить его место в системе норм уголовно-процессуального регулирования, его содержание, определить критерии достижения истины. Все эти проблемы, конечно, можно решить на нормативном уровне, но в этом должен быть в первую очередь заинтересован законодатель. Мы предлагаем свое видение возможного процесса легализации института объективной истины. Для удобства понимания выделим три блока, раскрывающих значимые аспекты установления объективной истины по уголовному делу.

Первый блок. Процедура введения института объективной истины в УПК РФ требует четкого осмысления его места в системе норм уголовно-процессуального регулирования. Другими словами, следует ответить на вопрос: что должна олицетворять объективная истина в уголовном процессе: его принципы, его цели или его задачи? Надо сказать, что это не просто один из вопросов, на который придется ответить законодателю, а целая проблема, имеющая переходящий характер, т. к. даже в период действия УПК РСФСР (1960 г.), который не содержал самостоятельной главы, посвященной принципам уголовного процесса, ученые-процессуалисты никак не могли прийти к единству во мнении: является целью или принципом требование о достижении объективной истины по уголовному делу. Некоторые авторы высказываются в том смысле, что основной задачей уголовного судопроизводства является раскрытие преступлений и изобличение лиц, виновных в их совершении, а также установление истины по делу [1, с. 24–30].

Следует понимать одну немаловажную вещь: принципы, цели и задачи – три абсолютно разных понятия, которые не следует отождествлять, хотя, как показывает анализ некоторых норм действующего УПК, такие случаи, увы, встречаются. Пример – ст. 6 УПК РФ, в которой назначение уголовного судопроизводства, с одной стороны, понимается как цель, а с другой – возведено в ранг самостоятельного принципа.

Цели и задачи также смешивать не следует. Цель выражает стремление к конечному состоянию, обладает конкретностью конечного результата, отражает потребности субъекта. Что касается задачи, то она представляет собой конкретизацию путей решения проблемной ситуации. Таким образом, задача всегда исходит из цели и является средством ее реализации. Так, например, если мы утверждаем, что требование к достижению в каждом уголовном деле объективной истины является целью уголовного процесса, то соответственно задачи будут направлены на ее установление компетентными государственными органами и должностными лицами. В данном контексте дилеммой является возможность признания объективной истины как цели доказывания по уголовному делу либо как одного из основополагающих принципов уголовного судопроизводства. В действующем УПК РФ все принципы уголовного судопроизводства находят свое отражение в гл. 2, хотя далеко не все ученые-процессуалисты с такой системой полностью согласны.

Вопрос, связанный с определением системы принципов уголовного судопроизводства, вызывает не менее жаркие дискуссии, чем вопрос о том, возможно ли установление объективной истины по уголовному делу.

В философском значении принцип – это исходное положение, общее требование, которое имеет значение предпосылки к действию. В нашем случае принципы уголовного судопроизводства определяют деятельность всех участников уголовно-процессуальных правоотношений и, будучи тесно взаимосвязаны с доказыванием, устанавливают условия достижения целей.

Требование к установлению объективной истины не может возводиться в ранг принципа и быть закрепленным в гл. 2 УПК РФ, т. к. является общим положением, относящимся к процессу доказывания, т. е. принадлежит только к одному из институтов уголовного процесса. Что касается принципов, то их влияние распространяется на все стадии уголовного судопроизводства, его систему, институты, процессуальные формы.

Цели уголовного процесса формирует вышеупомянутая ст. 6 УПК РФ. Значит ли это, что предложение о восстановлении института объективной истины в уголовном судопроизводстве должно быть воплощено путем коррекции именно этой нормы? Думается, что нет. Познание объективной истины является целью процесса доказывания, а значит, должно найти свое достойное место среди норм, регламентирующих этот институт, предусмотренный гл. 11 УПК РФ. В связи с этим представляется логичным сконструировать самостоятельную

статью (85.1), озаглавив ее «Установление объективной истины при производстве по уголовному делу». При этом ч. 1 предлагаемой статьи может быть представлена в следующей интерпретации: «В процессе доказывания суд, следователь, дознаватель, орган дознания обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие подозреваемого, обвиняемого, а также смягчающие его ответственность обстоятельства». Данная формулировка заимствована нами из ст. 20 ранее действовавшего УПК РСФСР, но думается, что она вполне соответствует современному уголовно-процессуальному законодательству.

Второй блок. Помимо дискуссий по поводу введения института объективной истины в уголовный процесс существует также проблема, связанная с ее содержанием. Так, некоторые ученые-процессуалисты считают возможным включить в содержание объективной истины установление юридической квалификации содеянного, а также определение меры наказания виновному. В связи с этим следует вспомнить высказывание известного ученого-процессуалиста М. С. Строговича, который по этому поводу отмечал, что понятие истины относится к установлению фактов, обстоятельств уголовного дела, но не к юридической оценке, квалификации этих фактов. Само же деяние, событие преступления и вина совершившего его лица являются для судей объективным фактором, который они должны установить, познать таким, каким он был в действительности [7, с. 308–333]. Определение меры наказания также вряд ли можно включить в содержание истины, так как, по справедливому замечанию отдельных авторов, оно во многом зависит от обстоятельств дела, от самого субъекта преступления и от условий общественной жизни, но само не может ни изменить, ни отменить уже установленные судом фактические обстоятельства дела [9, с. 171].

В данном контексте предлагаем в вышеобозначенный проект ст. 85.1 включить ч. 2 и изложить ее в следующей редакции: «Достижение объективной истины в процессе доказывания связано с полным установлением всех обстоятельств уголовного дела о сущности содеянного путем всестороннего, полного и объективного их исследования судом, следователем, дознавателем, судом, органом дознания. Установление объективной истины по делу является важной предпосылкой правильной квалификации действий обвиняемого лица, а также справедливого применения уголовного закона в каждом конкретном случае».

Такая трактовка позволит, во-первых, четко обозначить содержание объективной истины, а во-вторых, отграничить сущность содеянного от его правовой оценки, которая, по нашему мнению, выходит за рамки установления объективной истины, но, безусловно, должна быть дана правильно и соответствовать смыслу и содержанию применяемого уголовного закона.

Третий блок. Уголовный процесс поделен на несколько относительно самостоятельных, но тесно взаимосвязанных частей, которые отделены друг от друга итоговыми процессуальными решениями. Речь идет о его стадиях, каждая из которых характеризуется кругом участников, видом принимаемых решений, своими задачами и т. д.

Центральной стадией уголовного процесса является судебное разбирательство, в ходе которого по сути и вершится правосудие, т. е. уголовное дело разрешается по существу, выносится приговор – обвинительный либо оправдательный. И здесь возникает закономерный и опять же достаточно дискуссионный вопрос: на каком этапе, с какого момента устанавливается объективная истина и возможно ли ее установление по каждому уголовному делу? Мы уже приводили различные подходы к вопросу об установлении истины по делу и о том, какая истина может быть достигнута в уголовном процессе. Многие ученые, которые скептически относятся к идее внедрения института объективной истины в уголовный процесс, полагают, что ее установление возможно только в случае вынесения судом обвинительного приговора, т. е. когда совершенное преступление полностью раскрыто, изобличен обвиняемый и когда впоследствии обвиняемый признается судом виновным. Получается, если уголовное дело, при наличии установленных законом оснований, в суде прекращается, обвиняемый признается невиновным либо если дело прекращает следователь, дознаватель на стадии предварительного расследования ввиду, например, отсутствия состава или события преступления, то достижение объективной истины исключено? Но можно ли тогда считать объективную истину установленной, если суд признает не виновное в совершении преступления лицо виновным и вынесет в отношении его обвинительный приговор? Очевидно, что нет.

Выше нами было предложено определять объективную истину как всестороннее, полное и объективное исследование всех обстоятельств уголовного дела. Так вот, момент установления объективной истины не может быть связан с каким-то одним этапом уголовного процесса (например, со стадией судебного разбирательства) и оформлен только единственно

возможным решением (обвинительным приговором), т. к. процесс всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела компетентными государственными органами и должностными лицами сам по себе динамичен и охватывает все стадии уголовного судопроизводства. В стадии возбуждения уголовного дела установлением объективной истины будет являться наличие или отсутствие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, что ведет к принятию соответствующего итогового решения на данном этапе. В стадии предварительного расследования следователь, дознаватель проводят расследование и устанавливают объективную истину, составляя обвинительное заключение, обвинительный акт, что свидетельствует о достаточном количестве собранных доказательств, изобличающих обвиняемого в совершении преступления. В дальнейшем суду предстоит разобраться и сделать вывод о виновности либо невиновности подсудимого в совершении преступления, что ведет к установлению объективной истины по делу.

Необходимо отметить, что прекращение уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст. 24, 25, 27, 28, 28.1 УПК РФ, также не следует расценивать как препятствие к установлению объективной истины. Так, например, если путем всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела следователь в стадии предварительного расследования выяснит, что в действиях обвиняемого отсутствует состав преступления (совершение деяния в состоянии необходимой обороны), то, прекращая уголовное дело, следователь не нарушит закон, не откажется от установления объективной истины, т. к. она в конкретном случае им уже установлена.

Таким образом, мы убеждены, что объективная истина устанавливается как в процессе расследования, так и в судебном разбирательстве и не замыкается только лишь на одном из возможных итоговых решений – обвинительном приговоре. Другое дело, что установление объективной истины не является единственной целью уголовного процесса и может возникнуть ситуация, когда достижение всех остальных целей при расследовании конкретного уголовного дела не представится возможным. К целям уголовного процесса относят, например, следующие: обнаружение истины по делу; установление виновности лица, совершившего преступление; справедливое наказание виновного; реабилитация невиновного; воспитательное воздействие на граждан; пресечение и предупреждение преступлений [5, с. 218–228].

В свете вышесказанного предлагаем ввести в проект ст. 85.1 УПК РФ ч. 3 следующего содержания: «Установление объективной истины возможно как в процессе предварительного расследования, так и в процессе судебного разбирательства и должно подкрепляться совокупностью собранных доказательств».

Подводя общие итоги рассматриваемого вопроса, пожелаем законодателю проявить большую решимость и принципиальность в вопросе легализации института объективной истины в уголовном судопроизводстве. Высказывания отдельных ученых о невозможности и нецелесообразности установления объективной истины по уголовному делу, как нам представляется, дезориентируют следственные и судебные органы государственной власти в борьбе с преступностью, препятствуют обеспечению точности и справедливости применения уголовного закона при разрешении уголовного дела.

Литература

1. Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006.
2. Каз Ц. М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов, 1960.
3. Кокорев А. Д., Кузнецов Н. П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995.
4. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учеб. – метод. пособие. М., 2013.
5. Ларин А. М. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979.
6. Мухин И. И. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. Л., 1971.
7. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968.
8. Уголовно-процессуальное право РФ: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2009.
9. Уголовный процесс: сб. учеб. пособий. Общая часть. Вып. 1. М., 2002.
10. Уголовный процесс: учебник / под ред. В. П. Божьева. М., 2008.
11. Уголовный процесс: учебник / под ред. О. И. Андреевой и др. Ростов н/Д, 2015.
12. Философский энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М., 1989.

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕЖИМА КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В УГОЛОВНОМ ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Виктор Сергеевич Черкасов, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: viktor.kmsx@gmail.com

В статье рассматривается проблема отставания и недостатков уголовно-процессуального регулирования механизма получения доказательственных сведений, выраженных в электронной форме. В частности, из-за пробелов в регламентации правового режима компьютерной информации в судебной практике наблюдается нарушение прав человека на тайну связи при производстве следственных действий в отношении электронных носителей информации. Излагаются основные положения концепции по совершенствованию правового режима электронной информации в уголовно-процессуальном праве России.

Ключевые слова: правовой режим; компьютерная информации; электронный носитель информации; электронное сообщение; тайна связи; неприкосновенность частной жизни; следственное действие.

THE PROBLEM OF REGULATING THE LEGAL REGIME OF COMPUTER INFORMATION IN CRIMINAL PROCEDURAL LAW

Victor Sergeevich Cherkasov, post graduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

This article demonstrates the gaps and weaknesses of the criminal procedure regulation mechanism for obtaining evidentiary information, expressed in electronic form. In particular, due to gaps in the regulation of the legal regime of electronic information, in judicial practice there is a violation of the human rights to privacy of communications in the production of the investigative actions in relation to electronic media. Outlines the main provisions of the concept on improvement of the legal regime of electronic information in Russian criminal procedural law.

Keywords: the legal regime; computer information; information carrier; electronic message; the right to confidentiality of communications; privacy; investigative action.

Электронно-информационная сфера плотно интегрировалась в экономическую, политическую, духовную и социальную деятельность современного общества. Ежедневно человек получает новости, общается, оплачивает счета при помощи цифровых устройств, которые помещаются в ладони. В XXI в. возможности по передаче и преобразованию данных многогранно возросли. Информация уже давно стала объектом правового регулирования, однако информационные технологии развиваются настолько стремительно, что правовое поле не успевает охватить все отношения, формирующиеся в электронно-информационной сфере. В частности, указанное обстоятельство наблюдается в уголовно-процессуальном праве. Подобное отставание видится в недостатках уголовно-процессуального регулирования правового режима компьютерной информации* при получении доказательственных сведений, хранящихся в электронном виде на различных цифровых устройствах.

Необходимо отметить, что, безусловно, законодательная деятельность по образованию уголовно-процессуального правового поля в электронно-информационной сфере осуществляется. Так, Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [2] была введена дополнительная юридическая категория «электронный носитель информации» и определены специальные требования по его изъятию, что привело к изменениям в ряде статей УПК РФ – в ст. 81, 82, 119, 166, 182, 183. Тем не менее, понятию «электронный носитель информации» не дано легального определения. В. Ф. Васюков и А. В. Бульжкин отмечают, что большинство авторов,

* Правовой режим информации – «это нормативно установленные правила, которые определяют степень открытости, порядок документирования, доступа, хранения, распространения и защиты информации» [5, с. 116].

истолковывая указанный термин, опираются на стандарты, установленные в единой системе конструкторской документации. Этой логике, по их мнению, следовали и законодатели. Между тем, указывают авторы, в соответствии с положениями пп. 3.1.9 ГОСТа 2.051–2013 под электронным носителем понимается «материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники» [6, с. 5].

Следует согласиться с мнением В. Ф. Васюкова и А. В. Булыжкина, что подобная трактовка позволяет включить в категорию «электронные носители информации» неограниченное число технических устройств [6, с. 5]. Действительно, такими свойствами, как запись, хранение и воспроизведение компьютерной информации, обладают большинство известных цифровых устройств, используемых для работы со сведениями, выраженными в электронной форме (флеш-накопитель, оптический диск, ноутбук, мобильный телефон и т. д.).

Используя современные электронные носители информации, возможно отправлять электронные сообщения через специальные интернет-сервисы: «ВКонтакте», «Одноклассники», «Facebook», «Whatsapp», «Mail.ru», «Яндекс почта» и т. д. При этом получаемые или отправляемые сообщения не хранятся в памяти самого электронного носителя информации. Размещение информации и коммуникация на подобных сервисах происходят при помощи удаленных серверов (электронных хранилищ данных), которые могут находиться в любой точке мира.

Можно прийти к выводу, что общение между людьми через электронные сообщения также попадает под тайну связи, по аналогии с телефонной связью, однако правоприменительная практика показывает совершенно иную картину. Закрепленный в УПК РФ порядок изъятия и осмотра электронных носителей информации позволяет сотрудникам органов предварительного расследования обходить ограничения, связанные с тайной связи и неприкосновенностью частной жизни, гарантированные ст. 23, 24 Конституции РФ.

Анализ судебно-следственной практики показывает, что в большинстве случаев для изъятия содержания компьютерной информации, доступ к которой производится через электронный носитель (например, сотовый телефон), и приобщения компьютерной информации к материалам уголовного дела используется компьютерно-техническая экспертиза или осмотр предметов. При этом для производства данных следственных действий судебное разрешение не требуется.

Подтверждая позицию по использованию компьютерно-технической экспертизы по исследованию электронных носителей информации для получения и приобщения компьютерной информации к материалам уголовного дела, обратимся к приговору Железнодорожного районного суда г. Пензы от 4 августа 2016 г. № 1–198/2016 *.

Согласно приговору суда, К. был признан виновным в совершении покушения на незаконный сбыт наркотических средств группой лиц по предварительному сговору в особо крупном размере (ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ). Так, неустановленное следствием лицо, использующее логин «gektor», через программу связи «CoverMe» посредством электронных сообщений связалось и предложило К. осуществлять совместный сбыт наркотических средств. Роль К. заключалась в получении наркотического вещества в тайнике по указанию пользователя «gektor» и дальнейшей транспортировке и размещении наркотического вещества в местах, указанных лицом, использующим логин «gektor». Однако К. свой преступный умысел не смог завершить, так как был задержан. Среди доказательств, подтверждающих вину К., было заключение компьютерно-технической экспертизы в отношении изъятых у К. мобильного телефона. Согласно заключению, в телефоне обнаружено программное обеспечение «CoverMe», предназначенное для защищенного обмена сообщениями, фотографиями и видео, а также для осуществления звонков. История переписки и контакты, фотографии возможных мест закладки, приложения были представлены на оптическом диске. Оптический диск был осмотрен в судебном заседании, установлено, что в телефоне, используемом К., имеется приложение «CoverMe», отражены фотографии возможных мест закладок наркотических средств, а также переписка с лицом под ником «gektor», свидетельствующая о действиях подсудимого по незаконному сбыту наркотических средств (адреса закладок, указание о том, куда надо ехать, вопросы о плате за фасовку).

* URL: <https://rospravosudie.com/court-zheleznodorozhnyj-rajonnyj-sud-g-penzy-penzenskaya-oblast-s/act-532633599/> (дата обращения: 18.03.2017).

Думается, что в данном случае имеет место нарушение конституционного права человека и гражданина «на тайну иных сообщений», предусмотренного ч. 2 ст. 23 Конституции РФ.

Правоприменительная практика демонстрирует, что допустимо не только исследовать содержание электронных сообщений через производство компьютерно-технической экспертизы электронных носителей информации (компьютеров, мобильных телефонов и т. д.) без судебного решения, но и при производстве следственного осмотра предметов. Более того, в настоящий момент, привлекая для производства осмотра предметов специалиста, который применяет соответствующие аппаратно-программные комплексы, допустимо подбирать пароли защиты от электронных устройств. К таким комплексам С. Ю. Скобелин относит следующие: универсальное устройство извлечения судебной информации (UFED – Universal Forensic Extraction Device), «Мобильный криминалист», XRY, MOBILedit, «Тарангул» и другие, а также отмечает, что посредством комплекса UFED «можно получить информацию о паролях, журналах вызовов, текстовых сообщениях, контактах в электронной почте, мессенджерах, записях в календаре, медиафайлах, геотегах, приложениях, служебных данных (список IMSI, данные последней сим-карты, коды блокировки); данных журнала «Lifeblog», содержащего список действий с телефоном; о переписке в различных социальных сетях («ВКонтакте», «Одноклассники», «Twitter», «Facebook») с помощью таких приложений, как «Skype» и др.» [12, с. 31–32].

Для подтверждения сказанного обратимся к приговору Ясногорского районного суда от 1 февраля 2016 г. № 1–1/2016* в отношении Н. и К., которые признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 204 УК РФ, – коммерческого подкупа, то есть в незаконной передачи лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой организации, денег за совершение действий в интересах дающего, в связи с занимаемым этим лицом служебным положением, группой лиц по предварительному сговору. Так, Н. и К. участвовали в аукционе по заключению договора аренды нежилого помещения муниципального имущества Ясногорского района. Для обеспечения победы в рамках аукциона Н. и К. передавали денежные средства лицам, выполняющим управляющую функцию в коммерческой организации, чтобы последние отказались от участия в аукционе.

Среди доказательств, подтверждающих вину Н. и К., представлен протокол осмотра предметов, из которого следует, что осмотрен мобильный телефон, изъятый у Н. в ходе осмотра места происшествия. Из памяти данного телефона извлечена посредством программно-аппаратного комплекса UFED TOUCH переписка между абонентами Н. и К. через приложение «Viber». В данной переписке Н. и К. обсуждают вопросы по участию в аукционе и передаче денежных средств иным лицам за отказ их от участия в аукционе.

Видится, что и в данном случае имеются нарушения ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, так как не было получено судебное разрешение на осмотр электронного носителя информации и изучение содержания электронных сообщений в программе «Viber».

Еще одной проблемой при получении доступа к компьютерной информации является вопрос о подмене обыска следственным осмотром. Необходимо задаться вопросом: чем отличается возможность вскрывать любые помещения против воли лица при обыске (на основании ч. 6 ст. 181 УПК РФ) от возможности «взламывать» пароли электронных устройств при осмотре предметов? Проблема разграничения уголовно-процессуального осмотра от обыска в современных информационных отношениях получила особую значимость.

По данной проблеме интересно мнение Р. И. Оконенко, который предлагает разграничивать уголовно-процессуальный осмотр и обыск, исходя из «степени возможного вторжения органов предварительного расследования в частную жизнь человека» [10, с. 29].

Данный критерий согласуется с нормами УПК РФ, регламентирующими порядок производства осмотра и обыска. Видится, что при исследовании электронных носителей информации против воли владельца необходимо производить обыск. Однако ч. 1 ст. 182 УПК РФ предусматривает в качестве объектов обыска «какое-либо место» или «лицо». Отдельно взятый предмет как объект обыска уголовно-процессуальным законом не предусмотрен, что делает невозможным производство обыска в отношении отдельно взятого электронного носителя информации.

Таким образом, представляется, что проблема правового режима компьютерной информации в уголовном досудебном производстве является очевидной. Чем же обусловлен подход

* URL: // <http://sudact.ru/regular/doc/GwUF4hU8L2Hp> (дата обращения: 01.04.2017).

правоприменителя по получению доступа к частным сведениям, выраженным в электронной форме через электронный носитель информации, без судебного разрешения?

Так, В. Ф. Васюков, проанализировав нормативно-правовые акты, регулирующие порядок получения правоохранительными органами электронной информации в порядке уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, указывает на следующее правило: «Правоотношения, регулируемые федеральными законами, касаются только принципов сохранения в тайне данных, которые были доверены гражданином только определенной организации или должностному лицу. Если информация выбыла из сферы ответственности организации (должностного лица) путем фиксации ее в памяти мобильного компьютерного устройства, она как таковая уже не подлежит защите с помощью судебного контроля» [7, с. 67].

Данное правило полностью согласуется с позицией Конституционного Суда РФ, который в Определении от 8 апреля 2010 г. № 433-О [4] указал, что органы предварительного расследования не нарушают законности при производстве осмотра на основании ч. 1 ст. 176 УПК РФ средств мобильной связи, изъятых у подозреваемых в совершении преступлений при заключении их под стражу без получения соответствующего судебного разрешения, направленного на ограничение конституционных прав человека и гражданина на тайну телефонных переговоров, на неприкосновенность частной жизни, гарантированных ч. 1 ст. 23, ч. 1 ст. 24 Конституции РФ. Отношения по истребованию органами предварительного следствия у операторов связи сведений о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей являются предметом регулирования специального закона.

В 2016 г. принят Федеральный закон [3], которым в ст. 185 УПК РФ была введена ч. 7, согласно которой «при наличии достаточных оснований полагать, что сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться в электронных сообщениях или иных, передаваемых по сетям электросвязи сообщениях, следователем по решению суда могут быть проведены их осмотр и выемка». Однако данное следственное действие, как подчеркивает В. Ф. Васюков [7, с. 65], относится к получению электронных сообщений из учреждений связи, что фактически законодательно исключает судебный контроль над получением сведений с электронных носителей информации посредством следственного осмотра и производства экспертизы.

Однако, несмотря на позицию высшей судебной инстанции, правоприменительная практика противоречива.

Случается, что следователи возбуждают перед судом ходатайство о разрешении производства осмотра мобильных телефонов, понимая, что без этого будет нарушено положение ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, однако суд отказывает в удовлетворении ходатайства, мотивируя тем, что «уголовно-процессуальным законом не предусмотрено получение разрешения на указанное следственное действие»*.

Вместе с тем, если доступ к компьютерной информации против воли владельца совершает лицо, не наделенное властными полномочиями, то подобные действия суд трактует как преступления против конституционных прав человека и гражданина, а также как преступления в сфере компьютерной информации. Например, согласно приговору Волгоградского городского суда от 17 ноября 2016 г. № 1-914/2016**, Н. был признан виновным в совершении ряда преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 272 УК РФ (неправомерный доступ к компьютерной информации), ч. 1 ст. 137 УК РФ (нарушение неприкосновенности частной жизни), ч. 1 ст. 138 УК РФ (нарушение тайны переписки телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных отправок). Так, Н., воспользовавшись тем, что SIM-карта К. была оформлена на него, обратился с заявлением о повторном выпуске SIM-карты с абонентским номером К. После чего Н., в нарушение положений ст. 3, 9, 10 Закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1], согласно которому личная переписка является охраняемой законом тайной и ее получение помимо воли гражданина запрещается, не имея разрешения К., используя неустановленное устройство, подключенное к сети Интернет, осуществил неправомерный доступ к личной переписке К. в социальной сети «ВКонтакте», изменив логин и пароль от указанной страницы, чем модифицировал компьютерную информацию и блокировал к ней доступ К. Далее Н. без согласия К. разместил на ее странице «ВКонтакте» фотографию К. в обнаженном виде.

* Например: апелляционное постановление Приморского краевого суда от 2 февраля 2015 г. № 22К-455/2015. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/68631850/79991497/> (дата обращения: 18.04.2017).

** URL: <http://sudact.ru/regular/doc/hwzIJ69MfXmR/> (дата обращения: 22.03.2017).

В приговоре суд указал, что доступ к электронным сообщениям лица без его разрешения нарушает тайну связи, предусмотренную ст. 23 Конституции РФ, а также рядом иных законов федерального уровня. Однако аналогичная ситуация наблюдается и при производстве следственных действий, с тем отличием, что доступ помимо воли владельца компьютерной информации осуществляет сотрудник органа предварительного расследования или эксперт.

Приведенные выше примеры наглядно демонстрируют механизм нарушения права человека и гражданина на тайну «иных сообщений», предусмотренного ч. 2 ст. 23 Конституции РФ. Электронный носитель информации может содержать огромный массив данных о частной жизни лица. Как отмечает И. А. Петрухин, «если представить право на частную жизнь граждан как совокупность гарантированных им тайн, то среди них можно различать тайны личные (никому не доверенные) и тайны профессиональные (доверенные представителям определенных профессий для защиты прав и законных интересов граждан)». В этом смысле к личным тайнам следовало бы отнести тайну творчества и общения, тайну семейных и интимных взаимоотношений, тайну жилища, дневников, личных бумаг, тайну почтово-телеграфной корреспонденции и телефонных переговоров. Профессиональные тайны – это медицинская тайна, тайна судебной защиты и представительства, тайна исповеди, тайна усыновления, тайна предварительного следствия, тайна нотариальных действий и записей актов гражданского состояния» [11, с. 15].

Кроме указанных видов тайн через электронный носитель информации доступ можно получить и к другим частным сведениям лица [9, с. 25–26], например, к банковской тайне. Так, при помощи специального приложения «Мобильный банк» можно управлять банковским счетом и видеть всю информацию о финансовой активности.

Процесс интеграции информационных технологий в различные сферы жизнедеятельности человека продолжается, что многократно увеличивает возможности индивида по управлению личной информацией и обуславливает многообразие вариаций частных сведений, которые могут содержаться в электронном носителе информации или доступ к которым может открываться при помощи электронного носителя информации.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что уголовно-процессуальное законодательство содержит пробелы, касающиеся регулирования правового режима компьютерной информации, что обуславливает возможность нарушения неприкосновенности частной жизни человека и гражданина, предусмотренной ст. 23, 24 Конституции РФ.

Для унификации правоприменительной практики и создания дополнительных гарантий защиты неотъемлемых конституционных прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни необходимо адаптировать уголовно-процессуальное законодательство к современным информационно-техническим общественным отношениям через разработку соответствующей законодательной концепции.

В концепции должно учитываться, что сложность регулирования правового режима компьютерной информации в уголовно-процессуальном праве обуславливается, во-первых, тем, что сотрудник органа предварительного расследования при получении компьютерных данных с электронного носителя информации не может знать, с каким именно видом тайны ему предстоит столкнуться; во-вторых, многообразием нормативно-правовых актов, регулирующих правовой режим информации; в-третьих, «отсутствием законодательной иерархии режимов конфиденциальности информации; отсутствием четких критериев отнесения информации к какому-либо виду тайн» [13, с. 309].

Следует согласиться с мнением П. А. Жердева, который утверждает, что «выделение компьютерных средств как особого объекта следственного осмотра положительно скажется на расследовании преступлений» [8, с. 100]. Действительно, электронный носитель информации не является обычным материальным объектом, который ограничивается физическим пространством. Так, объем памяти, доступ к информационно-телекоммуникационной сети Интернет, обмен информацией через электросвязь, а также способность непосредственно воспроизводить электронные данные позволяют исследовать значительный спектр сведений, характеризующий частную жизнь владельца электронного носителя информации, что не свойственно для обычного объекта материального мира, не обладающего техническими функциями, которые позволяют преобразовывать электромагнитные свойства материи в понятную для человека информацию.

Данные особенности побудили законодателя внести в УПК РФ дополнительную категорию «электронный носитель информации». Однако понятие электронного носителя информации в УПК РФ не было закреплено, что в правоприменительной практике приводит

к отождествлению электронного носителя информации с обычным предметом. Для устранения данного недостатка необходимо законодательно закрепить в ст. 5 УПК РФ понятие «электронный носитель информации» как предмет, используемый для записи, хранения и (или) воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники.

Для обеспечения возможности производства обыска в отношении электронного носителя информации данную категорию необходимо добавить в ч. 1 ст. 182 УПК РФ. Подобное изменение позволит унифицировать понимание электронного носителя информации как особого объекта следственных действий.

Одна из основных проблем в законодательном регулировании получения компьютерной информации – это разграничение порядка доступа к компьютерной информации. Было бы ошибочным закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве требования по получению судебного разрешения для исследования компьютерной информации на всех электронных носителях, которые изымаются в ходе предварительного расследования.

Решение данной проблемы видится в свойствах самого электронного носителя информации. Если устройство функционально позволяет распространять и воспроизводить информацию, передаваемую посредством электросвязи (мобильный телефон, планшет и т. д.), то необходимо обязательно получить судебное решение на производство обыска электронного носителя информации, так как в данном случае при исследовании электронных сообщений будет нарушаться неотъемлемое право человека и гражданина на тайну связи, предусмотренное ст. 23 Конституции РФ.

Если электронный носитель информации не обладает указанным выше свойством (например, флеш-накопитель, внешний жесткий диск, оптический диск и т. д.), то в данном случае есть основания предполагать, что положения ч. 2 ст. 23 Конституции РФ нарушены не будут, однако будут затрагиваться права, предусмотренные ч. 1 ст. 24 Конституции РФ и ч. 8 ст. 9 Закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», согласно которым запрещается получать информацию о личной жизни лица помимо его воли, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами.

Можно предположить, что для производства обыска электронного носителя информации, не позволяющего распространять и воспроизводить информацию, передаваемую посредством электросвязи, помимо воли лица достаточно постановления сотрудника органа предварительного расследования, что фактически и будет исключаяющим случаем, установленным УПК РФ.

Необходимо подчеркнуть, что если владелец электронного носителя информации решил получить доступ к компьютерной информации, то производится осмотр без учета свойств самого электронного носителя информации.

Изложенный выше подход соответствует теории дифференциации следственных действий осмотра и обыска, исходя из возможной степени вторжения органов предварительного расследования в частную жизнь человека.

Перечисленные выше ограничения по получению компьютерной информации также необходимо учитывать при производстве судебной компьютерно-технической экспертизы.

Принимая во внимание вышеизложенное, в ст. 182 УПК РФ необходимо добавить ч. 3.1 следующего содержания: обыск электронного носителя информации, функционально предназначенного для обмена и воспроизведения сведений, передаваемых посредством электросвязи, производится на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном ст. 165 настоящего Кодекса. Если электронный носитель информации не обладает свойствами обмена и воспроизведения сведений, передаваемых посредством электросвязи, но имеется возражение владельца, то обыск производится на основании постановления следователя.

Кроме того, ч. 2 ст. 29 УПК РФ следует дополнить п. 4.1 – о производстве обыска и (или) компьютерно-технической экспертизы в отношении электронного носителя информации, функционально предназначенного для обмена и воспроизведения сведений, передаваемых посредством электросвязи.

В соответствии с данной поправкой изложить ч. 1 ст. 195 УПК РФ в следующей редакции: признав необходимым назначение судебной экспертизы, следователь выносит об этом постановление, а в случаях, предусмотренных п. 3 и 4.1 ч. 2 ст. 29 настоящего Кодекса, возбуждает перед судом ходатайство, в котором указываются:...

В часть 5 ст. 165 УПК РФ после слов «личного обыска» следует добавить «обыск электронного носителя информации, функционально предназначенного для обмена и воспроизведения сведений, передаваемых посредством электросвязи».

В часть 1 ст. 176 УПК РФ после слов «иного помещения» необходимо добавить «электронного носителя информации», а ч. 2 изложить в следующей редакции: осмотр электронного носителя информации, места происшествия, документов и предметов может быть произведен до возбуждения уголовного дела. Также в ст. 176 добавить ч. 6.1 следующего содержания: осмотр электронного носителя информации производится только с согласия его владельца или лица, предоставляющего компьютерную информацию, в ином случае производится обыск в порядке ч. 3.1 ст. 182 настоящего Кодекса.

Изложенные выше законодательные поправки позволят унифицировать правоприменительную практику по получению компьютерной информации и создать дополнительные гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина.

Литература

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.
2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 31. Ст. 4332.
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 28. Ст. 4559.
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тарасова Николая Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 176 и частью первой статьи 285 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2010 г. № 433-О. Доступ из СПС «Гарант».
5. Абдусаламов Р. А., Рагимханова Д. А., Саидов А. Г. Информация ограниченного доступа как объект правового режима // Юридический вестник ДГУ. 2016. № 1.
6. Васюков В. Ф., Бульжкин А. В. Изъятие электронных носителей информации при расследовании преступлений: нерешенные проблемы правового регулирования и правоприменения // Российский следователь. 2016. № 6.
7. Васюков В. Ф. Осмотр, выемка электронных сообщений и получение компьютерной информации // Уголовный процесс. 2016. № 10.
8. Жердев П. А. Тактические особенности изъятия электронных носителей информации // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2015. № 4.
9. Лазарева И. В., Мерецкий Н. Е. Расследование преступлений в сфере мобильной связи: учеб. пособие. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2007.
10. Оконенко Р. И. К вопросу о правомерности осмотра компьютера как следственного действия // Адвокат. 2015. № 1.
11. Петрухин И. Л. Личные тайны: человек и власть. М., 1998.
12. Скобелин С. Н. Использование специальных знаний при работе с электронными следами // Российский следователь. 2014. № 20.
13. Терещенко Л. К. Правовой режим информации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.

УДК 343.326

АКТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Елена Юрьевна Антонова, заведующий кафедрой Хабаровского государственного университета экономики и права, доктор юридических наук, доцент

E-mail: antonovy@yandex.ru

В статье рассматривается норма, регламентирующая ответственность за акт международного терроризма. Автор проводит разграничение внутреннего и международного террористического акта, обращает внимание на неточности используемых законодателем формулировок.

Ключевые слова: международный терроризм; международная террористическая деятельность; акт международного терроризма; глобальный индекс терроризма.

THE ACT OF INTERNATIONAL TERRORISM: CRIMINAL LAW ANALYSIS

Elena Yurievna Antonova, chair head of the Khabarovsk State University of Economics and Law, Doctor of Law, Associate Professor

The article deals with the norm regulating responsibility for an act of international terrorism. The author delineates the internal and international terrorist act, draws attention to the inaccuracy of the language used by the legislator.

Keywords: international terrorism; international terrorist activities; an act of international terrorism; a global index of terrorism.

В последние годы внимание политиков, общественности и научного сообщества обращено к проблеме терроризма, приобретающего все большие масштабы и затрагивающего интересы всего человечества. Сегодня уже нередко можно встретить утверждение о том, что терроризм (от лат. terror – страх, ужас) – это продукт глобализации [18, с. 45], он многолик и включает в себя самые разнообразные формы террористической деятельности – от политической, идеологической, сепаратистской, религиозной и даже партизанской борьбы до разовых кровавых криминальных акций [15, с. 132].

Среди основных тенденций современного терроризма выделяют расширение его географии, интернациональный характер террористических организаций, использование международными террористическими организациями этнорелигиозного фактора [14, с. 9].

Продолжающаяся активизация терроризма в ряде стран вызывает серьезную озабоченность. В настоящее время активно изучается природа терроризма, вырабатываются различные пути противодействия ему. Так, международная группа экспертов под эгидой Института экономики и мира (The Institute for Economics and Peace) Сиднейского университета (Австралия)

разработали Глобальный индекс терроризма (ГИТ), который измеряет воздействие терроризма в 163 странах, охватывая 99 % населения мира [19].

Отметим, что терроризм определяется экспертами ГИТ как «угроза или реальное применение силы незаконными организациями, добивающимися своих политических, социальных и религиозных целей путем насилия и устрашения» [11].

По данным ГИТ, с 2000 по 2015 г. во всем мире было совершено около 73 000 террористических атак, в которых погибло более 170 000 человек. В 2015 г. количество погибших от террористических атак сократилось на 10 % по отношению к 2014 г., что привело к изменению четырехлетней тенденции к росту. В то же самое время террористическая деятельность находится на исторически высоком уровне, глобальная сумма смертей – 29 376 – сделала 2015 год вторым самым смертоносным годом.

Эксперты ГИТ особенно обращают внимание на то, что терроризм тесно связан с вооруженным конфликтом, причем динамика конфликта влияет на уровни террористической деятельности. Эффективные военные интервенции уменьшили воздействие терроризма в Ираке, однако растущая интенсивность насильственных конфликтов в Сирии, Йемене и Афганистане привела к росту количества смертей, связанных с террором. Это отразилось и на изменениях в показателях смертности от террористических актов в 2015 г., которые произошли в странах, вовлеченных в вооруженные конфликты. Два крупнейших снижения были зафиксированы в Ираке и Нигерии, три крупнейших увеличения – в Сирии, Йемене и Афганистане.

В Ираке и Нигерии в 2015 г. совершено на 1 030 нападений меньше, чем в 2014 г., а смертность снизилась на 5 556 человек (снижение на 32 %). Такое сокращение объясняется успешным военным вмешательством против Боко Харам и ИГИЛ в этих странах.

По данным ГИТ, в пятерку стран с наибольшим влиянием терроризма входят Ирак, Афганистан, Нигерия, Пакистан и Сирия, на которые в 2015 г. приходилось 72 % всех смертей от терроризма.

В Европе во многих странах – членах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) также отмечается рост терроризма. Смертность от террористических актов в данных странах увеличилась на 650 % – с 77 чел. в 2014 г. до 577 чел. в 2015 г.; 21 из 34 стран – членов ОЭСР испытала хотя бы один террористический акт. Большинство смертей от террористических актов фиксируется в Турции и во Франции.

Отсюда можно констатировать, что терроризм уже давно вышел за пределы одного государства, представляя угрозу для всего мирового сообщества и международного правопорядка. Именно поэтому в научный оборот прочно вошли термины «международный терроризм», «международная террористическая деятельность», «акт международного терроризма», но единого понимания данных категорий все еще не выработано. Отметим, что базовый отечественный Федеральный закон «О противодействии терроризму» [3] оперирует понятием «международная террористическая деятельность», не раскрывая его содержания.

Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ [1] была установлена уголовная ответственность за акт международного терроризма (ст. 361 УК РФ). Таким образом, российский законодатель дифференцировал уголовную ответственность за террористический акт, подразделив его на внутренний и международный. По такому же пути идут и некоторые зарубежные страны. Например, УК Республики Беларусь предусматривает ответственность за акт международного терроризма (ст. 126) и акт терроризма (ст. 289). Кроме того, белорусский законодатель в качестве самостоятельной разновидности международного терроризма выделяет акт терроризма в отношении представителя иностранного государства или международной организации (ст. 124 УК РБ) [6].

Надо отметить, что до введения в российское уголовное законодательство нормы об ответственности за акт международного терроризма признаки такового присутствовали и в ст. 205 УК РФ, в той ее части, в которой законодатель указал в качестве адресата воздействия международные организации.

Итак, что же сегодня законодатель предлагает понимать под актом международного терроризма?

Начнем с того, что норму об ответственности за акт международного терроризма (ст. 361 УК РФ) законодатель разместил в гл. 34 разд. XII УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества». Таким образом, родовой и видовой объекты акта международного терроризма совпадают – это общественные отношения по обеспечению мира и безопасности человечества.

Согласимся с Л. В. Иногамовой-Хегай, по мнению которой общественными отношениями по обеспечению мира, мирного сосуществования, безопасности мирового сообщества являются общественные отношения по обеспечению добрососедства народов, государств, мирного урегулирования споров, уважения и соблюдения принципов суверенитета государства, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела государства, соблюдения прав и свобод человека, выполнения общепризнанных правил, методов ведения боевых действий, сохранения окружающей среды для нормального безопасного существования народов [12, с. 197–198].

Акт международного терроризма можно отнести к разряду многообъектных преступлений. В качестве основного непосредственного объекта выступают общественные отношения, обеспечивающие мирное сосуществование государств и народов.

Мирное сосуществование государств и народов – это такие взаимоотношения между государствами и народами, которые предполагают их полноценное сотрудничество на международном уровне, отказ от военных столкновений, уважение суверенитета и территориальной целостности государств, учет интересов друг друга, невмешательство во внутренние дела государств, решение проблем и спорных вопросов мирным дипломатическим путем.

Дополнительными непосредственными объектами рассматриваемого преступления являются общественная безопасность, здоровье, свобода и неприкосновенность граждан Российской Федерации, интересы Российской Федерации.

Следует обратить внимание на подход законодателя к определению потерпевших от этого преступления, в качестве которых выступают только граждане Российской Федерации. Примечательно и то, что в диспозиции ч. 1 ст. 361 УК РФ потерпевшие обозначены во множественном числе – «Совершение ... действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Федерации». Таким образом, по логике законодателя, в процессе совершения акта международного терроризма должна быть угроза причинения вреда или должен быть причинен вред двум или более гражданам РФ. В случае если в процессе акта международного терроризма пострадают наряду с гражданами РФ и иностранные граждане или лица без гражданства, содеянное необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 361 и 205 УК РФ. Ограничение круга потерпевших от акта международного терроризма только гражданами РФ представляется неверным. Считаем, что о терроризме, в том числе международном, необходимо вести речь и в том случае, когда угрозе подвергается хотя бы один человек, безотносительно того, является ли он гражданином РФ, иностранным гражданином либо лицом без гражданства.

Для подтверждения данной позиции обратимся к Римскому статуту международного уголовного суда [4]. В статье 7 данного документа сказано, что «преступление против человечности» означает деяния (например, такие как убийство, жестокое лишение физической свободы, другие бесчеловечные деяния, заключающиеся в умышленном причинении сильных страданий или серьезных телесных повреждений, или серьезного ущерба психическому или физическому здоровью и др.), когда они совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на **любых гражданских лиц**. Под «нападением на любых гражданских лиц» понимается линия поведения, включающая многократное совершение актов против любых гражданских лиц, предпринимаемых в целях проведения политики государства или организации, направленной на совершение такого нападения, или в целях содействия такой политике.

Объективная сторона акта международного терроризма заключается в совершении взрыва, поджога или иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Федерации, а также угроза совершения указанных действий.

Таким образом, объективная сторона акта международного терроризма включает в себя те же действия, что и внутренний террористический акт (ст. 205 УК РФ), – взрыв, поджог, иные действия или угроза совершения указанных действий. Вместе с тем, если в террористическом акте названные действия создают «опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий», то в акте международного терроризма – подвергают «опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Федерации».

Взрыв (explosion) – это быстро протекающая реакция окисления или распада, вызывающая резкое повышение температуры, давления или одновременно того и другого вместе

(ГОСТ 31438.2–2011 (EN1127–2:2002) Межгосударственный стандарт «Взрывоопасные среды. Взрывозащита и предотвращение взрыва»).

Поджог в ст. 1 Федерального закона «О пожарной безопасности» [2] определяется как неконтролируемое горение, причиняющее материальный ущерб, вред жизни и здоровью граждан, интересам общества и государства.

Иные действия – это действия, сопоставимые по своим последствиям со взрывом или поджогом (например, отравление питьевой воды, продуктов питания ядовитыми веществами; использование сильнодействующих, радиоактивных веществ; затопление; устройство аварий; разрушение или порча сигналов, фонарей; обстрелы зданий, сооружений и т. д.).

Перечисленные действия образуют акт международного терроризма, как было уже сказано, только при условии, что они подвергают «опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Федерации». Таким образом, возможными последствиями акта международного терроризма законодатель обозначает смерть, вред здоровью различной степени тяжести, нарушение свободы и неприкосновенности граждан РФ.

Исходя из анализа объективной стороны ч. 1 ст. 361 УК РФ, в которой сказано, что указанные действия подвергают опасности свободу и неприкосновенность граждан РФ, можно заключить, что под иными действиями подразумеваются похищение человека, незаконное лишение свободы, захват заложника. Неприкосновенность личности в контексте ст. 361 УК РФ означает недопустимость физического воздействия на граждан РФ, ограничения их свободы.

Угроза совершения указанных действий – это психическое воздействие, выражающееся в запугивании, обещании совершить взрыв, поджог или иные общеполасные действия, подвергающие опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Федерации. Угроза должна быть реальной. Форма угроз значения для квалификации не имеет.

По конструкции объективной стороны состав преступления формальный, преступление окончено с момента совершения перечисленных действий вне зависимости от наступивших последствий. При этом ч. 1 ст. 361 УК РФ будет охватывать такие последствия, как причинение гражданам РФ вреда здоровью различной степени тяжести (легкого, средней тяжести, тяжкого).

Обязательным объективным признаком является место совершения преступления – «вне пределов Российской Федерации», то есть на территории иностранного государства или на нейтральной территории. Представляется, что акт международного терроризма будет налицо и в случае его совершения на территории дипломатического представительства, консульского учреждения иностранного государства, дислоцирующихся на территории Российской Федерации. В случае совершения перечисленных выше деяний на территории Российской Федерации содеянное будет квалифицироваться по ст. 205 УК РФ.

Несмотря на то, что в самой норме ничего не говорится о времени совершения данного преступления, считаем правильным утверждение о том, что «такое деяние должно иметь место в мирное время, т. е. при отсутствии состояния войны между государствами. В противном случае деяние, содержащее признаки акта терроризма, должно быть квалифицировано как соответствующее военное преступление» [16, с. 249].

Субъектом акта международного терроризма является физическое вменяемое лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом и специальной целью, в качестве которой выступает нарушение мирного сосуществования государств и народов либо нарушение интересов Российской Федерации.

Мотивы совершения данного преступления значения для квалификации не имеют.

Часть 3 ст. 361 УК РФ предусматривает ответственность за действия, образующие акт международного терроризма, регламентированные ч. 1 данной нормы, повлекшие причинение смерти человеку. Примечательно, что законодатель не указывает форму вины по отношению к последствию в виде смерти человека.

А. Кибальник и В. Суворов, ссылаясь на ч. 2 ст. 24 УК РФ, полагают, что речь в ч. 3 ст. 361 УК РФ должна идти только об умышленном причинении смерти, а в случае причинения смерти по неосторожности содеянное будет требовать дополнительной квалификации по ст. 109 УК РФ [13, с. 40–41].

Не можем согласиться с таким утверждением. Считаем, что в данном случае необходимо руководствоваться другим правилом квалификации преступлений, согласно которому, если в диспозиции статьи форма вины не конкретизирована, то соответствующее преступление может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности. Например А. И. Рарог, рас-

смаатривая вопрос о вменении квалифицирующих признаков, обращает внимание на то, что при отсутствии в диспозиции уголовно-правовой нормы прямого указания на неосторожное отношение к квалифицирующему последствию умышленного преступления, причинение такого последствия с умыслом (а тем более по неосторожности) полностью охватывается этой нормой и не требует дополнительной квалификации при условии, что в статье УК об умышленном причинении того же самого последствия закон не предусматривает более строгого наказания, чем за умышленное преступление, в котором данное последствие играет роль квалифицирующего признака [17, с. 165].

Часть 3 ст. 361 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 15 до 20 лет с ограничением свободы на срок от одного года до 2 лет либо пожизненным лишением свободы. Данное наказание существенно строже того, которое предусматривается за причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ). Таким образом, ч. 3 ст. 361 УК РФ охватывает как убийство (умышленное причинение смерти человека), так и причинение смерти по неосторожности. Кроме того, руководствуясь п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», можно заключить, что судебная практика пойдет по пути квалификации деяния по ч. 3 ст. 361 УК РФ без дополнительной квалификации по ст. 105 УК РФ и в случае, если акт международного терроризма повлечет за собой умышленное причинение смерти человеку либо двум и более лицам.

Представляется, что указанные рекомендации Пленума Верховного Суда РФ сделаны без учета степени общественной опасности совершаемых преступлений и противоречат правилам квалификации. В частности, санкция ч. 2 ст. 105 УК РФ (квалифицированные виды убийств) устанавливает наказание в виде смертной казни, которое не предусмотрено за совершение квалифицированного акта международного терроризма. Да, смертная казнь сегодня не применяется, но, тем не менее, законодатель ставит убийство по степени общественной опасности выше, а по правилам квалификации преступлений в подобных случаях требуется квалификация преступлений по совокупности. К тому же ч. 5 ст. 56 УК РФ регламентирует правило, согласно которому в случае совершения хотя бы одного из преступлений террористической направленности, при частичном или полном сложении сроков лишения свободы при назначении наказания по совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы не может быть более тридцати лет. Таким образом, если квалифицировать акт международного терроризма, повлекший причинение смерти человеку, по совокупности ч. 3 ст. 361 и соответствующих пунктов ч. 2 ст. 105 УК РФ, то наказание будет строже. Сегодня это максимум двадцать лет лишения свободы.

Обращает на себя внимание тот факт, что ст. 361 УК РФ не предусматривает никаких других последствий кроме смерти человека. Отсюда возникает вопрос о том, как следует квалифицировать деяние в случае, если акт международного терроризма повлечет за собой значительный (крупный, особо крупный) имущественный ущерб или иные тяжкие последствия. С учетом того, что названные последствия в ст. 361 УК РФ не оговариваются, в случае их наступления содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений.

В качестве самостоятельных форм акта международного терроризма законодатель называет финансирование деяний, описанных в ч. 1 ст. 361 УК РФ, либо вовлечение в их совершение (ч. 2 ст. 361 УК РФ).

Понятие «финансирование терроризма» раскрывается в примечании 1 ст. 205.1 УК РФ. Правда, законодатель не распространил действие данного определения на ст. 361 УК РФ.

Руководствуясь положениями примечания 1 к ст. 205.1 УК РФ, можно заключить, что финансирование акта международного терроризма – это предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения преступления, предусмотренного ст. 361 УК РФ, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им акта международного терроризма, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения акта международного терроризма.

Под вовлечением лица (лиц) в совершение акта международного терроризма следует понимать склонение, вербовку или иные действия, направленные на возбуждение желания у лица (лиц) совершить вне пределов Российской Федерации взрыв, поджог или иные действия, подвергающие опасности жизнь, здоровье, свободу и неприкосновенность граждан РФ, в це-

лях нарушения мирного сосуществования государств и народов либо направленных против интересов РФ, а также угрожать совершением перечисленных действий. Способ вовлечения лица (лиц) в совершение акта международного терроризма значения не имеет. Такие действия могут выражаться как в форме подкупа, обещаний, обмана и угроз, так и в форме предложения совершить акт международного терроризма, разжигания чувства ненависти и вражды в отношении какой-либо социальной группы и иных действий.

По конструкции объективной стороны финансирование акта международного терроризма и вовлечение в его совершение являются формальными составами преступления.

Финансирование следует считать оконченным преступлением с момента предоставления или сбора средств либо оказания финансовых услуг в соответствующих целях вне зависимости от возможности их использования для совершения акта международного терроризма, а вовлечение – с момента совершения вовлекаемым лицом акта международного терроризма, приготовления к нему либо покушения на него.

Субъективная сторона характеризуется только прямым умыслом.

В отличие от террористического акта (примечание к ст. 205 УК РФ), совершение акта международного терроризма не предусматривает возможности освобождения лица, участвовавшего в его подготовке, от уголовной ответственности, в случае если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом способствовало его предотвращению. Кроме того, к лицам, совершившим акт международного терроризма, не применяются сроки давности (ч. 5 ст. 78, ч. 5 ст. 83 УК РФ).

Сказанное позволяет заключить, что определение акта международного терроризма, предусмотренное в ч. 1 ст. 361 УК РФ, является неудачным.

Как справедливо указывается в научной литературе по международному праву, для квалификации содеянного в качестве террористического преступления достаточно установить, что деяние нарушило интересы основ общественной безопасности в двух и более государствах. В такие «интересы» должны включаться интересы не только самих государств как субъектов международного публичного права, но и интересы личности, групп людей и общества в целом. Этот признак является формально-юридическим основанием для признания содеянного актом терроризма [16, с. 248–249].

Данная позиция подтверждается и положениями Модельного закона государств – участников СНГ «О противодействии терроризму» [5], в соответствии с которыми международная террористическая деятельность – это деятельность, осуществляемая: террористом или террористической организацией на территории более чем одного государства или наносящая ущерб интересам более чем одного государства; гражданами одного государства в отношении граждан другого государства или на территории другого государства; за пределами территории государств, гражданами которых являются террорист и его жертва.

Схожее определение международной террористической деятельности дается и в законах Республики Беларусь «О борьбе с терроризмом» [8], Азербайджанской Республики «О борьбе с терроризмом» [7], Кыргызской Республики «О противодействии терроризму» [10], Республики Таджикистан «О борьбе с терроризмом» [9].

Исходя из приведенного определения международной террористической деятельности, а также анализа соответствующих нормативных правовых актов зарубежных стран, можно заключить, что, во-первых, субъектами международной террористической деятельности могут быть не только отдельные террористы, но и террористические организации. Во-вторых, международная террористическая деятельность может осуществляться на территории нескольких государств. В-третьих, законодатели зарубежных стран не ограничивают круг потерпевших только гражданами одного государства – вред может причиняться гражданам одного или нескольких государств, а также интересам нескольких государств. Таким образом, мы приходим к выводу, что норма об уголовной ответственности за акт международного терроризма (ст. 361 УК РФ) сконструирована отечественным законодателем без учета норм международного права, не охватывает всех случаев международной террористической деятельности, поэтому часть действий, являющихся по своей сути актом международного терроризма, правоприменитель будет вынужден квалифицировать по норме, предусматривающей ответственность за внутренний террористический акт (ст. 205 УК РФ).

Литература

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 28. Ст. 4559.
2. О пожарной безопасности: федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ (ред. от 23.06.2016) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3649.
3. О противодействии терроризму: федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.
4. Римский статут международного уголовного суда (принят на дипломатической конференции в Риме 17 июля 1998 г., вступил в силу с 1 июля 2002 г.). URL: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 29.03.2017).
5. О противодействии терроризму: модельный закон государств – участников СНГ (принят на тридцать третьем пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ Постановлением от 3 декабря 2009 г. № 33–18). URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=62133 (дата обращения: 21.03.2017).
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (ред. от 19.07.2016). URL: <http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes> (дата обращения: 20.03.2017).
7. О борьбе с терроризмом: закон Азербайджанской Республики от 18 июня 1999 г. № 687-ІГ (с изм. и доп.). URL: <http://www.mia.gov.az/index.php?ru/content/29402/> (дата обращения: 16.03.2017).
8. О борьбе с терроризмом: закон Республики Беларусь от 3 января 2002 г. № 77-З (с изм. и доп.) URL: <http://www.legislationline.org/ru/topics/country/42/topic/5> (дата обращения: 16.03.2017).
9. О борьбе с терроризмом: закон Республики Таджикистан от 16 ноября 1999 г. № 845 (с изм. и доп.). URL: [file:///C:/Users/123/Downloads/Tajikistan_counter-terrorism_1999_am2008_ru%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/123/Downloads/Tajikistan_counter-terrorism_1999_am2008_ru%20(1).pdf) (дата обращения: 21.03.2017).
10. О противодействии терроризму: закон Кыргызской Республики от 8 ноября 2006 г. № 178 (с изм. и доп.). URL: file:///C:/Users/123/Downloads/Kyrgyz_law_preventing_terrorism_2006_am2013_ru.pdf (дата обращения: 21.03.2017).
11. Глобальный индекс терроризма. Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий, 2006–2016 (последняя ред. 30.10.2016). URL: <http://gtmarket.ru/ratings/global-terrorism-index/info> (дата обращения: 20.03.2017).
12. Иногамова-Хегай А. В. Международное уголовное право. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003.
13. Кибальник А., Суворов В. Акт международного терроризма – новое преступление против мира и безопасности человечества // Уголовное право. 2016. № 6.
14. Кулягин И. В. Формирование эффективной системы противодействия идеологии терроризма в молодежной среде // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2016. № 1 (14).
15. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии: учебник: в 2 т. Т. 2. Особенная часть. М.: Юрайт, 2011.
16. Международное уголовное право: учебник / А. В. Наумов [и др.]. М.: Юрайт, 2013.
17. Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002.
18. Чернядьева Н. А. Международный терроризм: происхождение, эволюция, актуальные вопросы правового противодействия: монография. М.: Проспект, 2017.
19. Global Terrorism Index 2016. URL: <http://visionofhumanity.org/indexes/terrorism-index/> (дата обращения: 20.03.2017).

КООРДИНАЦИЯ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЙСТВИЙ ОРГАНИЗОВАННЫХ ГРУПП: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Илья Викторович Никитенко, профессор кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, доктор юридических наук, доцент;

Татьяна Викторовна Якушева, старший следователь по особо важным делам Следственного отдела Управления на транспорте МВД России по Дальневосточному федеральному округу, кандидат юридических наук

E-mail: dfvnii@mail.ru

yakusheva77@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы ответственности за координацию преступных действий организованных групп. На основании анализа положений ч. 4 ст. 35 и ч. 1 ст. 210 УК РФ, а также позиции Верховного Суда РФ и материалов сложившейся правоприменительной практики авторы статьи указывают на противоречия в толковании, а следовательно, и квалификации «координации преступных действий организованных групп».

Ключевые слова: координация преступных действий; преступное сообщество; преступная организация; статья 210 УК РФ.

COORDINATION OF CRIMINAL ACTS OF ORGANIZED GROUPS: PROBLEMS OF THE LEGISLATION AND LAW-ENFORCEMENT PRACTICE

Ilya Viktorovich Nikitenko, chair professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor;

Tatyana Viktorovna Yakusheva, senior special investigator of Investigative department of the Transport Management Russian Interior in the Far Eastern federal district, *kandidat nauk*, degree in Law

In article questions of responsibility for coordination of criminal acts of organized groups are considered. On the basis of the analysis of provisions of the p. 4 of Art. 35 and p.1 Art. 210 of the Criminal Code of the Russian Federation, and also a position of the Supreme Court of the Russian Federation and materials of the developed law-enforcement practice, authors of article point to contradictions in interpretation, and, therefore, and qualifications – «coordination of criminal acts of organized groups».

Keywords: coordination of criminal acts; criminal society; criminal organization; article 210 Criminal Code of the Russian Federation.

Более чем десятилетний мониторинг практики применения положений уголовного законодательства Российской Федерации относительно уголовно-правовой квалификации преступлений, образуемых так называемым «соучастием особого рода» [4, с. 22–29], а именно организацией преступного сообщества (преступной организации) или участием в нем (ней), позволяет констатировать неснижаемую дискуссионность проблемы.

После криминализации отечественным законодателем деяний, состоящих в организации преступных сообществ (преступных организаций), криминальная активность подобных группировок не только не снизилась, но приобрела новые черты, стала более консолидированной, разветвленной и масштабной. Более того, данное криминальное явление перманентно эволюционировало, и менялись сами формы высокоорганизованных преступных объединений.

Можно предположить, что подобная трансформация обусловлена приспособлением организованной преступности к новым и постоянно изменяющимся условиям, вызванным идеологическими, социальными, экономическими и политическими преобразованиями, а также научным и технологическим прогрессом.

Вполне логичным и ожидаемым ответом законодателя на подобные изменения с точки зрения более сложной организации «обновленных» преступных формирований стало принятие Федерального закона от 3 ноября 2009 г. № 245 «О внесении изменений в Уголовный

кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Так, новая редакция ст. 210 УК РФ наряду с другими изменениями расширила перечень действий, образующих объективную сторону состава данного преступления, и во многом конкретизировала признаки преступного сообщества (преступной организации). Однако же реальные результаты противодействия организованной преступности, основанные на объективном анализе, свидетельствуют о том, что достичь ожидаемого положительного эффекта в противодействии деятельности высокоорганизованных преступных сообществ на правоприменительном уровне так и не удалось.

Все законодательные новации не привели к ожидаемому результату, так как эффективность практики привлечения к уголовной ответственности по ст. 210 УК РФ при относительно высокой латентности анализируемого состава преступления, как и прежде, остается на низком уровне.

Среди альтернативных действий, составляющих объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 210 УК РФ, именно «координация преступных действий» вызывает ряд справедливых вопросов и, как следствие, противоречий в правоприменительной деятельности.

Известно, что норма о преступном сообществе (преступной организации) включена в гл. 24 УК РФ еще в 1997 г. и претерпела существенные изменения в ноябре 2009 г.

Среди прочих изменений Федеральным законом от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» в диспозицию ч. 1 ст. 210 УК РФ включены альтернативные действия, выходящие за пределы создания и руководства преступным сообществом (преступной организацией) или его (ее) структурным подразделением, а именно «координация преступных действий, создание устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами, разработка планов и создание условий для совершения преступлений такими группами или раздел сфер преступного влияния и преступных доходов между ними, совершенный лицом с использованием своего влияния на участников организованных групп».

Как неоднократно отмечалось в юридической литературе, дополнение ст. 210 УК РФ уголовной ответственностью за фактическую организацию взаимодействия между самостоятельными преступными группировками необоснованно расширило сферу действия уголовного закона [2, с. 19].

Справедливым представляется высказанное А. Григорьевым и В. Морозовым мнение о том, что по признакам объективной стороны состав преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, позволяет выделить в нем три самостоятельных состава преступления: 1) создание преступного сообщества (преступной организации), руководство им и (или) его структурным подразделением; 2) совершение лицом, использующим свое влияние на участников организованных групп, действий по координации их деятельности, созданию устойчивых связей, разработке планов и созданию условий для совершения преступлений такими группами и разделу сферы преступного влияния либо преступных доходов между ними; 3) участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп. Отмечается, что основным критерием отграничения второго и третьего состава от первого является то, что такие деяния направлены на повышение эффективности деятельности иных организованных групп и преступных сообществ (преступных организаций), а не только той, которую лицо создало и которой руководит [3].

Законодательное определение координации преступных действий отсутствует. Очевидно и то, что указанный признак более подходит для криминологической характеристики рассматриваемых деяний, так как подобное словосочетание весьма оценочно и не вполне соответствует требованиям нормативной правовой дефиниции. Осмыслению же правового значения рассматриваемого понятия может способствовать разбор этимологии слова «координация», буквально означающего – «расположить по порядку» или «согласовать, целесообразно соотносить какие-либо действия, явления и т. п.» [7; 8].

В более широком смысле «координацию» понимают как «составную часть процессов управления, состоящую в согласовании, упорядочении действий разных частей управляемой системы» [6], «согласование, сочетание, приведение в порядок, в соответствие» [1].

Следовательно, координация преступных действий заключается в их упорядочении и приведении в соответствие лицом, обладающим влиянием на участников организованных групп.

Пленум Верховного Суда РФ (далее – Пленум, ППВС РФ) в Постановлении от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» определил, что под координацией преступных действий следует понимать их согласование между несколькими организованными группами, входящими в преступное сообщество (преступную организацию), в целях совместного совершения запланированных преступлений (п. 11).

Недостаток предложенной Пленумом формулировки заключается прежде всего в том, что она не полностью отражает смысл законодательного предписания об использовании лицом, совершающим рассматриваемое деяние, своего влияния на участников координируемых им организованных групп. Кроме того, целью координации преступных действий таких групп Пленумом названо «совместное совершение запланированных преступлений» без указания на категорию их тяжести (исходя из логического толкования положений ч. 4 ст. 35 и ч. 1 ст. 210 УК РФ, целью деятельности преступного сообщества (преступной организации) является совершение только тяжких и особо тяжких преступлений).

Моментом возникновения уголовной ответственности за координацию преступных действий Пленум обоснованно назвал момент фактического установления контактов и взаимодействия в целях совершения указанных преступных действий (п. 12), ограничив, таким образом, момент окончания преступления стадией приготовления, что максимально сблизило рассматриваемое деяние с созданием и руководством преступным сообществом (преступной организацией) или его (ее) структурными подразделениями.

Сформулированные в п. 11 и 12 рассматриваемого ППВС РФ разъяснения ориентируют правоприменительную практику на квалификацию соответствующих действий субъекта преступления, предусмотренного в ч. 1 ст. 210 УК РФ, применительно к организованным группам, объединенным в общее для них преступное сообщество (преступную организацию) и структурно в него входящим, что представляется недостаточно обоснованным.

Очевидно, что подобная позиция не вполне соответствует буквальному толкованию положения ч. 1 ст. 210 УК РФ, смысл которого предполагает рассматривать координацию преступных действий в качестве одного из альтернативных деяний с усеченной законодательной конструкцией, предусматривающих управление криминальной деятельностью самостоятельно действующих организованных групп.

В связи с этим А. Н. Моңдохонов справедливо отмечает, что, во-первых, координация преступных действий «может быть необходима и реализована между различными самостоятельно действующими организованными группами, не входящими в одно преступное сообщество (преступную организацию), а также между различными преступными сообществами (преступными организациями)» [5, с. 44], и, во-вторых, что «смысл координации заключается в равенстве и самостоятельности каждой (каждого) из организованных групп или преступных сообществ (преступных организаций) при ответственности их организаторов или руководителей (лидеров) за выполнение согласованных действий, чего практически не может быть между организованными группами в условиях строгой иерархии и дисциплины одного преступного сообщества (преступной организации)» [4, с. 44].

Следует учесть, что сама конструкция диспозиции ч. 1 ст. 210 УК РФ отграничивает действия по созданию преступного сообщества (преступной организации) от альтернативных руководящих действий в отношении независимых организованных групп связующим союзом «а также».

Из содержания абз. 2 п. 11 ППВС РФ наглядно видно, что авторы официального разъяснения не пришли к единому выводу относительно факта и степени самостоятельности организованных групп, действия которых согласуются (координируются) специальным субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 210 УК РФ, использующим свое влияние на участников таких групп. В указанном абзаце, а также в п. 12 названного постановления отражена позиция, согласно которой создание устойчивых связей предполагает действия лица по объединению *самостоятельно действующих организованных групп*. Между тем перечисленные через запятую варианты совершения исследуемого преступления, включающего в том числе координацию преступных действий наряду с иными альтернативами, предполагающими использование «криминальным лидером» своего влияния на остальных участников организованных групп (включая создание устойчивых связей), в равной степени применимы лишь к независимым, то есть не состоящим в едином для них преступном сообществе (преступной организации), организованным группам.

Не будучи отнесенной законодателем к разновидности соучастия особого рода (см. ч. 4 ст. 35 УК РФ), «координация преступных действий между различными самостоятельно действующими организованными группами», как и иные альтернативные действия по руководству такими группами, полагаем, имеет принципиальные отличия от понятия «преступное сообщество (преступная организация)» в части минимально допустимого числа, а также состава участников подобных объединений.

Однако количество участников преступного сообщества (преступной организации) с учетом признака его структурированности, предполагающего наличие двух или более структурных подразделений, не может быть менее 4 человек, что соответствует количественному критерию соучастия в преступлении – не менее двух человек в каждом структурном подразделении организованной группы при условии, что один из членов данного подразделения является руководителем сообщества в целом.

Разумеется, координация деятельности и иные альтернативные действия в отношении различных самостоятельно действующих организованных групп предполагают взаимодействие специального субъекта данного преступления, обладающего влиянием на участников таких групп в силу своего криминального «авторитета», с организаторами, руководителями или иными представителями этих групп.

Например, приговором Саратовского областного суда от 15 августа 2013 г. осужден Ш. по ч. 1 ст. 210 УК РФ (в ред. от 27.12.2009). Согласно приговору, в январе 2010 г. Ш. для реализации наркотических средств создал и возглавил организацию, для функционирования которой предпринял меры по подбору ее участников и разработал структуру данной организации, распределил роли и обязанности ее участников, в соответствии с которыми он, являясь ее руководителем, осуществлял общее руководство организацией, при помощи средств связи координировал деятельность ее участников, через банк или посредством почтовой связи перечислял денежные средства руководителю входящей в состав организации самостоятельной группы за совершение ее участниками действий в интересах созданной организации, а также участникам международной группы на территории Республики Казахстан за приобретенные наркотические средства.

Таким образом, минимальное число участников исследуемого криминального объединения сужается до трех человек при условии, что его создатель (руководитель) не входит ни в одну из координируемых им организованных групп [3, с. 59]. Состав же участников такого объединения отличен от состава участников преступного сообщества (преступной организации) тем, что предполагает вхождение в него лиц из числа самостоятельно действующих и равных между собой организованных групп, не объединенных структурно и не находящихся в условиях соподчиненности (иерархии).

Непоследовательность судебного толкования понятия координации преступных действий подтверждается еще и тем, что далее по тексту понятие создания устойчивых связей раскрывается уже применительно к различным самостоятельно действующим организованным группам. Под таковыми предлагается понимать, например, действия лица по объединению таких групп в целях осуществления совместных действий по планированию, совершению одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений.

Разъяснение Пленума, противоречащее действующему законодательству, привело к неверной и излишней квалификации действий организаторов и руководителей преступных сообществ (преступных организаций), структурно состоящих из организованных групп, в современной судебно-следственной практике.

Например, вынесен обвинительный приговор в отношении гр. Т., лично руководившего структурным подразделением преступного сообщества, одним из организаторов которого он являлся и вовлекал в его деятельность иных лиц. Указанные лица впоследствии были назначены им руководителями входящих в структурное подразделение преступного сообщества организованных групп.

Приговором суда гр. Т., помимо действий по созданию, руководству преступным сообществом и входящим в его состав структурным подразделением, необоснованно вменены действия по урегулированию криминальной деятельности самостоятельно действующих организованных групп, совершенные им с использованием своего влияния на участников таких групп, в частности, по координации преступных действий между ними*.

---

* Дело № 2–83/13 // Архив Санкт-Петербургского городского суда за 2013 г.

Еще пример. В обвинительном приговоре в отношении гр. З. указано, что последним совершены действия по созданию преступного сообщества, созданию и входящего в него структурного подразделения, руководству им по координации преступных действий (совместно с иными лицами), созданию устойчивых связей между входящими в преступное сообщество бандами, разработке планов и созданию условий для совершения преступлений, разделу сфер преступного влияния и преступных доходов между участниками этих банд*.

Приведенные примеры подтверждают, что складывающаяся судебная и следственная практики придерживаются позиции *дополнительного* вменения руководителям преступных сообществ (преступных организаций) и (или) их структурных подразделений действий по координации деятельности организованных групп, структурно входящих в единое для них преступное сообщество (преступную организацию) и не обладающих обязательным признаком самостоятельности преступной деятельности.

На наш взгляд, это противоречит закрепленному в ст. 6 УК РФ принципу справедливости и необоснованно учитывается судом при определении размера наказания за совершенное лицом преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 210 УК РФ, в сторону его ужесточения.

В связи с этим представляется необходимым внести изменения в п. 11 названного постановления Пленума и изложить его в следующей редакции: «Под координацией преступных действий следует понимать их согласование между несколькими (двумя и более) самостоятельно действующими, не зависимыми друг от друга организованными группами в целях совместного совершения ими одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений».

Литература

1. Большая советская энциклопедия. URL: <http://www.dis.academic.ru>
2. Быков В. Организация преступного сообщества (преступной организации) // Законность. 2010. № 2.
3. Галиакбаров Р. Р. Борьба с групповыми преступлениями: вопросы квалификации. Краснодар, 2000.
4. Григорьев Д., Морозов В. Совокупность преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ // Уголовное право. 2014. № 1.
5. Мондохонов А. Координация преступных действий как вид организации преступного сообщества (преступной организации) // Уголовное право. 2011. № 4.
6. Никитенко И. В., Якушева Т. В. Организация преступного сообщества: проблемы квалификации // Уголовное право. 2010. № 5.
7. Толковый словарь Ефремовой. URL: <http://www.efremova.info>
8. Энциклопедический словарь экономики и права. URL: <http://www.dis.academic.ru>

УДК 343.9.018

ЭФФЕКТИВНОСТЬ КРИМИНАЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛИЗМА: КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ

Вадим Валитханович Тулегенов, доцент кафедры Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: vtulegenov@rambler.ru

В статье раскрывается актуальность и значение понятия «эффективность», подвергается научному осмыслению данное понятие применительно к теории криминального профессионализма. В результате проведенного исследования автор пришел к выводу, что эффективность криминального профессионализма целесообразно анализировать посредством системы критериев.

Ключевые слова: криминальный профессионализм; качество деятельности; цель; результативность; ресурсы; эффективность.

EFFICIENCY OF CRIMINAL PROFESSIONALISM: EVALUATION CRITERIA

Vadim Valithanovich Tulegenov, chair associate professor of the Vladimir Law Institute of the FPS of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor

* Дело № 2–51/11 // Архив Хабаровского краевого суда за 2011 г.

The article reveals the relevance and importance of the concept of efficiency. Also subjected to scientific understanding of this concept in relation to the theory of criminal professionalism. As a result of the research the author came to the conclusion that the criminal professionalism efficiency criteria should be analyzed by the system.

Keywords: criminal professionalism; quality of activities; effectiveness; efficiency; resources; the purpose.

В современной отечественной действительности понятие «эффективность» получило достаточно широкое распространение. Данный термин часто используется в политической и общественной жизни.

Чтобы не быть голословным, приведем результаты осуществленного нами контент-анализа. В частности, нами были проанализированы послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию за период с 2010 по 2016 г. Как известно, данные послания определяют основной вектор развития Российского государства и общества. Анализ посланий позволяет нам сделать следующие выводы.

Во-первых, в анализируемых посланиях стабильно часто используется термин «эффективность», а также его производные: энергоэффективность, эффект, эффективный, высокоэффективный, неэффективный, эффективно. Так, в Послании 2010 г. данный термин и его производные использовались 13 раз; в Послании 2011 г. – 10 раз; 2012 г. – 10; 2013 г. – 11; 2014 г. – 13; 2015 г. – 7; в Послании 2016 г. – 11 раз.

Во-вторых, термин «эффективность» и его производные довольно прочно вошли в язык официальных документов. Об этом говорит тот факт, что в анализируемых посланиях термин «эффективный» использовался 33 раза; «эффективность» – 20 раз; «эффект» – 6 раз; «неэффективный» – 6 раз; «эффективно» – 7 раз; «энергоэффективность» – 2 раза; «высокоэффективный» – 1 раз.

В-третьих, анализируемый термин и его производные используются при описании различных сфер, событий и явлений, а именно: анализируя государственное строительство и административный регламент – 20 раз; экономические отношения – 19 раз; социальную сферу – 14 раз; цели, задачи и результаты – 11 раз, Вооруженные силы – 6 раз; правоохранительную деятельность – 3 раза; образование – 2 раза.

Законодатель также не может обойтись без этого термина, используя его в названиях нормативных правовых актов, например: Федеральный закон от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 225-ФЗ «О содействии развитию и повышению эффективности управления в жилищной сфере и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 26 декабря 2006 г. № 1459 «О дополнительных мерах по повышению эффективности использования средств на оплату труда работников федеральных органов исполнительной власти»; Указ Президента РФ от 21 августа 2012 г. № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».

Понятие «эффективность» используется также и как научная категория в общенаучном [32, с. 3], научоведческом [4, с. 157; 5, с. 21; 6, с. 11] и прикладном значении [1, с. 26; 13, с. 34; 14, с. 24; 16, с. 62–63; 21, с. 13; 23, с. 739; 28, с. 22–23; 29, с. 33]. Кроме того, «эффективность» используется в качестве теоретической основы для бизнес-тренингов, тренингов личностного роста. О популярности таких тренингов свидетельствует широкий спектр предложений научно-популярной и публицистической литературы по этой теме [10–12; 15; 18; 20; 22]. Помимо личных ресурсов на предприятиях, в учреждениях, организациях в целях развития и совершенствования осуществляемой деятельности и повышения эффективности предпринимаются попытки по оптимизации финансовых, коммерческих, юридических, технических, технологических, кадровых и иных ресурсов. В частности, на таких услугах, направленных на развитие и совершенствование деятельности предприятий, учреждений, организаций, специализируются консалтинговые фирмы.

Вместе с тем, несмотря на общенаучную, науковедческую и прикладную востребованность понятия «эффективность», в теории криминального профессионализма оно практически не используется. Так, доминирующий в криминологической науке подход предполагает, что криминальный профессионализм – это разновидность преступного занятия, являющегося для субъекта источником средств существования, требующего необходимых знаний и навыков

для достижения конечной цели и обуславливающего контакты с антиобщественной средой [8, с. 40]. На основе данного определения выделяются четыре обязательных признака криминального профессионализма: устойчивый вид преступного занятия (специализация); наличие определенных познаний и навыков (квалификация); преступление как источник средств существования; связь с асоциальной средой.

Как мы видим, данный подход не предусматривает непосредственного изучения «эффективности». Представляется, что такое положение дел обедняет теорию криминального профессионализма. В связи с этим под криминальным профессионализмом мы понимаем особое свойство личности, позволяющее ей с использованием специфических личных качеств надежно и эффективно совершать преступления и тождественные им деяния. Анализ данного определения позволяет нам выделить четыре обязательных признака, идентифицирующих криминальный профессионализм: специфические личные качества, знания, умения и навыки; надежность; эффективность; совершение преступлений и тождественных им деяний [26, с. 119–128]. На наш взгляд, криминальная деятельность вообще и криминальный профессионализм в частности характеризуются тем, что результирующая составляющая является основной и неотъемлемой. По этой причине целесообразно выделять «эффективность» в качестве основного признака криминального профессионализма. Под эффективностью криминального профессионализма мы предлагаем понимать степень соответствия криминальной деятельности поставленной задаче, направленной на достижение максимального эффекта при наименьших затратах в обычных и измененных условиях.

Представляется, что определение сущности эффективности, ее места и роли в системе криминального профессионализма, невозможно без выработки системы оценочных критериев. Мы выделяем пять критериев: наличие и сущность цели; качество осуществляемой деятельности; количество затраченных ресурсов; количество затраченного времени; собственно результативность.

1. Наличие и сущность цели. По всей видимости, одним из первых этапов осуществления того или иного вида деятельности выступает моделирование цели. Под целью мы понимаем конечный результат деятельности человека (или коллектива людей), предварительное идеальное представление о котором и желание его достигнуть определяют выбор соответствующих средств и системы специфических действий по его достижению [30, с. 646]. Отсюда не будет ошибочным суждение о том, что даже на первых этапах криминальной деятельности о ее эффективности уже можно судить по наличию формализованной цели. Думается, что с точки зрения эффективности в более выигрышном положении находятся лица, у которых наличествует четко определенная цель, в менее выигрышном положении – обладатели интуитивно определенной цели, и наиболее сложное положение у лиц с неопределенной целью в отношении осуществляемой криминальной деятельности. На наш взгляд, преимущество четко определенной цели заключается в том, что она запускает дальнейший, конкретный алгоритм действий, направленный на успешное совершение преступления.

2. Качество осуществляемой деятельности. Понятие «качество» можно рассматривать, с одной стороны, в его общем значении как философскую категорию, а с другой стороны, в его утилитарном значении. Качество с точки зрения философии является свойством абсолютно всех предметов. Так, под качеством понимается существенная определенность предмета, в силу которой он является данным, а не иным предметом и отличается от других предметов [30, с. 240]. С утилитарной точки зрения качество является характеристикой ограниченного круга предметов, которые отвечают определенному набору требований. Так, в пункте 3.1.1 ГОСТ ISO 9000–2011 под качеством понимается степень соответствия совокупности присущих характеристик требованиям [2]. Нас в большей степени интересует понятие «качество» в его утилитарном значении.

Таким образом, с утилитарной точки зрения качество выражается степенью соответствия криминальной деятельности совокупности требований. Количество таких требований может быть различным. Минимальное количество требований, которые криминальный профессионал в обыденных условиях предъявляет к осуществляемой им деятельности, два – достижение цели преступления и непривлечение к уголовной ответственности. Хотя возможны ситуации, когда криминальный профессионал строит свою преступную деятельность таким образом, чтобы быть привлеченным к уголовной ответственности и оказаться в пенитенциарном учреждении. Однако это некое исключение, которое только подтверждает общее правило.

Вместе с тем к качеству криминального профессионализма могут предъявляться дополнительные требования, к ним относятся: поддержание превосходства в криминальном

противостоянии или бытовом конфликте, демонстрация личной харизмы, наблюдение за действиями соучастников «в деле», попутное уничтожение или повреждение чужого имущества, сбор материала для последующей компрометации соучастника. Как мы видим, требования, предъявляемые к качеству деятельности, в дальнейшем направлены на решение различных утилитарных задач. В этом нет ничего удивительного, так как от криминального профессионала мы ждем в первую очередь утилитарную эффективность. Однако некоторые требования, предъявляемые к качеству криминальной деятельности, могут быть направлены на решение неутилитарных задач. Так, например, криминальные профессионалы должны учитывать требования криминальной субкультуры, которые в некоторых случаях выступают в качестве суеверий и ритуалов и не несут значимой смысловой нагрузки (татуировка-оберег, талисман, воровская «молитва», воровские приметы, несовершение преступления в определенный день недели, отказ от одежды красного цвета и т. д.).

Качество деятельности может быть безусловным (абсолютное) и условным (относительное). Под безусловным (абсолютным) качеством мы понимаем соответствие криминальной деятельности некоей эталонной деятельности. Естественно, что степень безусловного качества может быть установлена только путем независимой экспертной оценки. Так как самоанализ в большинстве случаев менее продуктивный, ему препятствуют различные личностные особенности (ограниченность знаний, логические ошибки при определении причинно-следственной связи, доверчивость, эмоциональное отношение к предмету, личные амбиции), которые не дают возможности «подняться» над ситуацией. Представляется, что самоанализ будет в любом случае страдать определенной долей субъективизма. Не случайно, как было замечено выше, даже успешные предприятия, учреждения и организации прибегают к услугам консалтинговых фирм, могущих осуществить такой анализ. Данное обстоятельство предоставляет определенные преимущества сотрудникам правоохранительных органов ввиду того, что они системно изучили и изучают методику работы в специализированных образовательных учреждениях высшего и дополнительного образования, что «вооружает» их неким эталонным знанием и позволяет увидеть ситуацию. В свою очередь, у преступных элементов, как правило, отсутствуют системные знания, они могут рассчитывать на самообразование, обмен сведениями и информацией, а также на консультации специалистов, в том числе бывших и действующих сотрудников правоохранительных органов.

Говоря об условном качестве, мы подразумеваем в первую очередь отношение индивидуума к осуществляемой им криминальной деятельности, а именно, насколько «добросовестно» индивидуум осуществляет криминальную деятельность. В теории эффективности на этот счет замечено: «Качество операции как целенаправленного процесса может быть определено лишь в рамках системы более высокого уровня по отношению к рассматриваемой технической системе. В этом смысле эффективность операции требует установления динамической взаимосвязи между свойствами технической системы, характеризующими ее качество, способами и условиями проведения операции и целью операции, определяемой вышестоящей системой» [17, с. 61]. Таким образом, условное качество мы оцениваем совокупностью отношений, возникающих между индивидуумом (вышестоящая система) и осуществляемой им деятельностью (нижестоящая система). Непосредственная оценка эффективности сводится к анализу одного или нескольких преступлений (нижестоящая система) по отношению к личности преступника (вышестоящая система), их совершивших.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что качество эффективности целесообразно оценивать посредством системы требований на соответствие некоей эталонной модели.

3. Количество затраченных ресурсов. Мы выделяем три вида ресурсов, которые условно можно обозначить следующим образом: индивидуальные ресурсы, материальные ресурсы, финансовые ресурсы.

Понятие «индивидуальные ресурсы» мы рассматриваем сквозь призму подхода академика С. Г. Струмилина, который ввел в научный оборот понятие «трудовые ресурсы» и рассматривал его преимущественно как рабочую силу страны в возрасте от 16 до 59 лет [25, с. 34–46]. В дальнейшем данный подход был модифицирован и в научный оборот было введено понятие «трудовой потенциал», объединявшее психофизиологический (здоровье, работоспособность, выносливость), квалификационный (навыки и умения) и личностный (уровень социальной зрелости, ценностные и социальные ориентиры) потенциал [24, с. 10–37]. Соответственно для целей настоящей работы под индивидуальным ресурсом мы понимаем психофизиологический (здоровье, работоспособность, выносливость), квалификационный (навыки и умения) и личностный (уровень социальной зрелости, ценностные и социальные ориентиры) потен-

циал. Индивидуальный ресурс (здоровье, работоспособность, выносливость, навыки, умения, уровень социальной зрелости, ценностные и социальные ориентиры) является необходимым условием, благодаря которому удастся достичь максимального эффекта.

Переходя к материальным ресурсам, следует отметить, что с экономической точки зрения под материальными ресурсами понимаются разнообразные вещественные элементы производства, используемые преимущественно в качестве предметов труда в основных и вспомогательных производственных процессах: различные виды сырья, материалов, топливно-энергетических ресурсов (всех видов топлива и энергии) [1]. Применительно к эффективности криминального профессионализма под материальным ресурсами также можно понимать разнообразные вещественные элементы, используемые в криминальной деятельности как в основных, так и во вспомогательных процессах. Думается, что круг предметов материального мира, используемых в криминальной деятельности, чрезвычайно широк, начиная от тех, которые облегчают повседневную жизнь профессионального преступника (эргономичная или маскирующая одежда, а также, напротив, яркая одежда, отвлекающая внимание от внешности преступника) или служат элементами криминального образа (пресловутые малиновые пиджаки и массивные золотые цепи), и заканчивая предметами материального мира, непосредственно используемыми для совершения преступления. Вместе с тем предметы материального мира по-разному рассматриваются в науках криминального цикла. Так, в уголовно-правовой доктрине предметы материального мира, используемые преступником для облегчения совершения деяния, получили название орудий и средств совершения преступления [27, с. 157]. В уголовном процессе и криминалистике используется понятие «вещественное доказательство», сформулированное в ст. 81 УПК РФ, толкуемое как любые предметы: которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления или сохранили на себе следы преступления; на которые были направлены преступные действия; деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления; иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела.

Таким образом, орудие и средство совершения преступления являются таковыми только в том случае, если непосредственно используются для облегчения совершения преступления, а вещественными доказательствами являются предметы, которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления или сохранили на себе следы преступления; деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления; иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела. Вместе с тем под понятие «материальный ресурс» подпадает большее количество предметов материального мира, чем под понятие «орудие и средство совершения преступления» и понятие «вещественное доказательство», так как понятие «материальный ресурс» охватывает не только орудия и средства совершения преступления, а также вещественные доказательства, но и иные предметы (определенная одежда; предметы, выступающие элементами криминального образа; предметы, необходимые для приготовления к преступлению; предметы, необходимые для сокрытия следов преступления, и т. д.).

Под финансовыми ресурсами мы понимаем денежные средства, имеющиеся в распоряжении профессионального преступника, необходимые для достижения и решения стоящих перед ним целей и задач. Денежные средства преимущественно нужны для приобретения различного рода материальных ресурсов. Кроме того, следует отметить, что если в законопослушном обществе финансы можно назвать универсальным ресурсом, так как с его помощью можно приобрести все легальные товары и услуги, то в криминальном мире наличие денежных средств не гарантирует приобретения таких материальных ресурсов, поскольку для покупки предметов, изъятых из гражданского оборота, помимо денежных средств необходимо найти соответствующих лиц, готовых продать эти предметы.

4. Количество затраченного времени. Время можно рассматривать в качестве ресурса наряду с индивидуальными, материальными и финансовыми ресурсами, однако время – это уникальный ресурс. Данная уникальность обуславливает выделение времени в качестве самостоятельного критерия. Общеизвестно, что изучение времени играет большую роль практически во всех науках (точных, естественных и гуманитарных). Кроме того, время наряду с пространством является одной из главных форм бытия, изучение течения времени в биологических системах служит основой формирования диалектико-материалистических

представлений об этих системах и тем самым дает правильную методологию другим наукам о жизни [31, с. 5].

Научное представление о времени различное. Так, И. Ньютон заметил: «Абсолютное, истинное математическое время само по себе и по самой своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему, протекает равномерно, и иначе называется длительностью» [19, с. 30]. Как мы видим, время в данном случае сводится к некоей эталонной величине. Кроме времени как эталонной величины существуют иные подходы к нему. Так, Л. Н. Гумилев различает историческое время, которое обнаруживает себя через насыщенность событиями [7, с. 378], А. А. Зиновьев – социальное время: «В социальном же смысле предполагается, что время как-то осознается людьми, принимается во внимание и измеряется, но внимание ориентируется на реальную жизнь людей во времени» [9, с. 42].

Рассматривая социальное время более подробно, хотелось бы остановиться на следующем объяснении А. А. Зиновьева: «Для социального субъекта физическое настоящее не есть лишь миг, не имеющий протяженности. Для него это – протяженный временной интервал, в котором он рассчитывает и совершает свои действия так, как будто время не уходит в прошлое и приходит из будущего, как будто время есть нечто застывшее. Эту свою жизнь он считает настоящим по отношению к тем событиям в физическом прошлом, о которых он помнит или узнает от других, но которые не принимает в расчет в настоящем, а также по отношению к событиям, которые мыслимы в физическом будущем и с которыми он тоже не считается как с реальностью в его настоящем. Для него настоящее время неразрывно связано с его определенным состоянием, определенным образом его жизнедеятельности. Именно факторы этого состояния определяют границы его социального настоящего в физическом времени» [9, с. 43–44].

Думается, что социальное время тем скоротечнее, чем более насыщена положительно воспринимаемыми событиями жизнь индивидуума. Естественно, что для преступника-профессионала с точки зрения субъективного восприятия скорость тех или иных процессов также различна. В некоторых случаях можно говорить, что время замедляется. Например, в период отбытия преступником-профессионалом уголовного наказания в виде лишения свободы время для него останавливается. В иных случаях время проходит стремительно, в частности, отрезки времени, насыщенные положительными и значимыми событиями (красивая жизнь на свободе, время совершения преступления, состояние алкогольного и наркотического опьянения).

Вместе с тем, с позиции эффективности криминального профессионализма, наше внимание в большей степени обращено не на субъективное восприятие времени, а на время как ресурс, необходимый для выполнения той или иной операции. Однако с точки зрения исследования личности преступника-профессионала отношение ко времени нас не может не интересовать.

Для непосредственного рассмотрения времени как ресурса, необходимого для выполнения той или иной операции, и как критерия эффективности мы вводим ряд понятий, а именно: планируемое время, нормативное время и реальное время.

Планируемое время – время, которое индивидуум или группа лиц закладывают на совершение того или иного криминального действия или преступления в целом.

Нормативное время – показатель, отражающий количество времени, необходимого для выполнения того или иного действия или преступления в целом конкретному индивидууму или группе лиц в определенных условиях с надлежащим качеством.

Реальное время – время, которое индивидуум или группа лиц затратили на совершение того или иного действия или преступления в целом.

Осуществляя приготовление к преступлению, потенциальный преступник рассчитывает время, которое может понадобиться для совершения преступления. В отдельных случаях, когда расчет времени проблематичен, осуществляется моделирование будущей преступной деятельности, в том числе и посредством изучения затрат времени с помощью фиксации и замеров продолжительности выполняемых действий. С точки зрения эффективности в этой ситуации особую ценность приобретает соотношение между планируемым и нормативным временем. Как мы видим, планируемое время рассчитывается индивидуумом и во многом носит субъективный характер, а нормативное время не зависит от расчетов индивидуума и отражает объективную картину. Соответственно, чем точнее соотношение между планируемым и нормативным временем, тем эффективнее и профессиональнее будут действия преступника. Кроме того, можно выделить две разновидности планируемого времени: истинное планируемое время и ложное планируемое время. Под истинным планируемым временем мы понимаем

такое распределение времени, которое верно отражает технологическую карту предполагаемого преступления. Соответственно в ложном планируемом времени распределенное время противоречит технологической карте будущего преступления.

Несмотря на то, что истинное планируемое время верно отражает технологическую карту будущего преступления, оно может находиться в разных отношениях с нормативным временем. Мы выделяем три разновидности таких отношений.

Первое отношение сводится к превышению истинного планируемого времени над нормативным временем. Такое положение дел может наблюдаться в случае, если планируемое время на каждый этап необоснованно завышается, не учитывается интенсивность преступной деятельности, планируются технологические перерывы, закладываются этапы, вероятность возникновения которых низка, и т. д. В этих случаях, несмотря на то, что индивидум знает технологию совершения преступления, диссонанс в расчетах и нормативах может привести его к неудаче.

Второе отношение предполагает соответствие истинного планируемого времени – нормативному. Такое соотношение характеризует преступную деятельность индивидума как профессиональную. В основе тождества истинного планируемого времени нормативному лежит доскональное знание технологической карты и в ряде случаев кропотливая подготовительная работа.

Третье отношение характеризуется тем, что истинное планируемое время меньше нормативного. Думается, в данном случае индивидум самонадеянно рассчитывает на то, что ему удастся выполнить какое-либо действие или преступление в целом за субнормативный период времени. Эта ситуация говорит о том, что, несмотря на знание технологической карты, при планировании преступления были допущены достаточно грубые просчеты. Например, злоумышленник посчитал, что для проникновения в жилище будет достаточно пяти минут, когда нормативное время для данной операции составляет десять или пятнадцать минут.

Как было отмечено выше, ложное планируемое время неверно отражает технологическую карту будущего преступления. Например, индивидум при совершении квартирной кражи посчитал, что сможет открыть дверь посредством лома или монтировки, а на самом деле необходима углошлифовальная машина или мобильный гидравлический пресс. Вследствие этого злоумышленник вынужден приискивать другое орудие преступления, что неминуемо и значительно увеличивает количество затраченного времени. Вместе с тем ложное планируемое время не исключает достижение цели преступления, однако оно создает дополнительные трудности, препятствия или неудобства, которые нужно преодолеть, что демонстрирует определенный уровень дилетантства или криминальной неискушенности.

При рассмотрении реального времени мы не будем брать во внимание ложное планируемое время ввиду того, что с точки зрения эффективности и криминального профессионализма это проявление дилетантства или криминальной неискушенности и является неким тупиковым путем развития потенциального преступника-профессионала. Если преступник хочет стать криминальным профессионалом, он не может не отказаться от такого тупикового пути.

В отношении собственно реального времени нас интересуют следующие особенности. Во-первых, следует обратить внимание на качество осуществляемой криминальной деятельности. По нашему мнению, скорость совершения того или иного действия или преступления в целом должна соответствовать необходимому качеству. В свою очередь, качество определяется достижением преступного результата. В противном случае криминальная деятельность становится неэффективной и, как следствие, бессмысленной.

Во-вторых, целесообразно рассмотреть отношения между нормативным и реальным временем. Так же, как и в рассмотренном выше соотношении истинного планируемого времени и нормативного времени, мы выделяем три разновидности отношений: превышение нормативного времени над реальным, соответствие нормативного времени реальному и превышение реального времени над нормативным. Превышение нормативного времени над реальным и соответствие нормативного времени реальному времени можно назвать проявлением эффективности и профессионализма, так как индивидум достаточно четко и компетентно выполняет определенную сумму действий. Причем в случае с превышением нормативного времени над реальным можно говорить о том, что действия индивидума доведены до автоматизма или же он повышает интенсивность криминальной деятельности. По всей видимости, такое положение дел свидетельствует о высокой эффективности и прогрессирующем криминальном профессионализме. В случае если нормативное время соответствует реальному времени, можно говорить о том, что индивидум достаточно качественно осуществляет криминальную

деятельность. Напротив, превышение реального времени над нормативным временем говорит о наличии различного рода изъязов, препятствующих четкому и компетентному выполнению определенной суммы действий. К таким изъязам можно отнести излишнюю эмоциональность или, наоборот, самоуверенность, временную нетрудоспособность, пребывание в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, недостаточную мотивацию и т. д.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что идеальная модель времени как критерия эффективности подчиняется следующему соотношению: $PB (ист) = NB \geq RB$, где $PB (ист)$ – истинное планируемое время, NB – нормативное время, RB – реальное время.

На наш взгляд, идеальная модель времени как критерия эффективности предполагает соответствие истинного планируемого времени нормативному, а также соответствие нормативного времени реальному времени или превышение нормативного времени над реальным.

5. Результативность. С точки зрения криминального профессионализма нами выделяются две формы выражения результативности: сумма извлеченного дохода и иные виды результативности.

Извлеченный доход может быть как прямым следствием совершенного преступления, так и косвенным следствием. В случае, если доход является прямым следствием совершенного преступления, то он может быть как непосредственно извлечен из криминальной деятельности, когда предметом преступления являются денежные средства, так и может быть получен от реализации похищенного. Причем, если доход получен от реализации похищенного, то эффективность можно оценить по степени соответствия извлеченного дохода тенденциям на вторичном рынке. Например, неискушенные лица сбывают похищенное имущество по бросовым ценам, в частности, такая особенность характерна для лиц, страдающих наркотической зависимостью.

Доход может косвенно извлекаться из преступной деятельности, а именно получением вознаграждения за совершенное преступление, в частности по найму (ч. 2 ст. 105, 111, 117, 206 УК РФ).

Следует отметить, что ряд криминальных профессионалов не ставят перед собой цель – извлечение дохода, они ставят перед собой иные цели – общественный резонанс, самоутверждение, месть, создание условий для последующего совершения преступления, дискредитация должностного лица и т. д. Отсюда, в некоторых случаях результативность оценивается не по сумме извлеченного дохода, а по иным основаниям.

Обобщая содержание работы, отметим, что эффективность криминального профессионализма целесообразно оценивать с помощью описанной выше системы критериев. Представляется, что рассмотренная система критериев обладает теоретическим методологическим значением, способствуя приращению криминологических знаний, а также будет полезна правоприменителю для формирования целостного представления о современной преступности.

Литература

1. О принятии руководящего документа системы «Правила разработки и применения нормативов трудноустраняемых потерь и отходов материалов в строительстве»: постановление Министерства строительства РФ от 8 августа 1996 г. № 18–65. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. ГОСТ ISO 9000–2011. Межгосударственный стандарт. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь: приказ Росстандарта от 22 декабря 2011 г. № 1574-ст. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Бачурин А. В. Интенсификация и эффективность. М.: Экономика, 1985.
4. Башин М. Л. Эффективность фундаментальных исследований (экономический аспект). М.: Мысль, 1974.
5. Глязер Л. С. Наука глазами экономиста // Знание – сила. 1970. № 9.
6. Голосовский С. И. Эффективность научных исследований. М.: Экономика, 1969.
7. Гумиев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-пресс, 2005.
8. Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990.
9. Зиновьев А. А. Русская трагедия. М.: Алгоритм; Эксмо, 2005.
10. Иванова С., Болдогоев Д. Личная эффективность на 100 %. Сбросить балласт, найти себя, достичь цели. М.: Альпина Паблишер, 2015.
11. Карабанов Б., Федосеев А. Битва за эффективность. М.: Альпина Паблишер, 2013.
12. Кови Стивен Р. Семь навыков высокоэффективных людей: мощные инструменты развития личности / пер с англ. 5-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2010.
13. Колесников Л. Ф., Турченко В. Н., Борисова Л. Г. Эффективность образования. М.: Педагогика, 1991.

14. Лапыгин Ю. Н., Лаптева Е. Е., Соколовских Е. В. Стратегическая эффективность. Владимир: ВГПУ, 2003.
15. Майлс Т. Пирамида эффективности. От разрозненных техник к цельной системе. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014.
16. Марцев А. И., Максимов С. В. Общее предупреждение преступлений и его эффективность. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1989.
17. Надежность и эффективность в технике: справочник: в 10 т. Т. 1. Методология. Организация. Терминология / под ред. А. И. Рембезы. М.: Машиностроение, 1986.
18. Нейл Фьоре. Психология личной эффективности. Как победить стресс и получать удовольствие от работы. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
19. Ньютон Исаак. Математические начала натуральной философии. М.: Наука, 1989.
20. Парабеллум А., Мрочковский Н. Быстрые результаты: 10-дневная программа повышения личной эффективности. М.: Альпина Диджитал, 2012.
21. Пашкевич П. Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. М.: Юрид. лит., 1984.
22. Пинтосевич И. 10 заповедей личной эффективности. М.: Фолио, 2008.
23. Румянцев Е. Е. Новая экономическая энциклопедия. 3-е изд. М.: ИНФРА-М, 2008.
24. Стаканова О. В., Шкатаран О. И. Принципы изучения социальных факторов // Рабочий и инженер: социальные факторы эффективности труда / под ред. О. И. Шкатарана. М.: Мысль, 1985.
25. Струмилин С. Г. Наши трудовые ресурсы и перспективы // Хозяйственное строительство. 1922. Вып. 2.
26. Тулегенов В. В. Понятие и сущность криминального профессионализма // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 1 (27).
27. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2011.
28. Фаткуллин Ф. Н., Чулюкин А. Д. Социальная ценность и эффективность правовой нормы. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1977.
29. Федосова В. А. Эффективность действия норм советского государственного права. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1984.
30. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001.
31. Хронобиология и хрономедицина / под ред. Ф. И. Комарова. М.: Медицина, 1989.
32. Эффективность сложных систем. Динамические модели / В. А. Виноградов [и др.] М.: Наука, 1989.

УДК 343.35

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СТРАН СНГ

Оксана Николаевна Рябченко, старший преподаватель Удмуртского государственного университета, кандидат юридических наук

E-mail: okt.wa@yandex.ru

В статье на основе норм действующего уголовного законодательства стран Содружества Независимых Государств проводится исследование содержательной и юридико-технической стороны оформления составов преступлений против порядка управления. Выявляются перспективы совершенствования российского закона на основе возможной рецепции отдельных составов преступлений против порядка управления.

Ключевые слова: компаративный анализ; преступления против порядка управления; сопротивление представителю власти; вмешательство в деятельность государственных органов; применение насилия в отношении представителя власти.

CRIMES AGAINST A MANAGEMENT ORDER ACCORDING TO THE LEGISLATION OF THE CIS COUNTRIES

Oksana Nikolaevna Ryabchenko, senior lecturer of the Udmurt State University, *kandidat nauk*, degree in Law

In article on the basis of the norms of criminal legislation of the Commonwealth and of the scientific literature conducted a study of substantive and technical legal side of registration of crimes against a management order. Identified prospects for improving the Russian law on the

basis of the possible reception of a positive experience for the criminalization specific offences against a management order.

Keywords: comparative analysis; crimes against public order; resistance to representative of authority; interference in the activity of state bodies; using violence against a representative of authorities.

Анализ положений уголовного законодательства стран Содружества Независимых Государств всегда является актуальным и значимым. Никакие политические и иные текущие процессы современности не могут отменить того факта, что на протяжении многих десятилетий уголовное законодательство этих государств развивалось в рамках единой политико-правовой концепции, единых идейных установок и единого доктринального поля. Потенциал прошлого служит надежной основой для современных интеграционных процессов, развитие которых в области уголовного права поддерживается и стимулируется функционированием Межпарламентской ассамблеи стран СНГ, в частности, ее активной работой в направлении создания модельных нормативных правовых актов.

Как известно, Модельный Уголовный кодекс для стран СНГ был утвержден в 1996 г. [4] и с изменениями от 27 ноября 2015 г. действует по сегодняшний день, во многом составляя основу перспективного развития национального уголовного законодательства всех стран Содружества. Между тем сравнение текста этого рекомендательного акта с уголовным законодательством стран*, а равно сопоставление нормативных правовых документов самих стран-участниц, показывает, что, наряду с определенным «общим ядром», преступления против порядка управления демонстрируют в целом ряде аспектов весьма несовпадающие характеристики.

Прежде всего отметим специфику структурного оформления соответствующей группы предписаний в структуре уголовного закона. Модельный Кодекс рекомендует выделить преступления против управления в самостоятельную главу закона с соответствующим названием. Практически все страны Содружества восприняли эту рекомендацию, тем более, что она соответствует правовой традиции, заложенной еще в советский период истории. На общем фоне выделяется лишь три государства – Украина, Молдова и Узбекистан.

УК Украины поименовал соответствующий раздел «Преступления против авторитета органов государственной власти, органов местного самоуправления, объединений граждан и преступления против журналистов» (раздел XV). При этом группа преступных посягательств против личности и деятельности журналистов, которая и изменила изначальное название раздела, появилась в его составе относительно недавно, в связи с принятием Закона от 14 мая 2015 г. № 421-VIII [11]. Однако, представляется, что включение этих посягательств в исследуемый раздел – дань давней традиции использовать его в качестве «накопителя» и размещать среди преступлений против порядка управления посягательства, природа которых либо до конца не осмыслена, либо которым нет очевидного места внутри иных групп преступлений.

Лишь с некоторой долей условности можно признать, что журналист в контексте рассматриваемого раздела – представитель объединения граждан, а посягательство на него суть преступление против нормальной деятельности представителей общественности. Предпосылки к такому решению имеются. В частности, в украинской учебной литературе еще до 2015 г. отмечалось, что родовым объектом преступлений против порядка управления является группа общественных отношений, возникающих не только между органами государственной власти, органами местного самоуправления, но также объединениями граждан и физическими лицами [14]. При изначально широком понимании объекта преступлений против порядка управления как отношений, включающих в себя не только элементы системы собственно государственного управления, но и иные управленческие отношения, в частности, связанные с работой органов самоуправления и общественных организаций, посягательства на деятельность профессиональных организаций и их представителей вполне укладываются в рамки главы о преступлениях против порядка управления.

Единственное, что здесь стоит принять во внимание, это характер деятельности таких организаций. Очевидно, он должен иметь публичный характер, а сама деятельность долж-

* Актуальные тексты уголовного законодательства стран Содружества Независимых Государств (по состоянию на 15 октября 2016 г.) приведены в нескольких электронных базах данных, см. URL: <http://base.spinform.ru/spisdoc.fwx?countryid=al&qtype=0&doctype=3>; URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 15.10.2016).

на иметь общественное значение, осуществляться в интересах государства, общества, прав и свобод граждан. Но при таком подходе границы раздела становятся сложно обозримыми, поскольку кроме журналистов имеется еще целый ряд профессий, само существование которых предопределено общественной значимостью и полезностью.

В то же время нельзя не заметить, что раздел XV УК Украины не содержит в своем наименовании указания на управленческие отношения. Он посвящен охране авторитета органов власти, управления и общественных объединений. Это обстоятельство в известной степени также «снимает препятствия» для расширения пределов раздела*. Авторитет складывается не только в рамках конкретных отношений с участием указанных органов и организаций; это более широкое понятие. Именно признание и защита авторитета объединений граждан позволила украинскому законодателю включить в рассматриваемый нами раздел ст. 340 «Незаконное препятствование организации или проведению собраний, митингов, шествий и демонстраций», которая в уголовных кодексах стран Содружества находится за пределами группы преступлений против порядка управления.

Таким образом, современная нормативная практика украинского законодателя вновь активизирует большую и сложную дискуссию относительно пределов управленческих отношений в целях конструирования в уголовном законодательстве главы о преступлениях против порядка управления. Представляется все же, что отчетливая заявка на их расширение не может быть признана оптимальной и перспективной.

Если украинский закон демонстрирует тенденцию к расширению границ объекта преступлений против порядка управления в сторону от жесткой привязки соответствующих отношений к государственным и иным, выполняющим государственные функции органам как их непременно субъекту, то законодатель Молдовы, напротив, позиционирует преступления против порядка управления в качестве посягательств на интересы государства. Соответствующая глава в УК Молдовы называется «Преступления против публичной власти и безопасности государства». В связи с этим традиционные преступления против порядка управления соседствуют здесь с диверсией, государственной изменой и иными деликтами против национальной безопасности. Такое размещение, на наш взгляд, не свидетельствует о наличии некоего обобщенного объекта, охватывающего своим содержанием и безопасность государства, и отношения в сфере управления. Скорее всего, такое объединение является сугубо внешним, искусственным. Однако оно, во-первых, демонстрирует признание повышенной опасности преступлений против порядка управления, их тесную связь с интересами безопасности государства (хотя это обстоятельство и не находит явного подтверждения в санкциях преступлений против порядка управления); во-вторых, исключает из сферы уголовно-правовой охраны исследуемых норм отношения и интересы, которые не затрагивают государство, осуществляются без участия его органов в качестве субъектов. В связи с этим соответствующая глава УК Молдовы не содержит, например, описания таких преступлений, как воспрепятствование деятельности средств массовой информации и журналистов (это посягательство против конституционных прав граждан), как действия, дезорганизующие деятельность пенитенциарных учреждений (это преступление против общественной безопасности и общественного порядка), и т. д.

Представляется, что законы Украины и Молдовы демонстрируют, таким образом, два крайних подхода к пониманию сути и социальной направленности преступлений против порядка управления: либо непомерно расширяя, либо максимально ограничивая сферу охраняемых отношений. Выбор того или иного варианта конструирования уголовного закона, конечно, определяется множеством правовых, доктринальных и иных факторов. Но столь существенные, как в рассматриваемом случае, отличия отражают и более глубокий слой формирования уголовного законодательства – особенности фундаментальных политических отношений, взаимных отношений и взаимодействия личности и власти, государства и гражданского общества. Не предвещая оценок выявленных различий (поскольку различия в уголовном законе далеко не всегда являются свидетельством прямых отличий в политических отношениях), отметим все же, что «серединная позиция» Модельного УК для стран СНГ и вслед за ним большей части государств Содружества представляется нам в большей степени обоснованной и оправданной: нормы о преступлениях против порядка управления защищают прежде всего систему государственного управления, но не только ее, но и публичные

* Подробнее обзор научных позиций о содержании объекта исследуемой группы преступлений по украинскому праву см.: [15, с. 1–7].

отношения в сфере самоуправления граждан. В то же время эти нормы не ориентированы на защиту всех отношений в области функционирования любых общественных объединений, в том числе и не связанных с реализацией функций публичного управления. Законодательство России выдержано в рамках этого общего подхода.

Что касается уголовного законодательства Узбекистана, то здесь в главе о преступлениях против порядка управления сосредоточены деликты, относимые в российской правовой науке как к группе преступлений собственно против порядка управления, так и к группе преступлений против интересов службы в государственных и муниципальных органах и учреждениях. В этой главе дано описание традиционных управленческих преступлений, а также взяточничества, халатности, бездействия власти. В науке эта группа именуется преступлениями против порядка функционирования органов власти, управления и общественных объединений, под которыми предлагается понимать деяния, посягающие на общественные отношения, обеспечивающие стабильность и нормальное функционирование этих управленческих структур [10, с. 153].

Представляется, что такое нормативное решение есть следствие известного спора о соотношении должностных преступлений и преступлений против порядка управления, в частности, той из его позиций, согласно которой, это суть единая группа деликтов, различающихся не признаками объекта, а субъектом посягательства. Давать в данном случае критическую оценку положениям узбекского уголовного закона вряд ли целесообразно. Он отражает вполне возможную и аргументированно представленную в науке концепцию управленческих преступлений. Отметим лишь, что УК Узбекистана в рассматриваемой части не согласуется с Модельным Уголовным кодексом для стран СНГ.

Следующий аспект сравнительного анализа уголовного законодательства стран СНГ о преступлениях против порядка управления включает в себя обзор соответствующих составов на предмет их совпадения и различия. Исследование показывает, что существует лишь несколько составов, представленных в законодательстве всех стран Содружества. Это: похищение или повреждение документов, штампов, печатей; подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, штампов, печатей, бланков; самоуправство и надругательство над государственными символами (в последнем случае единственное исключение составляет УК Туркмении, который отнес это деяние к группе посягательств против безопасности государства). Некоторые совпадения демонстрирует также группа насильственных преступлений против субъектов управленческой деятельности (применение насилия в отношении представителя власти, оскорбление, сопротивление представителю власти). И здесь можно говорить о возникновении близких по содержанию проблем толкования и применения, которые составляют уже традиционный уголовно-правовой дискурс.

В то же время нельзя не отметить (и в этом, пожалуй, состоит главная задача компаративистики), что по некоторым параметрам даже эти традиционные преступления имеют в ряде случаев некоторые весьма существенные различия в описании и нормативной оценке.

Так, например, конструируя состав надругательства над государственными символами, законодатели многих стран СНГ значительно (по сравнению с Россией) расширяют круг охраняемых предметов. В некоторых законах (ст. 372 УК Казахстана, ст. 342 УК Таджикистана) в этих целях используется назывная диспозиция «надругательство над государственными символами»; в других (ст. 370 УК Беларуси, ст. 178 УК Туркмении, ст. 338 УК Украины, ст. 331 УК Армении, ст. 215 УК Узбекистана) – описательная диспозиция, указывающая на три государственных символа – флаг, герб и гимн.

Ряд стран признали необходимым установить в исследуемых нормах ответственность за надругательство над государственными символами иностранного государства (ч. 2 ст. 338 УК Украины, ст. 347 УК Молдовы, ст. 331 УК Армении)*. При этом, если украинский закон охраняет только герб и флаг, молдавский – еще и гимн. По УК Украины надругательство над государственными символами иностранного государства наказывается мягче, чем аналогичные действия в отношении собственно украинских государственных символов.

Учитывая особенности административно-территориального и государственного устройства страны, законодатель Узбекистана поставил в соответствующей статье уголовного закона под охрану и авторитет государственной символики Республики Каракалпакстан – суверенной Республики в составе Республики Узбекистан. Заметим, что в РФ на уровне федерального уголовного или административного законодательства не предусматривается ответственность

* Некоторые армянские специалисты выступают с критикой такого законодательного решения [5, с. 137].

за надругательство над официальными символами субъекта Федерации. Соответствующие статьи можно обнаружить только в региональном административно-деликтном праве (см., например, ст. 14.3 «Надругательство над гербом и (или) флагом города Москвы» Кодекса города Москвы об административных правонарушениях [3]). Согласимся, что общественная опасность действий, совершаемых в отношении федеральных и региональных государственных символов, сложно сопоставима, тем более принимая во внимание «неравновесный характер» самой РФ и различающийся статус ее субъектов. В то же время нельзя не признать правильным и отсутствие единого подхода к охране региональных символов в масштабах страны. С этих позиций гораздо больше оснований для того, чтобы установить ответственность за посягательство на авторитет государственных символов субъектов Российской Федерации в федеральном законе об ответственности за административные правонарушения.

Интересным представляется подход молдавского законодателя к решению вопроса о дифференциации ответственности за преступления против символов государства. В УК Молдовы предусмотрены квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки надругательства над государственными символами: совершение преступления двумя или более лицами и совершение преступления должностным лицом, ответственным за соблюдение порядка использования государственных символов. Не вторгаясь в оценку этой части предписаний молдавского закона, отметим, что рецепция соответствующего опыта в российских условиях не представляется уместной по причине того, что, во-первых, групповые посягательства на символы государства не имеют достаточной степени распространенности; во-вторых, такие групповые преступления сами по себе не демонстрируют существенного перепада в общественной опасности, в тех же случаях, когда они сопрягаются с нарушением общественного порядка, всегда есть возможность учесть особенности группы при квалификации содеянного по правилам совокупности с преступлениями против общественной безопасности и общественного порядка; в-третьих, совершение незаконных действий в отношении государственных символов ответственными должностными лицами в судебной практике и не встречается и имеет иную мотивацию, которая позволяет оценивать соответствующие действия с позиций норм о должностных преступлениях.

Традиционными для уголовного законодательства стран Содружества являются преступления против официального документооборота. В части регламентации ответственности за незаконные действия, связанные с оборотом документов, печатей и штампов, при значительных совпадениях в признаках составов преступлений в уголовных кодексах стран СНГ проявляются и некоторые весьма заметные различия. Прежде всего существуют различия в определении предмета соответствующих преступлений. При том, что большая часть стран Содружества придерживается рекомендаций Модельного кодекса, законодатели Молдовы и Украины существенно расширили перечень документов, незаконные действия с которыми влекут уголовную ответственность. Если УК Молдовы просто исключил определение «официальный» для характеристики документов, то УК Украины прямо предусмотрел ответственность за похищение, уничтожение, повреждение или сокрытие частных документов, находящихся на предприятиях, в учреждениях либо организациях независимо от формы собственности. Такой подход, как представляется, отражает отмеченное выше широкое толкование признаков объекта преступлений против порядка управления.

Имеются отличия и в подходах к дифференциации ответственности за эти преступления. Как правило, уголовные кодексы стран СНГ не предусматривают квалифицирующих признаков для преступлений, связанных с нарушением оборота официальных документов. Но, например, уголовные кодексы Украины, Беларуси и Туркмении усиливают ответственность за незаконные действия с документами в случае, если они повлекли нарушение работы предприятия, учреждения либо организации или иные тяжкие последствия (ч. 2 ст. 357 УК Украины, ч. 2 ст. 377 УК Беларуси, ч. 2 ст. 217 УК Туркмении). В этих же странах законодатели дифференцировали ответственность за действия, совершенные в отношении особо важных документов, штампов, печатей.

В преломлении к потребностям совершенствования российского уголовного закона об ответственности за преступления, связанные с нарушением порядка официального документооборота, надо отметить, что оснований для рецепции иностранного опыта здесь также, на наш взгляд, не имеется.

Конструирование исследуемых составов по типу формальных с необходимостью предполагает, что в случае наступления тяжких последствий, содеянное, в зависимости от ситуации, может быть квалифицировано по иным статьям уголовного закона (например, в си-

туации, когда подделка документов выступает способом совершения иного преступления [16, с. 17]) или по совокупности с этими статьями. Наступление тяжких последствий может служить и обстоятельством, отягчающим уголовное наказание. Включение соответствующего квалифицирующего признака в статью, на наш взгляд, весьма затруднительно ввиду того, что сфера государственного и муниципального управления, а следовательно, и потенциальная сфера проявления общественно опасных последствий, крайне широка, это делает сам признак и недопустимо широким по содержанию, и неоправданно оценочным по форме, порождая неопределенность в правовом регулировании.

Что касается классификации документов на виды как основания дифференциации ответственности, то и здесь, как представляется, нет перспектив. Во-первых, такая классификация теоретически весьма уязвима (содержание управленческих отношений и авторитет власти в любом случае не зависят от того, по поводу каких именно документов – особой или не особой важности – создаются соответствующие отношения); во-вторых, если ее и проводить, она будет самым тесным образом связана с оценкой возможных последствий подделки документов различной степени важности*; в-третьих, эта градация порождает неоправданную конкуренцию с преступлениями против культурных ценностей**.

Продолжая сопоставительный анализ, обратим внимание на группу преступлений, которые состоят в непосредственном вмешательстве в работу субъекта управленческой деятельности. Таких деяний можно выделить несколько:

а) самовольное присвоение звания или власти должностного лица (ст. 311 Модельного кодекса для стран СНГ, ст. 390 УК Казахстана, ст. 382 УК Беларуси, ст. 353 УК Украины, ст. 317 УК Армении, ст. 343 УК Киргизии, ст. 351 УК Молдовы, ст. 220 УК Туркмении);

б) неповиновение (сопротивление) представителю власти, работнику правоохранительных органов или представителю общественности, выполняющему общественный долг (ст. 379 УК Казахстана, ст. 363 УК Беларуси, ст. 342 УК Украины, ст. 315 УК Азербайджана, ст. 219 УК Узбекистана);

в) вмешательство в деятельность сотрудников правоохранительного органа или представителей власти (ст. 365 УК Беларуси, ст. 343, 344 УК Украины, ст. 212² УК Туркмении), воспрепятствование деятельности некоторых органов власти (ст. 377, 381, 403 УК Казахстана, ст. 351, 351¹ УК Украины).

Самовольное присвоение власти должностного лица, которое вслед за Модельным УК практически все страны Содружества признают преступлением против порядка управления, по российскому праву, как известно, образует состав преступления против государственной власти и службы (ст. 288 УК РФ). Принципиальное и существенное отличие состоит в том, что субъектом преступления, по российскому закону, может выступать только государственный или муниципальный служащий, не являющийся должностным лицом. Ответственность частных лиц за присвоение звания и власти исключена (лишь в качестве отягчающего наказания обстоятельства пункт «н» ч. 1 ст. 63 УК РФ позволяет признать факт совершения преступления с использованием форменной одежды или документов представителя власти). Таким образом, можно констатировать, что УК РФ обнаруживает пробел в части криминализации присвоения звания и власти должностного лица частным лицом.

Обязательным криминообразующим признаком соответствующего состава преступления законодатели стран СНГ, как правило, признают последствия. В качестве таковых выступает совершение преступления (Молдова), совершение деяния, содержащего признаки административного правонарушения или преступления (Беларусь), совершение каких-либо общественно опасных действий (Украина, Киргизия, Туркмения), существенное нарушение прав и законных интересов физических или юридических лиц (Азербайджан). При этом некоторые авторы подчеркивают, что присвоение власти в целях совершения общественно полезных действий [13, с. 428], присвоение полномочий специалиста, не являющегося должностным лицом [7, с. 823], не образуют преступления, тогда как совершение какого-либо конкретного

* Украинские специалисты также пишут, что признание документов особенно важными зависит от многих обстоятельств: 1) важности тех или иных фактов, которые удостоверяются документами; 2) возможности их восстановления, а также расходов, которые с этим связаны; 3) материального ущерба от потери документов; 4) правовых последствий их потери [12, с. 14].

** Белорусские специалисты обоснованно предлагают разрешать ее в пользу специального состава, посвященного незаконным действиям с историко-культурными ценностями [9, с. 725].

преступления в связи с присвоенной властью или званием следует квалифицировать всегда по совокупности преступлений [8, с. 460].

В некоторых случаях состав присвоения власти формулируется как альтернативно-формальный, когда его обязательным признаком признаются иные характеристики деяния. Так, УК Беларуси признает преступным присвоение звания или власти в случае, когда оно сопровождалось участием лица на этом основании в переговорах или иных встречах с представителями иностранных государств, иностранных или международных организаций либо в заседаниях международных организаций. УК Казахстана содержит формальный состав присвоения звания в целях получения властных полномочий, при этом ответственность за его выполнение дифференцируется в зависимости от того, каков уровень присвоенных полномочий.

Анализ показывает, что в «чистом виде» присвоение звания или полномочий не может быть объективировано как опасное деяние. В науке отмечается, что присвоение звания и власти есть поведение, посредством которого лицо путем обмана выдает себя за представителя власти или иное должностное лицо [6, с. 809]. Но такой обман сам по себе не обладает опасностью, свойственной преступлению. Вся суть и опасность деяния состоит в последующих общественно опасных действиях виновного. Они же всегда требуют самостоятельной оценки, в том числе по правилам совокупности преступлений. В связи с этим позиция российского законодателя, который отказался от криминализации рассматриваемых действий, представляется обоснованной и заслуживающей поддержки.

Что касается преступлений, связанных с неповиновением или сопротивлением представителю власти, то, как правило, их обязательным признаком признается применение насилия. В то же время Казахстан демонстрирует опыт криминализации неповиновения законному требованию или распоряжению представителя власти (ст. 379), Узбекистан установил ответственность за оказание сопротивления, то есть активное противодействие правомерной деятельности представителя власти, исполняющего служебные обязанности, или лица, выполняющего гражданский долг (ст. 217), Беларусь – за сопротивление сотруднику органов внутренних дел или иному лицу при выполнении ими обязанностей по охране общественного порядка (ст. 363). Во всех этих составах насилие не является обязательным признаком деяния.

По российскому праву близкие по содержанию деяния образуют различные составы неповиновения как административного правонарушения (ст. 18.7, 19.3, 19.4, 20.1, 20.27 КоАП РФ). Проблема возможной криминализации таких действий, насколько мы можем судить, в последнее время в российской юридической печати специально не обсуждалась. В практике же правовой реформы Казахстана норма об ответственности за неповиновение представителю власти, устранившаяся из УК 1997 г., была восстановлена в Кодексе 2014 г.

В решении этого вопроса, как известно, необходимо с особенной тщательностью соблюдать определенный баланс между правом граждан на свободу, на защиту от административного принуждения, с одной стороны, и авторитетом органов власти и порядком управления – с другой. Думается, что опыт нормотворчества Республики Беларусь демонстрирует оптимальный вариант такого паритета. Пассивное неповиновение, отказ от исполнения законных требований представителей власти не могут рассматриваться как действия, потенциал опасности которых достаточен для признания их преступлениями. В связи с этим и в Беларуси, и в России соответствующие деяния справедливо охватываются административно-деликтным законодательством. Активное сопротивление, не связанное с применением насилия, заслуживает иной оценки. Принимая во внимание, что речь идет не просто о сопротивлении, а о сопротивлении деятельности по охране общественного порядка, надо признать, что соответствующий правовой запрет будет обладать двойным профилактическим эффектом, защищая как порядок управления, личность субъектов управления, так и общественный порядок. Поэтому норма об ответственности за сопротивление вполне может быть помещена в уголовный закон. Она будет служить необходимым дополнением ст. 318 УК РФ, обеспечивая защищенность порядка управления как такового «в чистом виде».

Еще больше оснований для рецепции опыта законодателей стран СНГ дает практика криминализации вмешательства в деятельность органов власти. В российском праве действия, связанные с воспрепятствованием деятельности органов власти и управления и вмешательством в такую деятельность, получают различную оценку: некоторые из них, связанные с воспрепятствованием правосудию, криминализированы (ст. 294, 315 УК РФ); за некоторые из них, связанные с вмешательством в деятельность уполномоченных по правам человека, установлена административная ответственность (ст. 17.2, 17.2.1, 17.2.2 КоАП РФ); отдельные виды вмешательства могут быть квалифицированы как иные преступления (посяательства на честь

и здоровье, коррупционные, должностные преступления и т. д.). В отсутствие нормы общего характера сфера криминализированных действий получается весьма ограниченной, а сами они в любом случае не признаются посягательствами на порядок управления.

В то же время в ст. 365 УК Беларуси устанавливается ответственность за воздействие на сотрудника органов внутренних дел в целях изменения характера его законной деятельности путем угрозы уничтожением или повреждением имущества либо распространением клеветнических или оглашением иных сведений, которые он желает сохранить в тайне, либо путем использования должностным лицом своих служебных полномочий. В аналогичном предписании ст. 343 УК Украины – за влияние в любой форме на работника правоохранительного органа или работника государственной исполнительной службы с целью воспрепятствовать выполнению им служебных обязанностей или добиться принятия незаконного решения, с усилением ответственности в случае, когда такие действия помешали предотвращению преступления или задержанию лица, его совершившего, либо совершены должностным лицом с использованием своего служебного положения.

В статье 381 УК Казахстана установлена ответственность за неисполнение актов прокурорского надзора, а равно воспрепятствование деятельности прокурора, если это повлекло причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства.

В статье 377 УК Казахстана установлено наказание за воспрепятствование деятельности Конституционного совета Республики Казахстан. Украинский законодатель предусмотрел более широкую норму – об ответственности за вмешательство (незаконное влияние в любой форме) в деятельность государственного деятеля (ст. 343 УК Украины), а также специальную статью об ответственности за невыполнение должностным лицом законных требований Счетной палаты, члена Счетной палаты, создание искусственных препятствий в их работе, предоставление им заведомо ложной информации (ст. 351¹ УК Украины).

Но, пожалуй, самый широкий подход демонстрируют ст. 212² УК Туркмении и ст. 403 УК Казахстана, которыми криминализированы такие деяния, как вмешательство в законную деятельность государственных органов и их должностных лиц или присвоение их полномочий членами общественных объединений, в том числе религиозных организаций, сопровождаемое применением насилия или угрозой его применения, а также создание организаций политических партий в государственных органах, если это привело к причинению существенного ущерба правам или законным интересам граждан или организаций или охраняемых законом интересам общества или государства.

Очевидно, что криминализация таких действий, как вмешательство в деятельность представителей власти и воспрепятствование ей, зависит от многих факторов, прежде всего внутривластного содержания. А потому формулировать в данной момент вывод о необходимости дополнения УК РФ соответствующей статьей только по итогам сравнительно-правового анализа было бы, пожалуй, преждевременно. Тем не менее, отметим, что к числу основных принципов построения и функционирования системы государственной службы отечественное право относит защиту государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность (как государственных органов и должностных лиц, так и физических и юридических лиц) [1; 2]. Этот принцип должен получить надлежащую поддержку в отраслевом, в том числе и уголовном законодательстве. В связи с этим идея криминализации незаконного вмешательства представляется весьма перспективной.

Литература

1. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
2. О системе государственной службы Российской Федерации: федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.
3. Кодекс города Москвы об административных правонарушениях: закон г. Москвы от 21 ноября 2007 г. № 45 (ред. от 25.05.2016) // Ведомости Московской городской Думы. 2008. № 12. Ст. 251.
4. Модельный Уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств. Рекомендательный законодательный акт: принят Постановлением Межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 г. URL: <http://iacis.ru/upload/iblock/753/019.pdf> (дата обращения: 25.10.2016).
5. Егиазарян Н. А. Преступления против порядка управления в уголовном праве Армении и России (сравнительно-правовое исследование). М.: Контракт, 2013.

6. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. Общая и Особенная части / под общ. ред. И. Ш. Борчасвили. 2-е изд. Алматы: Жеті жарғы, 2007.
7. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. Минск: ГИУСТ БГУ, 2007.
8. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовному кодексу Туркменистана: постатейный / под общ. ред. А. В. Смирнова. Ашхабад: Центр ОБСЕ в Ашхабаде, 2013.
9. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть: учеб. пособие / под общ. ред. А. И. Лукашова. Минск: Изд-во Гревцова, 2009.
10. Уголовное право Республики Узбекистан: альбом схем. Ташкент: Академия управления МВД Республики Узбекистан, 2014.
11. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо посилення гарантій законної професійної діяльності журналістів: закон України від 14 травня 2015 р. № 421-VIII // Відомості Верховної Ради (ВВР). 2015. № 29. Ст. 264. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/421-19/paran8#n8> (дата обращения: 26.10.2016).
12. Дзюба Ю. П. Кримінальна відповідальність за викрадення, привласнення, вимагання документів, штампів, печаток, заволодіння ними шляхом шахрайства чи зловживання службовим становищем або їх пошкодження (аналіз складу злочину): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харків, 2008.
13. Коржанський М. И. Кримінальне право України. Особлива частина. К.: Генеза, 1998.
14. Кримінальне право України: Особлива частина: підручник / М. І. Бажанов, Ю. В. Баулін, В. І. Борисов та ін.; за ред. проф. М. І. Бажанова, В. В. Сташиса, В. Я. Тація. 2-е вид., перероб. і доп. К.: Юрінком Інтер, 2005. (на укр. яз.). URL: <http://forlawyer.com.ua/knigi/ugolovnoe-pravo-ukrainy-osobennaya-chast/2607-rozdl-xv-zlochini-proti-avtoritetu-organv-derzhavnoyi-vladi.html> (дата обращения: 26.10.2016).
15. Тимошенко Н. О. Наукові підходи до визначення родового об'єкту злочинів, передбачених у розділі XV Особливої частини Кримінального кодексу України // Часопис Академії адвокатури України. 2011. № 3.
16. Фіалка М. И. Кримінально-правова охорона документообігу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Запоріжжя, 2010.

УДК 343.811

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И ВЫБОР ТИПА ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ОСУЖДЕННЫМ ЖЕНЩИНАМ

Артем Валерьевич Степенко, доцент кафедры Юридического института Тихоокеанского государственного университета, кандидат юридических наук

E-mail: sonata.5@mail.ru

В статье рассматриваются данные по совершению преступлений женщинами. На примере статистики уголовных деяний, совершенных по незаконному обналичиванию средств материнского семейного капитала, а также тяжких преступлений на территории Хабаровского края автором делается предположение о возможности отбывания наказания осужденными женщинами в исправительных учреждениях с более строгим режимом содержания.

Ключевые слова: виды исправительных учреждений; осужденные женщины; условия содержания; умышленные преступления; колонии общего режима.

CONTEMPORARY TRENDS IN FEMALE CRIME AND THE CHOICE OF THE CORRECTIONAL INSTITUTION IN IMPOSING THE PENALTY OF IMPRISONMENT FOR IMPRISONED WOMEN

Artem Valeryevich Stepenko, chair associate professor of the Law Institute of Pacific National University, *kandidat nauk*, degree in Law

This article discusses the data on crime in women. For example, the statistics on criminal acts committed by the illegal cashing of means maternal family capital in the territory of Khabarovsk krai, the author suggests the possibility of women types of institutions with more severe custodial regime.

Keywords: types of correctional officers; convicted women; conditions of detention; premeditated crimes; penal colony.

В разные периоды общественного развития человечества становление, формирование и развитие женской преступности представляло собой достаточно гибкую систему, в основе которой лежат изменения социального порядка, места и роли женщины в общественном устройстве. При этом следует согласиться с Ш. У. Степанян в том, что нельзя оставлять без внимания то, что женская преступность отражает общие закономерности преступности и ее изменения [10, с. 27]. Исследователи состояния женской преступности в России свидетельствуют об общих закономерностях и тенденциях, сложившихся в России к концу прошлого века и продолжающих существовать в настоящее время [2, с. 391; 6, с. 43; 8, с. 29; 10, с. 27–33]. В условиях современной сложной экономической ситуации, социальных преобразований, гуманизации отдельных положений действующего уголовного законодательства в отношении лиц женского пола, совершивших преступления, возникает когнитивный диссонанс, оказывающий значительное влияние на состояние женской преступности в России.

Анализ статистических данных показывает, что сегодня происходит трансформация структуры женской преступности. Согласно исследованиям, проведенным Е. Н. Казаковой, «все больше женщин осуждаются за тяжкие и особо тяжкие преступления, не связанные с семейно-бытовыми конфликтами, за участие в террористических актах и преступлениях, совершаемых с применением оружия» [4, с. 162]. Кроме того, растет уровень рецидива среди женщин, освободившихся из мест лишения свободы [5, с. 14]. Поиск возможных путей решения указанных проблем привел нас к выводу о необходимости корректировки действующего уголовного законодательства, не позволяющего изменять вид исправительного учреждения с более строгим режимом содержания для женщин, совершающих особо тяжкие преступления.

Детальное изучение п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ «Назначение осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения» показывает, что все виды исправительных учреждений применяются только к мужчинам. Отбывание лишения свободы назначается:

а) лицам, осужденным за преступления, совершенные по неосторожности, а также лицам, осужденным к лишению свободы за совершение умышленных преступлений небольшой и средней тяжести, ранее не отбывавшим лишение свободы, – в колониях-поселениях. С учетом обстоятельств совершения преступления и личности виновного суд может назначить указанным лицам отбывание наказания в исправительных колониях общего режима с указанием мотивов принятого решения;

б) мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, ранее не отбывавшим лишение свободы, а также женщинам, осужденным к лишению свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе при любом виде рецидива, – в исправительных колониях общего режима.

Таким образом, согласно ст. 58 УК РФ и п. 4 ст. 74 УИК РФ, вне зависимости от характера и степени общественной опасности деяния, тяжести совершенного женщиной преступления, наличия в ее действиях опасного рецидива и других отягчающих обстоятельств, самое строгое исправительное учреждение, в котором отбывают лишение свободы осужденные женщины, – это колония общего режима. Возникает закономерный вопрос: не является ли реализация принципа гуманизма (ст. 7 УК РФ), применительно к выбору места отбывания наказания для осужденных женщин, фактором, мешающим исполнению целей наказания, определенных в ст. 43 УК РФ? Безусловно, при снижении уровня женской преступности, при положительной динамике ее структуры реализация гуманистических положений уголовного закона оправдана, однако в настоящее время ситуация представляется более сложной.

Так, согласно данным УМВД России по Хабаровскому краю, женская преступность в 2016 г. выросла на 4 % по сравнению с 2015 г., так же, как и преступность в целом. Лицами женского пола в основном совершаются преступления небольшой и средней тяжести*, в частности, «предприимчивые» женщины активно используют схему незаконного обналичивания государственных сертификатов материнского (семейного) капитала путем заключения мнимых сделок на приобретение жилья. В ходе проведения оперативных мероприятий установлено, что подобным образом было незаконно обналичено более 30 государственных сертификатов материнского семейного капитала на сумму свыше 12 млн руб.

* URL: <http://www.mvd27.ru/novosti-mvd-habarovskogo-kraja> (дата обращения: 20.08.2016).

В феврале 2015 г. уголовные дела в отношении лиц (более 30) – обладателей государственных сертификатов материнского капитала направлены в суд. Им предъявлено обвинение по ч. 3 ст. 159.2 УК РФ. Максимальное наказание, предусмотренное законодательством за совершение данного преступления, – до 5 лет лишения свободы. Организаторам незаконной схемы по обналичиванию семейного капитала предъявлено обвинение по ч. 4 ст. 159.2 УК РФ, максимальное наказание по которой – лишение свободы на срок до 10 лет. Всего же за 2014–2015 гг. по данным деяниям осуждено около восьмидесяти человек*.

По данным Следственного управления Следственного комитета РФ по Хабаровскому краю, в числе деяний, совершенных женщинами, есть и тяжкие преступления, такие как умышленные убийства и причинение тяжкого вреда здоровью**. Причем некоторые из этих деяний совершаются повторно. Часто это происходит на фоне конфликтов в бытовых и семейных отношениях, а жертвами становятся, как правило, сожители, мужья, редко родственники или соседи. Число представительниц слабого пола, приговоренных за причинение тяжкого вреда здоровью, убийство и покушения на убийства, составляет по 1 % от общего числа преступлений, совершенных женщинами [2]. В общем числе преступников доля убийц-женщин – 10–12 %, среди нанесших тяжкие телесные повреждения – от 5 до 7 % [7].

Преступность женщин в Российской Федерации прежде всего связана с рядом факторов, таких как: обязательность непосредственного участия женщин в общественной производственной сфере, все более ослабевающее значение семьи, напряженность, возникающая в общественной жизни, порождающая конфликты и агрессивное поведение, всплеск таких негативных явлений, как попрошайничество, алкоголизм, бродяжничество, наркомания, проституция [9, с. 125].

Судебной практике известны случаи жестоких убийств, совершаемых несовершеннолетними девочками 14–15 лет. «Возможно, приведенные факты вызовут удивление, – пишет К. Ф. Зыкова, – но, согласно материалам личных дел, среди осужденных за убийство несовершеннолетних отбывают наказание девушки, в одиночку убившие одного или нескольких взрослых, физически здоровых мужчин – как с использованием ножа, так и без применения какого-либо оружия» [3, с. 18]. Возрастные показатели наибольшего количества преступниц женского пола переходят 35-летний рубеж. Увеличивающаяся тенденция женской преступности, в большей степени в последнем десятилетии, отмечена в возрастных группах 25–29 лет и 18–24 года [10, с. 29].

Таким образом, в качестве основных тенденций состояния и развития женской преступности можно выделить: значительное увеличение в структуре женской преступности количества тяжких преступлений; рост уровня рецидива. Еще одной негативной, на наш взгляд, тенденцией является выравнивание удельного веса мужчин и женщин, совершивших тяжкие насильственные преступления, – 4,1 и 3,8 % [1, с. 38].

Эти выводы подтверждаются анализом статистики. Так, по данным Управления Судебного департамента в Хабаровском крае, за период с 2010 по 2016 г. в среднем каждое двенадцатое преступление, рассматриваемое судами первой инстанции, совершено женщиной***.

Год	Количество дел, поступивших в суды первой инстанции Хабаровского края	Количество преступлений, совершенных женщинами по делам, поступившим в суды первой инстанции Хабаровского края	Количество женщин, осужденных судами первой инстанции Хабаровского края (%)
2010	9 217	1 296	14,06
2011	7 809	1 041	13,33
2012	7 947	880	11,07
2013	8 245	782	9,48

* URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1434302/> (дата обращения: 29.08.2016).

** URL: <http://khabkray.sledcom.ru/news> (дата обращения: 11.09.2016).

*** URL: <http://usd.hbr.sudrf.ru/modules.php?name=stat&id=470> (дата обращения: 29.07.2016).

Год	Количество дел, поступивших в суды первой инстанции Хабаровского края	Количество преступлений, совершенных женщинами по делам, поступившим в суды первой инстанции Хабаровского края	Количество женщин, осужденных судами первой инстанции Хабаровского края (%)
2014	7 879	921	11,68
2015	6 141	804	13,09
2016	7 185	764	10,63
Итого	54 423	6 488	11,92

По данным исправительной колонии № 12 Хабаровского края, за период с 2005 по 2015 г. одна из пяти женщин, освобожденных по истечении срока наказания, возвращается в колонию примерно через шесть месяцев. Наибольшее количество «возвращений» выпадает на осень и зиму, так как условия, созданные в колонии, гораздо лучше, чем нелегкая жизнь на свободе: после освобождения необходимо трудиться, чтобы заработать на жизнь, у многих нет жилья и надо его найти и т. д.

После корректировки российского уголовного законодательства, связанной с гуманизацией наказаний осужденных женщин, прошло более 10 лет. Тем не менее, сайты с официальной статистикой свидетельствуют, что уровень женской преступности по-прежнему остается высоким и вызывает озабоченность общественности. Кроме того, отсутствие возможности в зависимости от тяжести совершенного преступления корректировать режим отбывания наказания не позволяет достигать целей наказания и влечет увеличение рецидива среди осужденных женского пола.

Учитывая вышеизложенное, представляется целесообразным внесение изменений в действующее уголовное законодательство. В частности, пункт «в» ч. 1 ст. 58 УК РФ «Назначение осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения» считаем возможным изложить в следующей редакции: «Мужчинам, женщинам, осужденным к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений, ранее не отбывавшим лишение свободы, а также при рецидиве или опасном рецидиве преступлений, если осужденный ранее отбывал лишение свободы, – в исправительных колониях строгого режима».

Пункт 5 ст. 74 УИК РФ «Виды исправительных учреждений» изложить в следующей редакции: «В исправительных колониях строгого режима отбывают наказание мужчины, женщины, впервые осужденные к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений; при рецидиве преступлений и опасном рецидиве преступлений, если осужденный ранее отбывал лишение свободы».

Литература

1. Абызова Е. Р. К вопросу о современном состоянии женской преступности // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2006. № 10.
2. Богунова Г. В. Криминологическая характеристика женской преступности // Ученые заметки ТОГУ. 2014. № 4.
3. Зыкова К. Ф. Несовершеннолетние осужденные женского пола, совершившие насильственные преступления, и проблемы их психологической коррекции // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 4.
4. Казакова Е. Н. Реализация уголовно-правовых принципов при применении и назначении пожизненного лишения свободы // Современное право. 2008. № 9.
5. Карпушина М. В. Рецидивная преступность женщин, освободившихся из мест лишения свободы, и ее предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2013.
6. Лелеков В. А., Урусова Т. В. Социально-экономические детерминанты женской преступности против семьи и несовершеннолетних // Российский следователь. 2016. № 3.
7. Осипян Н. Б. К вопросу об особенностях женской преступности: статья // Психология и право. 2011. № 2.
8. Синьков Д. В. Некоторые социально-экономические детерминанты женской преступности // Российский следователь. 2009. № 18.

9. Соловьева Н. А. Выученная беспомощность женщин в структуре криминалистической характеристики насильственных преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. № 2 (17).
10. Степанянц Ш. У. Современная женская преступность в России и пути ее предупреждения // Российский следователь. 2011. № 8.

УДК 343.353.13

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕВЫШЕНИЯ СОТРУДНИКАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

Михаил Владимирович Колесников, начальник курса Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: km79@list.ru

В статье рассмотрены отдельные особенности превышения должностных полномочий сотрудниками правоохранительных органов при исполнении ими должностных обязанностей. Автором исследованы материалы судебной практики, анализ которых позволил выявить наиболее сложные вопросы квалификации таких преступлений. В статье дана критическая оценка определению судами существенности вреда, причиненного правам и законным интересам граждан.

Ключевые слова: квалификация преступлений; превышение должностных полномочий; правоохранительная деятельность; сотрудник правоохранительного органа; причинение существенного вреда.

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF EXCEEDING OFFICIAL AUTHORITY BY LAW ENFORCEMENT OFFICIALS

Mikhail Vladimirovich Kolesnikov, head of course of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article deals with some peculiarities of abuse of power by law enforcement officials in the performance of official duties. The author studied the materials of judicial practice, the analysis of which revealed the most complex questions of qualification of such crimes. The article gives a critical assessment of the materiality determination by the courts of the harm caused to the rights and legitimate interests of citizens.

Keywords: qualification of crimes; abuse of authority; law enforcement; law enforcement officer; causing significant damage.

В правовом государстве значение правоохранительной деятельности исключительно велико, поэтому факты изобличения сотрудников правоохранительных органов в совершении преступлений получают высокий общественный резонанс. Особо негативным он становится, если содеянное образует превышение должностных полномочий, уголовная ответственность за которое предусмотрена ст. 286 УК РФ. Превышение должностных полномочий справедливо признается одним из наиболее распространенных и опасных преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления [6, с. 4]. При совершении данного преступления дискредитируется правоохранительная деятельность, умаляется авторитет правоохранительных органов, уничтожается доверие к ним со стороны гражданского общества. В связи с этим исследование особенностей квалификации превышения сотрудниками правоохранительных органов должностных полномочий представляет научно-практический интерес.

Следует отметить, что в Уголовном кодексе РФ дефиниция «сотрудник правоохранительного органа» не получила подробного описания. Она использована в ст. 317 УК РФ при характеристике потерпевшего, которому причиняется вред при исполнении им служебных обязанностей. В положениях ст. 286 УК РФ законодатель использовал более широкое понятие – «должностное лицо», не раскрывая подробно особенностей служебной деятельности, в ходе которой превышаются предоставленные законом полномочия. Этот подход следует признать правильным, поскольку государственная служба в России законодательно разделена на несколько видов, и правоохра-

нительная деятельность связана только с одним из них [2]. Более того, в действующей редакции Федерального закона «О системе государственной службы» законодатель отказался от самостоятельной категории «правоохранительная служба», отнеся ее к государственной службе иных видов.

Вместе с тем, на практике превышение должностных полномочий сотрудниками правоохранительных органов характеризуется устойчивостью и распространенностью и совершается в разы чаще, нежели иными должностными лицами. Нами были изучены материалы уголовных дел о превышении должностных полномочий, рассмотренные районными судами Омской, Новосибирской и Кемеровской областей за период 2010–2015 гг. До 92 % осужденных по ним лиц являлись сотрудниками правоохранительных органов (чаще всего – органов внутренних дел, учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания). Уголовное преследование за превышение должностных полномочий должностных лиц иных категорий носило в целом единичный характер (например, приговором Куйбышевского районного суда г. Омска по ч. 1 ст. 286 УК РФ был осужден директор образовательного учреждения, признанный виновным в трех эпизодах фальсификации результатов единого государственного экзамена*). Высокую долю сотрудников правоохранительных органов в общем числе осужденных за превышение должностных полномочий можно, как представляется, объяснить тем, что их служебная деятельность носит публичный характер, о совершенном преступлении становится известно достаточно широкому кругу лиц (так, по изученным уголовным делам количество свидетелей, допрошенных в судебном заседании, составило от 40 до 68 человек), а выявление фактов совершения незаконных действий при исполнении служебных обязанностей приобрело в современный период достаточно высокие темпы и эффективность. Так, с провозглашением принципами деятельности полиции открытости, публичности, общественной поддержки и доверия граждан [1] в деятельности органов внутренних дел произошел переход к сотрудничеству с гражданским обществом. При таких обстоятельствах правильное реагирование на каждый факт превышения должностных полномочий и иных противоправных действий становится условием дальнейшего развития сотрудничества и укрепления общественного доверия.

Вместе с тем, квалификация превышения сотрудниками правоохранительных органов должностных полномочий вызывает отдельные затруднения. При изучении материалов уголовных дел нами выявлены отдельные противоречия и отсутствие единообразия. Между тем в действующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ вопросы квалификации превышения должностных полномочий раскрыты, как представляется, достаточно полно [3]. Используя разработанное в теории уголовного права определение квалификации преступления как установление соответствия конкретного деяния признакам конкретного состава преступления [7, с. 4], надлежащей правовой оценки содеянного [9, с. 6–7] и ее процессуального закрепления в материалах уголовного дела [6, с. 16–27], необходимо отметить следующее.

Совершенно справедливым представляется утверждение о том, что необходимым условием ответственности за превышение должностных полномочий является связь между содеянным виновным лицом и его обязанностями по службе [4, с. 19–24]. При квалификации совершенного сотрудником правоохранительного органа превышения должностных полномочий суды обращают внимание на два обстоятельства.

Первым из них является совокупность правовых норм, регламентирующих порядок исполнения лицом должностных обязанностей. Исследуя ее, суд выстраивает иерархию этих норм, подвергая анализу положения федеральных законов, ведомственных нормативных правовых актов, а также должностных инструкций, которыми подсудимые обязаны руководствоваться в служебной деятельности. Так, осуждая за превышение должностных полномочий старшего участкового уполномоченного полиции, суд сослался на положения ст. 21 Конституции РФ, ст. 12 Федерального закона «О полиции» и на должностную инструкцию подсудимого, в соответствии с которой на него была возложена обязанность не допускать злоупотребления полномочиями, связанными со службой в органах внутренних дел. Подсудимый был признан виновным в том, что, находясь в коридоре участкового пункта полиции, нанес гражданину несколько ударов в область груди и головы, причинив физическую боль и нравственные страдания. При этом суд подверг критической оценке показания подсудимого в части того, что потерпевший нанес себе телесные повреждения самостоятельно. Более того, в приговоре было указано, что преступные действия совершены при исполнении служебных обязанностей и вопреки установленному порядку осуществления полномочий представителя власти**.

* Уголовное дело № 1–274/2012 // Архив Куйбышевского районного суда г. Омска.

** Уголовное дело № 1–387/2012 // Архив Куйбышевского районного суда г. Омска.

Вторым обстоятельством выступает понимание подсудимым явности выхода совершенных действий за пределы предоставленных должностных полномочий. Правильная квалификация содеянного – превышение должностных полномочий – подразумевает, исходя из диспозиции ст. 286 УК РФ, установление его явного, очевидного несоответствия установленному порядку их исполнения. Основываясь на этом, Пленум Верховного Суда РФ, как известно, выделил три типичные ситуации превышения должностных полномочий. При совершении данного преступления сотрудниками правоохранительных органов эти ситуации приобретают некоторые особенности.

Например, оценивая содеянное как превышение должностных полномочий, совершенное с применением насилия, суд указал следующее. Подсудимый состоял в должности оперативного уполномоченного уголовного розыска. В нарушение ст. 5 Федерального закона «О полиции», в соответствии с которой сотрудникам полиции запрещается прибегать к пыткам, насилию, другому унижающему достоинство человека обращению, он применил физическую силу в отношении лица, проверяемого на причастность к совершению разбойного нападения, нанеся ему несколько ударов, причинивших телесные повреждения. Согласно позиции суда, явность выхода совершаемых действий за пределы должностных полномочий состояла в осведомленности подсудимого о недопустимости применения пыток и насилия, в отсутствии в момент применения физической силы оснований для этого (потерпевший был доставлен в отдел полиции, находился в служебном кабинете, противоправных действий не совершал). Кроме того, в приговоре указано, что подсудимым осознавалось и то обстоятельство, что в действительности указанный гражданин в совершении преступления участия не принимал*. Иными словами, физическая сила применялась не только незаконно, но и с пониманием того обстоятельства, что гражданин таким образом понуждается к самооговору. Как представляется, осознание факта самооговора должно рассматриваться в таких случаях как наиболее яркая иллюстрация явности выхода содеянного за пределы должностных полномочий.

Явность выхода за пределы предоставленных законом полномочий подчеркивается и тем, что преступные действия совершаются беспричинно, не в связи с какими-то конкретными особенностями противоправного поведения потерпевшего. Это иллюстрирует особо опасный вид должностного произвола, когда виновный в своих действиях руководствуется представлениями о вседозволенности и полностью игнорирует не только нормативные, но и этические принципы служебного поведения. Так, двое сотрудников батальона полиции в ночное время при отсутствии каких бы то ни было оснований причинили телесные повреждения пенсионеру. Поводом для совершения преступления стало, скорее всего, замечание, сделанное потерпевшим относительно того, что один из подсудимых бросил окурок на газон**. В другом случае двое потерпевших, доставленные в вытрезвитель, были избиты и фиксировались на кроватях с применением запрещенных методов удержания***.

Однако проявления произвола и элементов вседозволенности не всегда свидетельствуют о превышении должностных полномочий.

Так, подсудимый, являясь начальником исправительной колонии, своим устным распоряжением привлек сотрудников ИК, состоящих с ним в отношениях служебной подчиненности, к выполнению вместо должностных обязанностей ремонта в его доме. В этих же целях им был использован труд нескольких осужденных****. Как представляется, направление подчиненных с места исполнения служебных обязанностей и привлечение их к ремонтным работам, а также использование в личных целях труда осужденных характеризуется очевидной противоправностью. Однако суд счел нужным переqualифицировать содеянное на ч. 1 ст. 285 УК РФ, справедливо указав, что подсудимый использовал предоставленные ему полномочия по определению порядка несения службы подчиненными и порядка отбывания наказания осужденными, имея при этом корыстную заинтересованность (ремонтные работы им не оплачивались). Эти действия не вызывались служебной необходимостью. Сам подсудимый пояснил, что полагал свои действия злоупотреблением должностным положением (дисциплинарным проступком). Как видно, в данном случае квалификация содеянного как превышение должностных полномочий была неверной, основывалась на том, что подсудимый отдавал незаконные распоряжения, использовал бесплатный труд. Однако органы следствия не учли того обстоятельства, что подсудимым использовались предоставленные ему законом полномочия вопреки интересам службы и из корыстной заинтересованности.

* Уголовное дело № 1–92/2012 // Архив Ленинского районного суда г. Кемерово.

** Уголовное дело № 1–71/2016 // Архив Калининского районного суда г. Новосибирска.

*** Уголовное дело № 1–83/2010 // Архив Центрального районного суда г. Омска.

**** Уголовное дело № 1–62/2015 // Архив Октябрьского районного суда г. Омска.

Далее, одним из обстоятельств, осложняющих квалификацию превышения должностных полномочий сотрудниками правоохранительных органов, является установление взаимоотношений между виновным и потерпевшим. В силу особенностей служебной деятельности сотрудники правоохранительных органов работают в контакте с гражданами. При этом обстоятельства взаимодействия, предшествующего совершению преступления, приобретают конфликтный характер.

Так, приговором суда осужден к лишению свободы по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ участник уполномоченный, признанный виновным в применении физической силы к двум гражданам. В судебном заседании один из потерпевших заявил о дружеских отношениях с подсудимым, а сам подсудимый признал нанесение потерпевшему ударов, но не как сотрудником полиции, а как товарищем. Суд учел то обстоятельство, что применение насилия обстановкой и поведением потерпевшего не вызывалось, и это суждение имело объективное подтверждение (в материалах дела присутствовала видеозапись происшедшего). В момент совершения преступления другие лица не присутствовали, факт знакомства и внеслужебных контактов потерпевшего и подсудимого подтверждение получил. Однако в связи с тем, что преступление было совершено при исполнении должностных обязанностей, судом был исследован диалог между ними, из которого следовало, что потерпевший общается с подсудимым как с сотрудником полиции, а не как с другом. Из этого следует, что имел место не личный конфликт, а противоправные действия, сопряженные с превышением должностных полномочий*.

Интересно, что в аналогичной ситуации был вынесен оправдательный приговор, поскольку стороной обвинения не были опровергнуты доводы защиты подсудимого о том, что потерпевший нанес себе телесные повреждения самостоятельно, разбив голову об стол. В момент совершения указанных действий в служебном кабинете находились только подсудимый и потерпевший, представившие разные версии происшедшего. При этом судом было исследовано заключение эксперта, в котором содержался вывод о том, что нанесение самоповреждений не исключается. Суд учел и то обстоятельство, что имелись основания для оговора подсудимого, поскольку он изобличал потерпевшего в совершении тяжкого преступления**. В данной ситуации за подсудимым было признано право на реабилитацию, и его взаимоотношения с потерпевшим получили надлежащую правовую оценку.

Еще одной проблемой квалификации превышения должностных полномочий сотрудниками правоохранительных органов является установление существенности нарушения прав и свобод граждан и организаций, законных интересов общества и государства. Действительность нарушения и признание его существенным обоснованно признаются необходимыми элементами процесса квалификации превышения должностных полномочий [8, с. 14–16]. Как представляется, нарушение должно признаваться существенным во всех случаях, когда оно затронуло конституционные права и свободы граждан, было сопряжено с причинением вреда их здоровью или жизни, привело к нестабильной работе организации или к прекращению ее работы. В отношении существенности нарушения охраняемых интересов общества и государства вывод может быть сделан во взаимосвязи с целями и задачами деятельности государственных органов, конституционным закреплением ценности отдельных общественных институтов, а равно с демонстративным противопоставлением должностным лицом своих действий общепринятым правилам поведения.

Так, приговором суда осужден старший оперуполномоченный, укрывший от учета тяжкое преступление. Существенность нарушения законных интересов общества и государства была обоснованно усмотрена судом в том, что действиями подсудимого были нарушены основные принципы деятельности правоохранительных органов, снижена степень защищенности общества от преступлений***. В другом случае, также вынесен обвинительный приговор, суд исходил из того, что доставление в дежурную часть отдела полиции и применение насилия к лицу, не участвующему в совершении преступления, нарушили права потерпевшего на свободу и личную неприкосновенность. Однако за рамками правовой оценки осталось то обстоятельство, что на основании признания лица в причастности к совершению преступления в отношении его было возбуждено уголовное дело и избрана мера пресечения в виде заключения под стражу****. Это не получило в приговоре никакой оценки, хотя, очевидно, такие

* Уголовное дело № 1–111/2016 // Архив Советского районного суда г. Омска.

** Уголовное дело № 1–281/2012 // Архив Октябрьского районного суда г. Омска.

*** Уголовное дело № 1–160/2015 // Архив Первомайского районного суда г. Омска.

**** Уголовное дело № 1–21/2011 // Архив Куйбышевского районного суда г. Омска.

случаи подрывают уверенность в добросовестности, объективности исполнения служебных обязанностей, создают условия для произвола в отношении лиц, не причастных к совершению преступлений.

В заключение необходимо отметить, что уголовная ответственность за превышение должностных полномочий выступает одним из средств обеспечения надлежащего исполнения служебных обязанностей лицами, занимающими должности на государственной службе, а также лицами, занимающими государственные должности Российской Федерации или субъектов Российской Федерации, главами органов местного самоуправления. Вследствие этого дискредитируется авторитет государственной власти, разрушаются правовые основы государственного управления и негативно изменяются принципы организации государственного аппарата и взаимодействия отдельных его частей. В связи с этим каждый факт превышения должностных полномочий сотрудниками правоохранительных органов должен получать принципиальную правовую оценку. Выявленные проблемы квалификации превышения должностных полномочий могут быть устранены посредством издания Президиумом Верховного Суда РФ обзора судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 286 УК РФ и совершенных сотрудниками правоохранительных органов. Ценность такого обзора заключается в том, что такие преступления часто совершаются с применением насилия, отражают особенности извращенного представления о надлежащем порядке исполнения служебных обязанностей и причиняют ущерб правам и законным интересам граждан, организаций, общества и государства в узко определенной сфере деятельности.

Литература

1. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Российская газета. 2011. 8 февраля.
2. О системе государственной службы Российской Федерации: федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ // Российская газета. 2003. 31 мая.
3. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 // Российская газета. 2009. 30 октября.
4. Борков В. Н. Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 285 и 286 УК РФ // Уголовное право. 2008. № 3.
5. Бурлаков А. В. Превышение должностных полномочий сотрудниками правоохранительных органов: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
6. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2010.
7. Герцензон А. А. Квалификация преступлений. М., 1947.
8. Каплин М. Н., Бражник С. Д. Существенный вред как признак превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 1.
9. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972.

УДК 349.6:343.214

ОСОБО ЦЕННЫЕ ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ КАК ПРЕДМЕТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Дмитрий Михайлович Гусаренко, аспирант Хабаровского государственного университета экономики и права

E-mail: damirr4212@mail.ru

В статье рассматриваются законодательная конструкция и содержание понятия «особо ценные дикие животные». Отдельное внимание уделено проблемам квалификации посягательств на указанных животных, находящихся в неприродном состоянии, исключения водных растений из предмета преступления, предусмотренного ст. 258.1 УК РФ, а также отсутствия научного и легального определения критериев особой ценности диких животных. Автор приходит к выводу о несовершенстве нормы уголовного законодательства и вносит предложения по ее оптимизации.

Ключевые слова: дикие животные; водные растения; охотничьи ресурсы; критерии особой ценности; квалификация посягательств; природно-ценностный подход; международно-правовая охрана.

PARTICULARLY VALUABLE WILD ANIMALS AS A SUBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION

Dmitry Mikhaylovich Gusarenko, post graduate of the Khabarovsk State University of Economics and Law

The article discusses the legislative structure and content of concepts «particularly valuable wild animals». Special attention is paid to the problems of qualification of attacks on these animals in unnatural state, the exclusion of aquatic plants from the subject of criminal law protection of article 258.1 of the criminal code of the Russian Federation, as well as the lack of scientific and legal definition of the criteria of particularly valuable wild animals. The author comes to the conclusion about the imperfection of the norms of criminal legislation and makes proposals for its optimization.

Keywords: wild animals; aquatic plants; hunting resources; special criteria values; skills attacks; natural-value approach; international legal protection.

В условиях неблагоприятной экологической ситуации и интенсивного антропогенного воздействия на природную среду проблема сохранения и восстановления объектов животного мира особенно сложна в своем разрешении. Причина этому – совокупность различных факторов, среди них особо выделяется браконьерство*. Отметим, что наибольший ущерб от него наносится редким и исчезающим диким животным, а в значительной степени – особо ценным из них. В современных условиях браконьерство уже не является индивидуально-бытовым, а приобрело характер организованной преступной деятельности, цель которой – получение коммерческой выгоды. Необходимость борьбы с ним очевидна, как очевидно и то, что она должна быть наступательной и осуществляться не только социальными мерами, но и посредством уголовной репрессии.

В 2013 г. Уголовный кодекс РФ был дополнен ст. 258.1, призванной охранять особо ценных диких животных от преступных посягательств. Однако названная норма не лишена некоторых изъянов, требующих корректировки.

Первое, на что необходимо обратить внимание, это проблема законодательной конструкции и содержания ст. 258.1 УК РФ.

С точки зрения Э. Н. Жевлакова, законодательные конструкции и содержание ст. 226.1 и 258.1 УК РФ очень «сырые», не согласованы с другими статьями УК РФ об ответственности за экологические преступления и сходными статьями КоАП РФ, ущербны с этимологических, экологических позиций, и их применение на практике вызывает большие трудности [8, с. 26].

Согласимся с ученым, ведь даже при поверхностном анализе рассматриваемой нормы обнаруживаются недостатки законодательного формулирования ее названия и диспозиции. Остановимся на данном вопросе подробнее.

Как известно, понятия как способ отражения действительности выражают существенные стороны и признаки изучаемых предметов (явлений). В связи с этим В. П. Кохановский отмечает, что «понятия должны быть гибки и подвижны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, чтобы верно отразить реальную диалектику (развитие) объективного мира». Он же уточняет, что «всякое понятие отражает сущность предмета...» [9, с. 79].

В контексте нашего исследования особое значение понятия приобретает в случае закрепления последних в уголовном законе, так как с их помощью фиксируются форма и содержание уголовно-правового запрета. А. И. Коробеев справедливо отмечает, что эффективность нормы не в последнюю очередь зависит от четкости и емкости ее языкового выражения [12, с. 113]. Из этого следует, что понятия, используемые при законодательном формулировании уголовно-правового запрета, должны максимально точно отражать существенные признаки запрещаемого деяния. Несоблюдение этого правила неизбежно влечет неоднозначное понимание правового смысла нормы, его искажение, незащищенность отдельных правоотношений и др.

В связи с этим в первую очередь нами ставится задача проанализировать содержание таких собирательных понятий, как «особо ценные дикие животные» и «водные биологические ресурсы», что позволит, на наш взгляд, выявить недостатки ст. 258.1 УК РФ и выразить свои суждения по ним.

* В данной статье под браконьерством нами понимаются преступные посягательства на объекты дикой фауны, за которые предусмотрена уголовная ответственность в соответствии со ст. 256, 258, 258.1 УК РФ.

В толковом словаре русского языка слово «особо» определяется как наречие. Наречие – это неизменная часть речи, обозначающая признак действия, качества или предмета. Слово «особо» происходит от имени прилагательного «особый», которое имеет следующее значение: не похожий на других, не такой, как все, необычный, особенный. Слово «особенный», так же как и наречие «особо», образуется от исходного слова «особый». Слово «особенный» определяется как более значительный, более сильный, чем всегда, чем обычно.

Таким образом, наречие «особо» обозначает более значительное содержание признака предмета, чем обычно, т. е. усиливает значение признака.

Термин «ценные» или «ценное» обозначает признак предмета, в нашем случае животного. «Ценный(ое)» – имеющий важное, существенное значение; «дикий(ое)» – находящийся в первобытном, природном состоянии – неприрученный, живущий на воле, в отличие от домашнего; «животное» – это всякое живое существо, исключая растения [13, с. 388, 398, 651, 652, 640].

Понятие «водные биологические ресурсы» закреплено на законодательном уровне. Это рыбы, водные беспозвоночные, водные млекопитающие, водоросли, другие водные животные и растения, находящиеся в состоянии естественной свободы [3].

Проведенный анализ позволяет выделить следующие основные признаки особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов: а) это организмы животного происхождения, в том числе водные биологические ресурсы, исключая водоросли и водные растения; б) неприрученные, живущие на воле, то есть находящиеся в условиях естественной среды обитания (природном состоянии); в) имеющие более существенное значение, выше по сравнению с «краснокнижными» и обычными животными.

Осмысливая содержание рассмотренных понятий в единстве с законодательным формулированием ст. 258.1 УК РФ, обнаруживается ряд проблемных вопросов, а именно:

- являются ли дикими и подлежат ли уголовно-правовой охране по ст. 258.1 УК РФ особо ценные дикие животные, содержащиеся в полувольных условиях, искусственно созданной среде обитания или в неволе, например в зоосадах, зоопарках, питомниках, зооцентрах и т. п. (далее – особо ценные дикие животные, находящиеся в неприродном состоянии)?

- целесообразно ли относить к предмету уголовно-правовой охраны по ст. 258.1 УК РФ особо ценные водные растения, охватываемые понятием «водные биологические ресурсы»?

- насколько обоснованно с позиции законодательной техники выделять в рассматриваемой статье понятие «водные биологические ресурсы», охватываемые понятием «животные»?

- каковы признаки особой ценности диких животных, позволяющие выделять их из всего многообразия редких и/или исчезающих животных?

Рассмотрим их поочередно.

Обращаясь к первой проблеме, следует определить, являются ли особо ценные дикие животные, находящиеся в неприродном состоянии, дикими и по какой статье УК РФ квалифицировать посягательства на них – как незаконную добычу и оборот (ст. 258.1) или как преступления против собственности (например, ст. 158, 167 и др.)?

Э. Н. Жевлаков считает, что для квалификации незаконного оборота «красно-книжных» животных по ст. 258.1 УК РФ не имеет значения место нахождения животного – в окружающей среде либо в неволе. Однако он уточняет, что юридическая оценка незаконного изъятия такого животного (*учитывая действующую редакцию ст. 258.1 – Д.Г.*) зависит от того, откуда оно изъято: из окружающей среды или из владения какого-либо субъекта. В первом случае содеянное, по его мнению, следует квалифицировать как незаконную добычу по ст. 258.1 УК РФ, так как животное является элементом природы, а во втором – как хищение (например, кража) чужого имущества, поскольку оно является имуществом, товаром [8, с. 26–31].

Осмысливая приведенную позицию, отметим, что для разрешения изложенной проблемы требуется комплексный анализ. В рамках же настоящей статьи остановимся лишь на нескольких аспектах.

Первый. Особо ценные дикие животные, находящиеся в неприродном состоянии, не перестают быть дикими, поскольку эти животные остаются неприрученными, в том числе, если они рождены и выращены в неволе среди людей. Разумеется, данный довод не согласуется с содержанием понятия «дикий», поэтому обоснуем его (довод) историческим примером.

Вспомним трагедию, происшедшую в Азербайджане в 1980 г. в семье Берберовых, где «прирученный» лев, выращенный в этой семье «с пелёнок» и никогда не проявлявший агрес-

сию по отношению к человеку, неожиданно растерзал ребенка*. Данный случай, на наш взгляд, подтверждает невозможность приручить дикое хищное животное, в том числе рожденное и выращенное в неволе не в первом поколении. Считаем, что дикие животные, находящиеся в неприродном состоянии, остаются дикими.

Второй. Проанализируем позицию законодателя относительно понятия «дикое животное». Согласно ч. 3 ст. 3 Федерального закона от 25 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» [2], «отношения в области охраны и использования сельскохозяйственных и других одомашненных животных, а также диких животных, содержащихся в неволе, регулируются другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации». Из приведенного текста закона для наших рассуждений представляет интерес формулировка «...диких животных, содержащихся в неволе...», по смыслу которой, дикие животные могут содержаться в неволе.

Вместе с этим, анализируя данное законоположение во взаимосвязи со ст. 1 Федерального закона от 25 апреля 1995 г. № 52-ФЗ, обнаруживается противоречие правовых норм. С одной стороны (ч. 3 ст. 3), законодатель определяет указанных животных как диких, с другой (ст. 1) – выражает противоположную позицию: раскрывая понятие «животный мир», законодатель закрепляет за дикими животными обязательный признак – находящиеся в состоянии естественной свободы.

Разумеется, что данная коллизия, учитывая бланкетный характер ст. 258.1 УК РФ, способна породить некоторые трудности применения указанной нормы на практике. Решением выявленного противоречия, с нашей точки зрения, является конкретизация понятия «дикие животные» в указанном законе.

Третий. Особо ценные дикие животные, находящиеся в неприродном состоянии, в первую очередь представляют природную ценность, а потом уже имущественную (товарную). Данный довод согласуется с тем фактом, что в деятельности зоосадов, зоопарков и других подобных учреждений по использованию объектов животного мира преобладает природно-ценностный подход, предполагающий сохранение и увеличение численности диких животных, особенно редких и исчезающих видов, и их генофонда. При этом имущественно-ценностный подход, определяющий диких животных как товар, имеет второстепенное значение**. В связи с этим считаем, что преступное уничтожение и оборот указанных животных посягают первично на экологический (природный) элемент, так как влекут негативные последствия для животного мира (исчезновение отдельных его видов, их генофондов и др.). Поэтому уголовная репрессия за посягательства на них должна соответствовать характеру и степени общественной опасности этих деяний.

Учитывая это, в целом можно утверждать, что незаконный оборот, в том числе уничтожение особо ценных диких животных, находящихся в неприродном состоянии, подлежит квалификации по ст. 258.1 УК РФ.

Рассматривая вопрос об отнесении особо ценных водных растений к предмету уголовно-правовой охраны ст. 258.1 УК РФ, обратимся к проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», обосновывающему необходимость дополнения УК РФ ст. 258.1 УК РФ.

Согласно концепции законопроекта, охране посредством указанной нормы, наряду с особо ценными дикими животными, подлежат водные биологические ресурсы, к которым относятся водные дикие животные и водные растения. При этом каких-либо обоснований, определяющих, что охране подлежат водные организмы только животного происхождения, нет. Здесь важно подчеркнуть, что нет таких обоснований и в заключении Комитета Государственной Думы РФ по природным ресурсам, природопользованию и экологии по данному законопроекту***.

Думается, что законодатель целенаправленно в ст. 258.1 УК РФ понятие «водные биологические ресурсы» выделил в отдельную формулировку, а не заключил его в более емкое –

* URL: <http://www.trend.az/life/interesting/1664069.html> (дата обращения: 17.01.2017).

** Устав краевого государственного бюджетного учреждения «Зоосад «Приамурский» им. В. П. Сыроева». URL: http://www.zoosad27.ru/library/cat_13/article_51.html; Устав государственного бюджетного учреждения культуры «Сахалинский зооботанический парк». URL: <http://sakhalinzoo.ru/about/officially/> (дата обращения: 17.01.2017).

*** Законопроект № 233026–6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ». URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=233026-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=233026-6) (дата обращения: 17.01.2017).

«дикое животное», что с позиции законодательной техники было правильнее. Полагаем, это объясняется тем, что к водным биологическим ресурсам относятся, в том числе, и водные растения, которые, не охватываясь понятием «дикое животное», исключались бы из предмета преступления, предусмотренного ст. 258.1 УК РФ.

Основываясь на концепции законопроекта и действующей редакции ст. 258.1 УК РФ, следует признать, что особо ценные водные растения входят в предмет уголовно-правовой охраны указанной нормы.

Однако с такой позицией трудно согласиться, поскольку общественная опасность преступных посягательств на редкие и находящиеся под угрозой исчезновения растения по характеру совершаемых деяний и степени общественно опасных последствий ниже в сравнении с аналогичными деяниями, направленными на особо ценных диких животных. В этом свете, по нашему мнению, санкция ст. 258.1 УК РФ представляется в некоторой степени завышенной для преступлений против водных растений, так как не соответствует характеру общественной опасности таких посягательств. Все это обуславливает необходимость научного осмысления возможности и целесообразности выделения водных растений в отдельную статью УК РФ, а по большей части – всестороннего изучения общественной потребности в охране водной флоры уголовно-правовыми средствами.

Разумеется, что для выработки адекватного решения потребуются проведение специального исследования. Сейчас же констатируем пробельность в указанной сфере, ведь конкретные представители особо ценных видов водных растений в Перечне особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов [4] (далее – Перечень) Правительством РФ до сих пор не определены, что делает, по нашему мнению, ст. 258.1 УК РФ в этой части нерабочей.

Следующим аспектом, требующим теоретического осмысления, является проблема критериев особой ценности диких животных. Суть ее заключается в отсутствии научного обоснования и законодательного закрепления признаков особой ценности диких животных. В связи с этим не ясно, исходя из каких признаков Правительство РФ определяет особую ценность диких животных? Однозначного ответа на данный вопрос нет. На наш взгляд, это является правовым изъяном, который способен породить известную свободу субъективного усмотрения в данной сфере. И этому уже имеются примеры, на которых мы остановимся ниже.

Как уже отмечалось ранее, слово «ценное» обозначает признак предмета (животного), а слово «особо» – более значительное содержание этого признака, чем обычное, тем самым усиливая его значение. Следовательно, особо ценные дикие животные и водные биологические ресурсы должны представлять большую ценность по сравнению с «краснокнижными» и обычными животными.

В чем же тогда заключается особая ценность этих животных, позволяющая выделить их из всего многообразия редких и находящихся под угрозой исчезновения животных, занесенных в Красную книгу и (или) охраняемых международными договорами? Какой смысл придает рассматриваемому понятию законодатель? Для ответа на эти и другие вопросы вновь обратимся к законопроекту*. Здесь сразу же заметим, что в законопроекте понятие «особо ценные дикие животные» тоже не раскрывается. Вместе с этим, исходя из содержания его концепции, на наш взгляд, можно выделить следующие взаимосвязанные по смыслу признаки особой ценности диких животных.

Первый. Животные должны относиться к редким и находящимся под угрозой исчезновения видам диких животных и водных биологических ресурсов, занесенных в Красную книгу РФ и (или) охраняемых международным договором РФ.

Второй. Такие животные в соответствии с Федеральным законом от 25 апреля 1995 г. № 52-ФЗ должны быть изъяты из обычного гражданского оборота и не относиться к охотничьим ресурсам или объектам рыболовства. Аналогичную позицию выражает Комитет Государственной Думы РФ по природным ресурсам, природопользованию и экологии*** URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=233026-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=233026-6) (дата обращения: 17.01.2017)..

Третий. В отношении рассматриваемых животных должно совершаться наибольшее количество преступлений. Правда, данный признак в законопроекте не раскрыт, в связи

* Законопроект № 233026-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ». URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=233026-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=233026-6) (дата обращения: 17.01.2017).

** URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=233026-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=233026-6) (дата обращения: 17.01.2017).

с этим, на наш взгляд, остается место для субъективно-оценочных суждений о его содержании. Например, какое количество противоправных действий и за какой период должно быть совершено в отношении диких животных, каковы исходные данные для исчисления количества посягательств? Очевидно, при более глубоком анализе данного признака могут обнаруживаться и другие значимые вопросы, подлежащие теоретическому осмыслению. Разумеется, что для выработки критериев оценки требуется специальное изучение данной проблемы как с позиций теории, так и практики. При этом, с нашей точки зрения, в данном случае важно установить, является ли браконьерство преобладающим фактором в системе детерминантов, снижающих либо сдерживающих рост популяции животных (глобальные климатические изменения, загрязнение атмосферы, воды, земли, масштабное освоение природных территорий и интенсивная хозяйственная деятельность на них и др.).

Как уже отмечалось, отсутствие критериев особой ценности диких животных создает условия для необоснованного включения в Перечень животных, по сути, не являющихся особо ценными. К таковым, например, относятся: медведь, волк, лисица, рысь, кабарга,падающие под действие Конвенции СИТЕС [6], а также соболь, горностай, волк, енотовидная собака, ондатра, енот-полоскун, охраняемые Соглашением о международных стандартах на гуманный отлов диких животных [7]. Согласно законодательному формулированию ст. 258.1 УК РФ, указанные животные могут быть отнесены к особо ценным как охраняемые международными договорами. Но здесь имеется нюанс. В России перечисленные животные относятся к охотничьим ресурсам, «краснокнижными» не являются и из обычного гражданского оборота они не изъяты [1; 5]. На наш взгляд, это обстоятельство ставит под сомнение правовую возможность включения их в Перечень, так как это прямо противоречит признакам особой ценности диких животных, выделенных нами выше.

Кроме того, в июне 2014 г. Министерством природных ресурсов и экологии Российской Федерации был подготовлен проект постановления Правительства РФ о дополнении Перечня такими видами животных, как соболь и кабарга. Согласно основным доводам министерства, эти животные подвергаются интенсивному незаконному промыслу, который угрожает их популяции*.

Данная инициатива вызвала критику со стороны ученых и охотсообщества** [10; 11], так как численность соболя и кабарги опасений не вызывала, и они, к тому же, относятся к охотничьим ресурсам, то есть из обычного гражданского оборота не изъяты*** [1; 5]. В конечном итоге данный проект реализован не был****.

Отметим, что это была не последняя инициатива министерства. Предлагалось включить в Перечень стерлядь, горала амурского, дзерена, архара, что, к слову, выглядит обоснованней, чем предыдущее предложение, поскольку все перечисленные виды животных являются «краснокнижными» и относятся к первой категории статуса редкости диких животных, то есть к видам, численность особей которых уменьшилась до критического уровня****. Однако указанные виды животных так и остались за рамками Перечня, равно как и другие «краснокнижные» животные, относящиеся к первой категории статуса редкости. Например, орлан-долгохвост, красный коршун, медновский голубой песец, кавказская европейская норка, сахалинская кабарга и множество других животных [5].

В этом свете непонятной представляется логика министерства по включению в Перечень животных, обладающих более низкой категорией редкости, например: «краснокнижная» птица беркут – третья категория (животные имеют малую численность и распространены на ограниченной территории или акватории), белый медведь – четвертая категория (вероятно, эти животные могут относиться к одной из предыдущих категорий, но достаточных сведений об их состоянии в природе в настоящее время нет) [5].

Нелогичность, а также отсутствие каких-либо аргументов в пояснительной записке к проекту постановления Правительства РФ***** наталкивает на мысль о необходимости проведения всесторонней «ревизии» уже существующего Перечня.

* URL: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=10024> (дата обращения: 17.01.2017).

** URL: <http://www.rors.ru/ru/news/detail.php?ID=4881> (дата обращения: 17.01.2017).

*** URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/environment/# (дата обращения: 17.01.2017).

**** URL: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=10024> (дата обращения: 17.01.2017).

***** URL: <http://regulation.gov.ru/projects?type=Grid#npa=29264> (дата обращения: 17.01.2017).

***** URL: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=10365> (дата обращения: 17.01.2017).

Изложенные выше доводы и примеры убедительно свидетельствуют, что проблема исследования критериев особой ценности диких животных представляется актуальной и практически значимой и требует своего скорейшего разрешения. Это, безусловно, позволит выработать единый подход в процессе криминализации добычи и оборота особо ценных диких животных.

Резюмируя, констатируем, что ст. 258.1 УК РФ, являясь относительно новой нормой, далека от совершенства и нуждается в корректировке.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Понятие «дикое животное» для целей ст. 258.1 УК РФ требует теоретического переосмысления и закрепления его содержания в законе.

2. Посягательства на диких животных, находящихся в неприродном состоянии, подлежат квалификации по ст. 258.1 УК РФ, поскольку являются все-таки дикими и представляют природную ценность, а не имущественную.

3. Водоросли и иные водные растения, охватываемые понятием «водные биологические ресурсы», необходимо исключить из предмета преступления, предусмотренного ст. 258.1 УК РФ, поскольку общественная опасность преступных посягательств на них по характеру совершаемых деяний и степени общественно опасных последствий ниже в сравнении с аналогичными деяниями в отношении особо ценных диких животных.

4. Установление уголовной ответственности за незаконные посягательства на водные растения возможно только при наличии общественной потребности в этом, что, в свою очередь, предопределяет проведение специального юридико-социального исследования в указанной сфере.

5. Отсутствие научного обоснования и законодательного закрепления критериев особой ценности диких животных ведет к криминализации добычи и оборота диких животных, по сути, не обладающих указанным признаком.

В целях совершенствования ст. 258.1 УК РФ предлагаем:

1. Учитывая бланкетный характер ст. 258.1 УК РФ, закрепить в ст. 1 Федерального закона от 25 апреля 1995 г. № 52-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О животном мире» определение понятия «дикое животное». Не претендуя на идеальное, мы предлагаем следующее определение. *Дикое животное – объект (организм) животного происхождения, находящийся в природной среде (в состоянии естественной свободы), а также изъятый из природной среды и содержащийся в полувольных условиях, искусственно созданной среде обитания или в неволе, в том числе не в первом поколении, для целей, определенных настоящим федеральным законом.*

2. В законодательном формулировании названия и диспозиции ст. 258.1 УК РФ исключить понятие «водные биологические ресурсы» и ограничиться понятием «особо ценные дикие животные», которое своим содержанием охватывает всех диких животных, в том числе и водных.

3. В вопросах юридической квалификации посягательств на особо ценных диких животных, находящихся в неприродном состоянии, основываться на природно-ценностном подходе, предполагающем в первую очередь природную ценность указанных животных как компонента экологического блага.

В заключение подчеркнем, в указанной сфере существует еще множество нерешенных проблем, представляющих интерес для теоретического осмысления.

Литература

1. Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ (ред. от 14.10.2014) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 30. Ст. 3735.
2. О животном мире: федеральный закон от 25 апреля 1995 г. № 52-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 17. Ст. 1462.
3. О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов: федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 52 (ч. 1). Ст. 5270.
4. Об утверждении Перечня особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 31 октября 2013 г. № 978 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 45. Ст. 5814.
5. Об утверждении перечней (списков) объектов животного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации и исключенных из Красной книги Российской Федерации: приказ Государственного комитета РФ по охране окружающей среды от 19 декабря 1997 г. № 569

- (ред. от 28.04.2011) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 1998. № 5.
6. Конвенция по международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС) (Вашингтон, 3 марта 1973 г.): офиц. текст // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. 1978. Вып. XXXII.
  7. Соглашение о международных стандартах на гуманный отлов диких животных между Европейским сообществом, Канадой и Российской Федерацией (Брюссель, 15 декабря 1997 г.): офиц. текст // Бюллетень международных договоров. 2009. № 2.
  8. Жевлаков Э. Н. Проблемы применения нормы об ответственности за незаконные добычу и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами // Уголовное право. 2014. № 1.
  9. Кохановский В. П., Пржилевский В. И., Сергодеева Е. А. Философия науки: учеб. пособие. М.: МарТ, 2006.
  10. Матвейчук С. П. Криминализация. Соболь, кабарга и другие // Региональные проблемы государственного управления охраной и использованием животного мира. 2014. Вып. № 58.
  11. Миньков С. И. Здравствуй, черный рынок // Российская охотничья газета. 2014. № 33.
  12. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. Т. I. Преступление и наказание. СПб., 2008.
  13. Словарь русского языка: в 4 т. 3-е изд. стер. (Т. II, Т. IV). М.: Рус. яз., 1985.

УДК 343.8

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ: ОПЫТ ФРАНЦИИ

Андрей Геннадьевич Рублев, старший преподаватель Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук

E-mail: andrewrublev@bk.ru

В работе обращено внимание на ряд вопросов, возникающих в процессе исполнения лишения свободы и нуждающихся в правовом регулировании во Франции. Целью исследования является анализ современного состояния французского административного и уголовно-исполнительного законодательства, регулирующего процесс исполнения лишения свободы и сопутствующие общественные отношения, а также изучение практики Европейского Суда по правам человека в данном направлении. В статье приводятся примеры из правоприменительной деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы в указанной сфере.

Ключевые слова: исполнение наказания; уголовно-исполнительная система; Европейский Суд по правам человека; осужденные.

ADMINISTRATIVE-LEGAL AND CRIMINALLY-EXECUTIVE ASPECTS OF CORRECTIONS: THE FRENCH EXPERIENCE

Andrey Gennadyevich Rublev, senior lecturer of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law

In the work highlighted a number of issues arising in the process of execution of the deprivation of liberty requiring legal regulation in France. The aim of the study is the analysis of the present state of French administrative and criminal-Executive legislation, regulating the process of execution of imprisonment and the attendant social relations; a study of the practice of the European Court of human rights in this direction. The article provides examples from the law enforcement institutions of the penal system in this area.

Keywords: enforcement; the penal system; the European Court of human rights; convicted.

Процесс исполнения уголовных наказаний ввиду своей многогранности предполагает регламентацию ряда вопросов нормами других отраслей права, не прошедшими адаптации в уголовно-исполнительном законодательстве. Это характерно и для норм административного права. Причем нормы этой отрасли права регламентируют не только субординационные отно-

шения между администрацией органа или учреждения уголовно-исполнительной системы и его сотрудниками, но и общественные отношения, сопутствующие исполнению наказания [2].

В течение многих лет французский законодатель и Министерство юстиции Франции работали над усовершенствованием уголовно-исполнительной системы в целях приведения ее к новым европейским и мировым стандартам. Через призму определенных в законодательстве Франции и установленных в решениях Европейского Суда по правам человека нарушений прав осужденных мы рассмотрим взаимосвязь административно-правового и уголовно-исполнительного регулирования исполнения наказания.

Основной законодательный акт, который регламентирует правовое положение лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы Франции, – «Тюремный закон» от 24 ноября 2009 г. № 2009–1436 (далее – Тюремный закон). Несомненно, в развитии пенитенциарной системы Франции с вступлением в силу указанного закона начался процесс обретения французской уголовно-исполнительной системой правовой основы цивилизованного правоохранительного ведомства. В частности, на основании прогноза развития преступности реорганизованы отдельные подразделения, созданы новые службы, а также многопрофильная система подготовки кадров Министерства юстиции. В целях демилитаризации уголовно-исполнительной системы значительная часть должностей в аппарате министерства и подразделениях на местах замещена гражданскими специалистами.

Изменились и критерии оценки деятельности уголовно-исполнительной системы. Определяющей в современных условиях становится оценка гражданами деятельности Министерства юстиции по обеспечению законности и правопорядка, конкретной помощи физическим лицам, что способствует установлению тесных партнерских отношений с обществом, обеспечению более надежной защиты конституционных прав и свобод человека.

Содержание уголовной политики состоит из определенных мер превенции преступности в рамках национальных и международных стандартов не только на основе уголовно-исполнительного законодательства, но и административных норм. Так, например, реализация принципа охраны прав и свободы человека и гражданина закреплена в гл. 3 Тюремного закона*.

Актуальным вопросом французской пенитенциарной системы является предоставление права на образование в учреждениях лишения свободы, что регламентировано Конвенцией 1995 г., заключенной между министерствами юстиции и образования, на основании которой организовано обучение в региональных педагогических подразделениях. Данные учебные центры созданы при каждом исправительном учреждении и осуществляют свою деятельность под руководством директора. Одним из основных направлений деятельности учебных подразделений является содействие в реализации развития и совершенствования профессиональных качеств осужденных.

Право на трудоустройство в исправительных учреждениях Франции регламентировано Законом от 24 ноября 2009 г. № 2009–1437 «Об ориентации и профессиональной подготовке», а именно: в целях обеспечения прав осужденных на трудоустройство осуществляется проведение профессиональной подготовки, а также повышение квалификации осужденных. Основными институтами государственной власти, призванными осуществлять реализацию положений закона, являются Министерство юстиции и Министерство занятости населения. В соответствии со ст. 33 Тюремного закона для занятия трудовой деятельностью лиц, находящихся в исправительных учреждениях, издается акт, обязательный для исполнения администрацией учреждения. Этот акт подписывается руководителем учреждения и осужденным, в нем закреплены права и обязанности осужденного, а также условия оплаты его труда. В рамках применения данной статьи руководитель учреждения гарантирует принятие мер по обеспечению равных прав доступа к трудовой деятельности осужденных, в том числе лиц с ограниченными возможностями.

Кроме того, важной для нас представляется ст. 34 Тюремного закона, которая регламентирует право на личную и семейную жизнь лиц, привлеченных к уголовной ответственности.

Согласно ст. 35 Тюремного закона, право осужденных на поддержание общения и связей с членами семьи осуществляется при их непосредственном посещении, либо, если окружающая обстановка позволяет и имеется положительная характеристика о поведении заключенного, допускается его выход из учреждения для встречи с членами семьи. Обвиняемых разрешено посещать не менее трех раз в неделю, а осужденных – один раз в неделю.

* Assemblée Nationale. URL: <http://www.assemblee-nationale.fr/> (дата обращения: 13.11.2016).

Администрация исправительного учреждения не может отказать в разрешении на посещение членам семьи осужденного, а также приостановить или отозвать такое разрешение. При этом, однако, если возникает такое основание, связанное с необходимостью «поддержания порядка и безопасности, проведения мероприятий по профилактике правонарушений», администрация имеет право отказать в посещении. В соответствии со ст. 36 Тюремного закона задержанное лицо на основании своего заявления может воспользоваться правом на одно посещение ежеквартально в подразделении «семейной жизни». Для осужденных это право осуществляется при условии согласия компетентного судебного органа.

В силу ст. 38 Тюремного закона и конвенции, заключенной между исправительным учреждением и департаментом, определяющей социальное сопровождение для матерей с детьми в местах лишения свободы, предусмотрено специальное устройство для регулярных прогулок детей за пределами учреждения в целях обеспечения их социализации.

Согласно ст. 39 Тюремного закона, осужденные имеют право на телефонные переговоры с членами семьи с разрешения органа судебной власти. Контроль телефонных разговоров во Франции осуществляется в соответствии со ст. 727–1 УПК. Так, в определенных случаях доступ к телефону может быть ограничен администрацией, принятие решение о приостановлении или прекращении звонка по основаниям, связанным с обеспечением и поддержанием порядка и безопасности в учреждении, в целях предупреждения и пресечения преступлений.

Наряду с этим, в соответствии со ст. 40 Тюремного закона осужденные имеют право на переписку с любым лицом по своему выбору, если органы судебной власти дали соответствующее разрешение. Содержание личной переписки осужденных лиц может просматриваться и сохраняться администрацией в целях обеспечения надлежащего порядка, недопущения возникновения ситуаций, подрывающих безопасность исправительного учреждения. Однако не могут быть проверены письма, которыми обмениваются осужденные с защитниками, органами административной и судебной власти, как французскими, так и международными.

Как следует из ст. 41 Тюремного закона, осужденные должны дать согласие в письменной форме на распространение или использование личного изображения или голоса. Администрация учреждения может запретить распространение или использование изображения или голоса осужденного в целях защиты прав потерпевших или третьих лиц. Согласно ст. 42 Тюремного закона, физическое лицо имеет право на конфиденциальность своих данных.

В соответствии со ст. 27 Тюремного закона администрация учреждения предлагает осужденным спортивные мероприятия, которые помогут им интегрироваться в общественную жизнь. Около 300 исправительных учреждений предлагают различные спортивные мероприятия, например: футбол, бодибилдинг, теннис, баскетбол, бадминтон. Кроме того, администрация учреждений может организовать турниры и иные спортивные мероприятия. В настоящее время пятнадцать спортивных федераций подписали с администрациями французских исправительных учреждений конвенции, чтобы обеспечить право заключенных на самореализацию в данном направлении. Меморандум между Министерством спорта и Министерством юстиции подписан в 2007 г. и направлен на развитие спортивных навыков осужденных.

Законодательство Франции гарантирует осужденным свободное вероисповедание. Администрация тюремных учреждений должна организовать доступ к отправлению культов и позволить заключенным «удовлетворять требования религиозной, моральной или духовной жизни» (ст. R. 57–9–3 УПК Франции).

Что касается права на здоровье, то, согласно ст. 45 Тюремного закона, тюремная администрация уважает право на конфиденциальность медицинского обслуживания лиц, находящихся под стражей, а также секретные консультации в соответствии с ч. 3 и 4 ст. L. 6141–5 Кодекса общественного здравоохранения. Согласно ст. 46 Тюремного закона, поддержка здоровья лиц, находящихся под стражей, осуществляется государственной медицинской службой на условиях, предусмотренных Кодексом общественного здравоохранения. Качество и предметность оказания медицинской помощи для лиц, содержащихся под стражей, схожи с условиями, которыми пользуется все французское население. Кроме того, психологическое состояние лиц, находящихся под стражей, контролируется при их аресте и во время содержания в местах лишения свободы. Администрация пенитенциарных учреждений способствует координации деятельности различных субъектов в данной сфере. В соответствии со ст. 47 Тюремного закона поддержка здоровья обеспечена заключенным-женщинам с учетом их потребностей. Согласно ст. 52 Тюремного закона, все роды и гинекологическое обследование должны осуществляться без препятствий и без присутствия сотрудников пенитенциарной системы. Тем самым гарантируется право на уважение достоинства женщин.

Согласно ст. 50 Тюремного закона, любое лицо, находящееся под стражей со степенью инвалидности, предусмотренной в ст. L. 1111–6–1 Кодекса общественного здравоохранения, имеет право назначить попечителя на свой выбор. Тюремная администрация может возражать против выбора осужденного.

Для лиц с психическими заболеваниями существуют установленные гарантии медицинской помощи, при этом, например, Европейский Суд по правам человека в деле «Раффрей Таддеи против Франции» (№ 36435/07) от 21 ноября 2010 г. установил нарушение ст. 3 Тюремного закона. Он отметил, что администрация учреждения не приняла во внимание состояние заявительницы, болевшей анорексией, «частые переводы заявительницы с места на место, без учета ее особой уязвимости, а также неопределенность в связи с ответом на ее ходатайства о приостановлении отбывания наказания вызвали у Таддеи сильный стресс, интенсивность которого превысила тот уровень лишений, который неизбежно сопутствует любому лишению свободы»*.

Например, в Постановлении Европейского Суда по правам человека в деле «Муизель против Франции» (№ 67263/01) от 14 ноября 2002 г. отмечено, что медицинская помощь для осужденных с серьезными физическими заболеваниями оказывалась не в полном объеме. Европейский Суд по правам человека установил нарушение ст. 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (далее – Конвенция) (для России Конвенция вступила в силу 5 мая 1998 г.). В частности, Суд указал: несмотря на то, что «по мере развития болезни состояние заявителя стало несовместимым с дальнейшим отбыванием наказания, тюремная администрация не предприняла никаких конкретных мер». Суд решил, что приковывание Муизеля наручниками было «несоразмерным тому риску для безопасности, который он представлял». Кроме того, такое обращение не соответствовало рекомендациям Европейского комитета по предупреждению пыток, которые касаются условий перевозки заключенных и прохождения ими медицинского обследования**.

Относительно содержания под стражей престарелых заключенных, в Постановлении Европейского Суда по правам человека в деле «Папон против Франции» (№ 64666/01) от 7 июня 2001 г. отмечается, что общее состояние здоровья Папона и условия его содержания не позволяли сделать вывод о том, что «был достигнут порог жестокости, необходимый для того, чтобы обращение попало в сферу действия ст. 3 Конвенции. У заявителя были проблемы с сердцем, однако его общее состояние оценивалось экспертами как «хорошее». Суд не исключил возможности того, что «при определенных условиях длительное содержание под стражей престарелого лица может вызвать вопросы по ст. 3 Конвенции, но в этом случае необходимо изучать конкретные обстоятельства отдельно взятого дела». Суд также отметил, что ни одно из государств – участников Конвенции не устанавливает максимального возрастного предела, который бы исключал для лица возможность содержания под стражей или отбывания наказания в местах лишения свободы***.

Право на голосование регламентировано ст. 30 Тюремного закона. Так, задержанные лица могут зарегистрировать место пребывания в исправительном учреждении для осуществления гражданских прав, если они не имеют постоянного места жительства. Перед каждым голосованием руководитель учреждения организует с компетентными административными органами процедуру, которая предназначена для обеспечения осуществления голосования по доверенности.

Право на социальное обеспечение регламентировано ст. 31 Тюремного закона: задержанные лица, которые имеют доходы менее суммы, установленной нормами, получают от государства помощь, направленную на улучшение их материальных условий существования. Эта помощь может также выплачиваться в денежной форме на установленных условиях.

Безопасность лиц в местах лишения свободы гарантирована ст. 44 Тюремного закона: каждому осужденному должна быть обеспечена эффективная охрана физической неприкосновенности во всех коллективных и индивидуальных местах нахождения осужденных. Мало того, при отсутствии вины государство обязано возместить убытки, причиненные в результате смерти лица, содержащегося под стражей.

* URL: http://www.echr.coe.int/Documents/FS_Prisoners_health_RUS.pdf (дата обращения: 19.11.2016).

** URL: <http://europeancourt.ru/citatnik/muizel-protiv-francii-postanovlenie-evropejskogo-suda/> (дата обращения: 19.11.2016).

*** URL: http://www.echr.coe.int/Documents/FS_Prisoners_health_RUS.pdf (дата обращения: 02.11.2016).

Рассмотрим некоторые постановления Европейского Суда по правам человека, которые также подтверждают нарушение ст. 3 Конвенции.

Европейский Суд по правам человека в деле «Ренольд против Франции» (жалоба № 5608/05) от 16 октября 2008 г. установил нарушение ст. 2 (право на жизнь). По мнению экспертов, неудовлетворительная организация процесса лечения заявителя могла способствовать тому, что он совершил самоубийство, находясь в состоянии помешательства. Суд пришел к выводу, что отсутствие ежедневного наблюдения за тем, как заявитель принимает препараты, отчасти послужило причиной смерти последнего, несмотря «на попытку самоубийства и диагноз, свидетельствовавший о наличии у заявителя психических расстройств, вопрос о его переводе в психиатрическое учреждение никогда не поднимался»^{*}.

Проблемы, связанные с одиночным заключением, изложены в Постановлении Европейского Суда по правам человека в деле «Рамирес Санчес против Франции» (№ 59450/00) от 4 июля 2006 г. Так, Суд посчитал, что нарушения ст. 3 не было. Учитывая личность заявителя и ту опасность, которую он представлял, суд решил, что «минимальная степень жестокости, необходимая для констатации бесчеловечного или унижающего достоинства обращения, достигнута не была». Суд отметил тот факт, что за несколько месяцев до вынесения постановления власти Франции прекратили одиночное заключение заявителя. В то же время Суд разделил задачи Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинства обращения или наказания по поводу возможных долгосрочных последствий одиночного заключения. Согласно правовой позиции Европейского Суда, «государство должно систематически пересматривать вопрос об одиночном заключении. Решение о продлении одиночного заключения должно быть мотивировано. Физическое и душевное состояние заключенного подлежит регулярному наблюдению»^{**}.

Что касается обыска заключенных с полным раздеванием, то в Постановлении Европейского Суда по правам человека в деле «Фреро против Франции» (№ 70204/01) от 12 июня 2007 г. отмечено, что имело место нарушение ст. 3 Конвенции. Суд признал, что заявитель подвергался обыску с раздеванием в интересах безопасности и предотвращения совершения преступлений. Тем не менее, суд был поражен тем фактом, что в различных учреждениях, в которых содержался заявитель, процедура обыска различалась: в г. Френ существовала презумпция того, что каждый заключенный после встречи с родственниками прячет предметы и вещества в интимных местах своего тела, поэтому в тюрьме данного города заявитель подлежал анальному осмотру. Суд пришел к выводу о том, что такие заключенные «могли чувствовать себя жертвами произвола, особенно учитывая тот факт, что процедура обыска регулировалась циркуляром, наделявшим начальника каждой тюрьмы широкими дискреционными полномочиями в этом вопросе»^{***}.

Следует отметить, что Европейский Суд по правам человека в деле «Эль-Шеннави против Франции» (№ 51246/08) установил, что имело место нарушение ст. 3 Конвенции. Указанные в деле обыски не были должным образом обусловлены соображениями безопасности, они имели место «на протяжении непродолжительного времени, но, тем не менее, вызвали у заявителя чувства неполноценности и беспокойства. Унижение заявителя достигло такой степени, которое выходит за пределы неизбежного неудобства, испытываемого лицами, которые подвергаются обыску с раздеванием».

Относительно частых переводов осужденных, характерен пример, изложенный в Постановлении Европейского Суда по правам человека в деле «Хидер против Франции» (№ 39364/05) от 9 июля 2009 г. По материалам дела заявитель был помещен под стражу по обвинению в совершении ряда преступлений, в том числе вооруженного нападения в составе организованной группы. Он жаловался на условия содержания и на меры безопасности, применяемые в его отношении как к «заключенному, требующему особого наблюдения», в частности, на неоднократные переводы из одной тюрьмы в другую, на продолжительное нахождение в одиночном заключении и на систематические личные досмотры. Европейский Суд по правам человека постановил, что имело место нарушение ст. 3 Конвенции^{****}.

* URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/25924845/25702910/> (дата обращения: 09.11.2016).

** URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/19382270/> (дата обращения: 07.10.2016).

*** URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/15794631/12862284/> (дата обращения: 19.11.2016).

**** URL: <http://subscribe.ru/archive/law.europeancourt/201002/16204451.html> (дата обращения: 19.11.2016).

В Постановлении от 20 января 2011 г. по делу «Пэе против Франции» (№ 19606/08) Европейский Суд по правам человека указал на нарушение ст. 3 Конвенции по факту условий содержания в штрафной камере, куда заявитель был помещен: «грязная, полуразрушенная, затопленная, плохо освещаемая камера, в которой невозможно читать и писать»*.

Таким образом, перечисленные положения уголовно-исполнительного законодательства Франции, международных стандартов пересекаются в процессе реализации с административно-правовыми отношениями, служат целям исполнения уголовного наказания через призму рассмотренной практики Европейского Суда по правам человека. В свою очередь, следует отметить, что, к сожалению, в настоящее время в России в административно-правовом регулировании в части осуществления комплекса целенаправленных мер по повышению эффективности ведомственного здравоохранения и производственного сектора, реализации технического перевооружения подразделений уголовно-исполнительной системы, обеспечению дальнейшего совершенствования социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными недостаточно четко разработан механизм противодействия нарушениям прав человека администрацией мест лишения свободы.

Между тем приоритетами и целями государственной политики в сфере юстиции в Российской Федерации являются соблюдение прав и основных свобод человека, повышение уровня защиты прав и законных интересов граждан и организаций, улучшение качества исполнения судебных решений, актов иных органов и приговоров. Указанные приоритеты совпадают с конечными результатами реализации государственной программы Российской Федерации «Юстиция» [1].

Изложенное свидетельствует о необходимости развития в России тех или иных административных норм в рамках работы по совершенствованию законодательства в сфере юстиции, требует привлечения дополнительных материальных, финансовых ресурсов, обеспечения специальной подготовки кадров пенитенциарной системы.

Исходя из приведенных соображений при дальнейшем совершенствовании уголовно-исполнительной системы необходимо учитывать опыт зарубежных стран и принимать во внимание возможные проблемы, касающиеся обеспечения прав человека, формирования единообразной пенитенциарной практики, минимизации негативных социальных последствий, связанных с изоляцией осужденных от общества.

Литература

1. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция»: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 312. Доступ из СПС «Гарант».
2. Куракин А. В., Поникаров В. А., Сенатова Е. В. Смежные административно-правовые и уголовно-исполнительные отношения, возникающие в процессе исполнения наказаний // Административное и муниципальное право. 2016. № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

УДК 342.5

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Владимир Владимирович Мальцев, военнослужащий в/ч 1441

E-mail: vladimir05.vm@gmail.com

Коррупция остается одной из самых серьезных проблем современной России и главным препятствием на пути социально-экономического развития страны. Она, несомненно, наносит ущерб росту экономики и социальной стабильности страны, представляет угрозу национальной безопасности. В статье предложены оптимальные пути решения проблемы коррупции в целях создания приемлемых условий снижения ее уровня и дальнейшего противодействия этому явлению.

Ключевые слова: коррупция; государственная политика; противодействие коррупции; социально-экономическое развитие; государственные органы; правоохранительные органы.

* URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/32594737/34832118/> (дата обращения: 19.11.2016).

ABOUT SOME QUESTIONS OF ANTI-CORRUPTION

Vladimir Vladimirovich Maltsev, serviceman in/h 1441

Corruption remains to one of the most serious issues of modern Russia and the main obstacle on the way of social and economic development of the country. It, undoubtedly, causes damage to growth of economy and social stability of the country, poses a threat of the national security. In article optimum solutions of a problem of corruption for the purpose of creation of acceptable conditions of decrease in its level and to further counteraction to this phenomenon are offered.

Keywords: corruption; state policy; anti-corruption; social and economic development; state bodies; law enforcement agencies.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации коррупция рассматривается как источник угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности в совокупности с сохраняющимся ростом преступных посягательств, направленных против личности, собственности, государственной власти, общественной и экономической безопасности [6].

Коррупция превратилась в основное препятствие для политического, экономического роста государства, трансформируясь из угрозы мелкого масштаба в угрозу национальной безопасности страны.

Явление коррупции входит в противоречие с нормами Конституции Российской Федерации, в том числе ставит под сомнение роль государства в служении интересам человека, гарантированность прав и свобод человека и гражданина, равенство всех перед законом и т. д. [1, ст. 2, 13–14, 17–19, 22].

Таким образом, коррупция угрожает самому существованию государства, выступает основным препятствием для развития национальной экономики, повышения уровня жизни ее граждан, становления и развития гражданского общества, институтов демократии. По этим же причинам коррупция рассматривается иностранными специалистами как один из основных барьеров на пути привлечения иностранных инвестиций и технологий в российскую индустрию, а также формирования благоприятных экономических условий для развития делового климата в РФ [12, с. 6].

Масштабы коррупционных проявлений поражают воображение, уровень хищений финансовых средств, «откатов», «взяток» и «благодарностей» достигает миллионов сумм, в том числе в иностранной валюте.

Очевидно, что по масштабам распространенности коррупционных явлений в государственных органах делаются выводы о верховенстве закона, развитии демократии и соблюдении прав человека. Подрыв доверия к власти, государственному управлению, демократическим институтам общества может с высокой долей вероятности привести к политическим, экономическим и социальным рискам, представляющим реальную угрозу стабильности нашего государства.

Следует отметить, что масштаб этого социального явления обрел транснациональный характер и представляет угрозу не только отдельным странам, но и всему мировому сообществу. Об этом свидетельствует Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. [3] и Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию от 29 января 1999 г. [2], подписанные и ратифицированные Российской Федерацией. Совместные усилия многих стран являются подтверждением борьбы с явлением коррупции.

Негативные последствия коррупции позволяют с очевидностью констатировать необходимость выработки эффективных мер для осуществления жесткой борьбы с ней, причем эффективность такого противодействия должна заключаться в осуществлении коренных преобразований не только в государстве, но и в обществе в целом.

Безусловно, что в настоящий период принято достаточно серьезное количество государственных решений для снижения уровня коррупции, в частности: ратифицировано большинство международных конвенций о борьбе с коррупцией; вступили в силу антикоррупционные правовые акты [4; 5] и программы, разработанные ранее; при Президенте РФ создан Совет по борьбе с коррупцией; действуют общественные движения, а также различные центры и институты, сконцентрировавшие свою деятельность на изучении явлений коррупции и процессов теневой экономики.

При этом уровень коррупции в нашей стране не снижается, а продолжает расти. Причем мы невольно становимся свидетелями данной тенденции, получая определенную долю информации практически ежемесячно из средств массовой информации, которые констатируют очередной факт задержания государственного чиновника с поличным при получении, как правило, миллионной взятки. И это лишь малая доля вскрытых преступлений коррупционной направленности ввиду слабой раскрываемости и высокой латентности данных видов преступлений [10, с. 14]. В подтверждение тому – официальные данные Генеральной прокуратуры РФ, согласно которым размер причиненного преступлением коррупционной направленности материального ущерба составил в 2011 г. 12 млрд руб., в 2012 г. – более 20 млрд руб., в 2013 г. – 26 млрд руб., в 2014 г. – свыше 39 млрд руб., в 2015 г. – более 43 млрд руб.*, в 2016 г. – 43,8 млрд руб.**. Отметим, что с каждым годом увеличивается ущерб, причиненный государству. Данное положение дел, к сожалению, свидетельствует о неэффективности принимаемых государством мер.

По данным Генеральной прокуратуры РФ, зарегистрировано коррупционных преступлений: в 2011 г. – 40 407, в 2012 г. – 49 513, в 2013 г. – 42 506, в 2014 г. – 32 203, в 2015 г. – 32 455, в 2016 г. – 28 999***. Преобладающими сферами, в которых совершались указанные преступления, являются: правоохранительная (правоприменительная), здравоохранение и социальное обеспечение, образование и наука, финансовая деятельность.

Как правило, уголовные дела правоохранительными органами ведутся в отношении должностных лиц и рядовых сотрудников, работающих в сфере образования, здравоохранения, ЖКХ, инспекторов различных контрольных и реквизиционных органов, руководителей коммерческих организаций, глав муниципальных образований и округов, а также других категорий служащих. К сожалению, это свидетельство того, что борьба с коррупцией определена в РФ на низшем, так называемом бытовом уровне. Например, Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев отмечал, что в 2012 г. из числа осужденных за взятки 22 %, или каждый пятый осужденный, – это работник здравоохранения****.

Официальные данные Судебного департамента при Верховном Суде России также свидетельствует, что за совершение преступлений коррупционной направленности привлекаются должностные лица, служебное положение которых не является социально значимым и высоким. Размер взятки варьировался от 1 000 до 10 000 руб.

Кроме того, статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ свидетельствует об очень низком проценте осужденных, получивших реальный тюремный срок за преступления коррупционной направленности. Например, в 2015 г. за коррупционные преступления осуждено 11 499 лиц, из них к реальному сроку – 1 564, оштрафованы – 6 203, условно осуждены к лишению свободы – 2 728 человек*****.

Да, безусловно, есть примеры громких резонансных дел, в числе которых в качестве обвиняемых числятся губернаторы, представители законодательной и исполнительной власти, правоохранительной системы.

Так, согласно данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2015 г. среди осужденных за преступления коррупционной направленности 833 человека являлись должностными лицами органов государственной власти и местного самоуправления (в 2014 г. – 859), из них 295 – главами муниципальных образований и местных администраций (в 2014 г. – 290). Кроме того, осуждено 1 305 должностных лиц правоохранительных органов (в 2014 г. – 1 258), в том числе 72 (76) следователя и дознавателя, 18 (16) прокуроров, 5 (1) судей. Среди привлеченных к уголовной ответственности работников правоохранительных органов 846 (785) человек занимали должности в органах внутренних дел, 41 (48) – в органах наркоконтроля, 15 (17) – в Следственном комитете Российской Федерации, 57 (42) – в таможенных органах, 164 (190) – в органах Федеральной службы судебных приставов, 4 (15) – в органах Федеральной службы

* Аналитическая справка «О состоянии работы по выявлению коррупционных преступлений, следствия и прокурорского надзора за уголовно-процессуальной деятельностью правоохранительных органов в сфере борьбы с коррупцией за 2015 год». URL: <http://crimstat.ru>

** URL: <http://www.interfax.ru/russia/540410>

*** URL: <http://www.genproc.gov.ru/>

**** URL: <http://www.vesti.ru/videos?vid=488233&cid=1620>

***** Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://cdep.ru>

безопасности. Осуждены 5 (9) депутатов представительных органов субъектов Российской Федерации, 120 (120) депутатов органов местного самоуправления*.

По нашему мнению, приведенные цифры в масштабе страны, а также в рамках реально функционирующего аппарата государственных чиновников являются фактически малозначительными.

В сфере противодействия механизмам теневой экономики пока существенных результатов не наблюдается. Здесь мы имеем в виду хозяйственную деятельность, которая развивается вне государственного управления и контроля. Следует подчеркнуть, что масштабы нелегальной деятельности оцениваются в миллиардах рублей (незаконный оборот оружия, наркотиков, рынки торговли людьми, драгоценными металлами и камнями, порноиндустрия и проституция). Сюда же можно отнести незаконную добычу водных биологических ресурсов и древесины, что характерно для Дальнего Востока РФ. Как правило, все виды преступной деятельности, а последние две в особенности, осуществляются организованными группами и сообществами по подложным документам и при поддержке коррумпированных должностных лиц.

Мы исходим из того, что порождением коррупции, безусловно, является теневая экономика, которая, в свою очередь, увеличивает свои пределы благодаря взяткам и незаконному лоббированию интересов определенных групп лиц, а в некоторых случаях юридических компаний. Нельзя не согласиться с точкой зрения Е. Ю. Антоновой, которая вполне обоснованно к числу субъектов коррупционных преступлений предлагает отнести корпоративные (коллективные) образования, противоправно предоставляющие материальные и иные блага и преимущества лицам, уполномоченным на выполнение государственных функций, или иным лицам, приравненным к ним, поскольку их неправомерная деятельность усугубляется за счет распространения подобных деяний [8, с. 118–123].

По нашему мнению, коррупция, теневая экономика и организованная преступность всегда будут стремиться друг к другу, подобно электронам к ядру атома. По сути, коррупция является одним из методов естественного выживания и развития теневой экономики, а также субъектов организованной преступности. С ее помощью криминальные элементы проникают в государственные институты в целях их изменения и нейтрализации действий, направленных на ликвидацию условий их функционирования. В качестве примера можно привести резонансное уголовное дело, в рамках которого задержан в 2016 г. первый заместитель московского главка Следственного комитета Денис Никандров. Ему инкриминируют получение взятки через посредника от «вора в законе» Захария Калашова (Шакро Молодой)**.

Подводя итоги изучения статистических данных, констатируем факт того, что по делам коррупционной направленности в основном осуждаются за взяточничество, мошенничество, присвоение и растрату вверенного имущества, коммерческий подкуп. При этом уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 290, 291 и 290 п. 1 УК РФ, составляют практически половину всех уголовных дел рассматриваемой категории.

Несмотря на принимаемые меры, национальная антикоррупционная политика РФ пока не привела к улучшению положения дел в этой области. В чем же причины неэффективности противодействия коррупции? На наш взгляд, таких причин можно выделить несколько:

1. В области нормотворчества продолжает фиксироваться слабость правовых норм, регулирующих ответственность за недекларирование доходов и имущества. Значительная недоработка способов предотвращения конфликтных ситуаций и возникающих взаимных интересов позволяет нарушителям в ряде случаев отделываться несущественным наказанием, например официальным предупреждением, в редких случаях увольнением за утрату доверия.

2. В области правоприменения уголовные дела против высших должностных лиц возбуждаются фрагментарно, в случаях их возбуждения не предаются широкой огласке. Отдельные резонансные дела оттеняют масштаб коррупции, тем самым раскрывая реальное положение в той или иной сфере государственной деятельности или субъекте РФ.

3. В области правосознания продолжает фиксироваться низкая правовая культура общества, недостаточный уровень правовых знаний и правовой нигилизм значительного числа граждан. Отсутствие должного вовлечения институтов гражданского общества не позволяет выработать общие подходы к вопросам противодействия коррупции [7].

Следует обратить внимание на перечень последствий, к которым приводят явления коррупции.

* Сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <http://www.genproc.gov.ru/>

** URL: <http://vz.ru/incidents/2016/7/19/822414.html>

На наш взгляд, сейчас идет речь о коррупции как о процессе заражения, т. е. коррупция порождает коррупцию. Новые виды запретов и принимаемые меры государством порождают новые разновидности коррупции и трансформируют общественные отношения.

Вторым немаловажным фактором является привыкание к коррупции. Большинство людей в России признались, что попадали в коррупционные ситуации*. В настоящее время коррупция является неформальной нормой решения различных вопросов. Все ее осуждают на словах, но при этом принимают по факту. Здесь следует вспомнить мнение академика О. Т. Богомолова, который описал процесс привыкания российского общества к явлениям коррупции так: «Ежедневно сталкиваясь с вопиющими фактами беззакония и произвола, люди утрачивают остроту реакции на них, постепенно проникаются безразличием к происходящему» [9, с. 19].

Третьим наиболее важным вызовом современности является деградация сферы права. Меняются базовые правовые взаимоотношения в обществе, без которых существование правового государства немыслимо. В качестве примера можно привести формируемую явлением коррупции избирательность применения законов. Одни в рамках выявленного правонарушения несут максимальное наказание, а другие в зависимости от своего социального статуса – минимальное. В данном контексте следует отметить мнение В. Г. Клейнера, который выразил свою позицию следующим образом: «Борьба с коррупцией возможна тогда, когда у руководства страны присутствует осознанное понимание того, что борьба с коррупцией требует как публичного отказа от коррупционных практик, так и серьезных жертв, в том числе и среди ближайшего окружения в деле борьбы с коррупцией, когда лица, замешанные в коррупции, подвергаются одинаковому наказанию вне зависимости от их положения в обществе» [13, с. 38].

Следует отметить, что корень коррупции, по нашему мнению, скрывается в механизме осуществления государственной власти. У большинства населения страны сформировано мнение, что государственные чиновники, уходя во власть, преследуют две цели: обладать материальными благами и занять привилегированное социальное положение. Этим и объясняется живучесть коррупции. Как правило, коррупционеры, выступая в качестве непосредственных носителей власти (мэры городов и губернаторы областей и краев, судьи и прокуроры, представители правоохранительной системы сращиваются в единые преступные организации и сообщества в целях разворовывания, хищения, присвоения государственных материальных и нематериальных ресурсов), используют ее в качестве инструмента достижения значимого социального положения, связанного с обладанием весомыми материальными благами или доступом к ним.

Вышеизложенное свидетельствует о формировании только на начальном этапе антикоррупционной политики нашего государства. Государственная политика в сфере противодействия коррупции пока еще фрагментарна и бессистемна. Причинами коррупции продолжают оставаться отсутствие действенного механизма контроля за деятельностью государственных чиновников и муниципальных служащих, несовершенство российского законодательства и кризис морально-нравственных устоев общества.

Полагаем, что антикоррупционная государственная политика должна состоять не только из посланий, лозунгов, призывов или отдельных бессмысленных инициатив институтов гражданского общества. Она должна иметь набор правовых, управленческих подзаконных актов, а также политических решений и действий, объединяемых в единую программу и реализуемых в трех направлениях – нормотворчество, правоприменение и правосознание. В настоящее время необходимы масштабные усилия на федеральном, региональном и муниципальных уровнях. В качестве мер предлагается:

1. Увеличение эффективности государственного управления путем реализации политических, организационных, правовых, экономических и идеологических мер.
2. Разработка необходимого научного сопровождения к реализации антикоррупционной политики с подключением к работе ведущих научно-исследовательских учреждений РФ.
3. Создание государственного федерального уполномоченного органа, ответственного за формирование антикоррупционной политики, ее координацию и мониторинг (с функциями спецслужбы, наделение ее правом ведения оперативно-розыскной деятельности в интересах решения задачи борьбы с коррупцией) [3, ст. 36].
4. Ликвидация всех законодательных пробелов, способствующих коррупции. Приведение законодательства в соответствие с требованиями Конвенции ООН (уточнение понятий кор-

* Коррупция в России: мониторинг: пресс-выпуск ВЦИОМ № 2437. URL: <http://wciom.ru/index>

рупционного преступления, конфликта интересов, возможности конфискации имущества и др.) [11, с. 8–9].

5. Стимулирование рыночных механизмов (развитие добросовестной конкуренции и предпринимательства).

6. Оздоровление социально-психологического состояния населения путем изменения отношения к данному явлению (ведение просветительской работы в СМИ и Интернете, проведение тематических конференций, семинаров и теледебатов, введение образовательных программ и курсов в школах, институтах, университетах).

7. Введение парламентской процедуры проверки законопроектов на коррупциогенность, а также осуществление мониторинга результативности применения законодательных инициатив в области противодействия коррупции.

8. Реформирование государственной службы в интересах максимальной открытости и прозрачности ее деятельности.

Полагаем, что предложенные меры будут способствовать противодействию коррупции и повышению эффективности борьбы с ней. У населения страны будут сформированы установки внутреннего неприятия коррупции как формы социального поведения в обществе.

По нашему мнению, борьба с коррупцией должна начинаться сегодня с каждого отдельного человека, гражданина РФ. От его социальной активности и ответственности, уровня гражданской, правовой, политической культуры и образования зависит построение правового, экономически развитого государства, в котором будет минимизирована коррупция и продолжится поступательное движение на развитие демократического общества.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию от 29 января 1999 г. // Бюллетень международных договоров. 2009. № 9.
3. Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. // Бюллетень международных договоров. 2006. № 10.
4. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52. Ст. 6228.
5. Национальный план противодействия коррупции (утв. Указом Президента РФ от 1 апреля 2016 г. № 147) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 14. Ст. 1985.
6. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.
7. Концепция взаимодействия органов государственной власти, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции на период до 2014 года. URL: <http://minjust.ru/ru/konceptsiya-vzaimodeystviya-organov-gosudarstvennoy-vlasti-organov-mestnogo-samoupravleniya-i>
8. Антонова Е. Ю. Коллективная (корпоративная) ответственность за коррупционные правонарушения // Вестник Хабаровской академии экономики и права. 2015. № 4–5.
9. Богомолов О. Т. Экономика и общественная среда // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. М., 2008.
10. Дамаскин О. В. Коррупция: состояние, причины, противодействие. М., 2009.
11. Долгова А. И. Реагирование на коррупцию: практика противодействия в России и направления оптимизации борьбы // Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации и борьбы. М., 2015.
12. Инвестиционный климат в России: мнение иностранных инвесторов: доклад компании Ernst & Young Global Limited. М., 2015.
13. Клейнер В. Г. Коррупция в России. Россия в коррупции. Есть ли выход? М.: ЦЭМИ РАН, 2014.

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Ростислав Сергеевич Мацкевич, начальник Центра организационного обеспечения научной деятельности ВНИИ МВД России, кандидат экономических наук, доцент

E-mail: rost.m@mail.ru

Рассмотрены вопросы эффективности правоохранительной деятельности в системе обеспечения экономической безопасности государства. Предложена методика оценки эффективности деятельности органов внутренних дел в механизме обеспечения экономической безопасности страны. Разработан алгоритм и оценено состояние ресурсного обеспечения производства знаний и научной продукции в интересах научного обеспечения правоохранительного труда в сфере экономики.

Ключевые слова: экономическая безопасность; правоохранительная деятельность; подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции; рентабельность; выявленный ущерб; возмещенный ущерб; потери бюджета.

PROBLEMS OF EFFECTIVENESS AND INTELLECTUALIZATION OF THE LAW ENFORCEMENT ACTIVITY IN THE SYSTEM OF MAINTAINING NATIONAL ECONOMIC SECURITY

Rostislav Sergeevich Matskevich, head of the research organization Department of the NRI of the Ministry of Interior of the Russia, *kandidat nauk*, degree in Economics, Associate Professor

The article addresses the issues of effectiveness of the law enforcement activity in the system of maintaining national economic security. Evaluation methods for the effectiveness of the law enforcement units' activity in the mechanism of maintaining national economic security are offered. The algorithm is worked out and the condition of resource support for producing knowledge and scientific output on behalf of scientific support of law enforcement activity in the area of economics is estimated.

Keywords: economic security; law enforcement activity; economic security and anti-corruption law enforcement units; profitability; damage identified; damage compensated; budget losses.

Рассматривая вопросы эффективности правоохранительной деятельности в системе обеспечения экономической безопасности государства (на примере Российской Федерации), надо учитывать, что ведущая роль в борьбе с экономической преступностью принадлежит органам внутренних дел и, в частности, их профильным подразделениям – управлениям (отделам) экономической безопасности и противодействия коррупции (ЭБиПК). Их деятельность в сфере экономики направлена на решение двух основных задач:

- 1) обеспечение экономической безопасности страны;
- 2) осуществление правоохранительной деятельности в части борьбы с преступностью экономической направленности.

В рамках выполнения данных задач одними из основных экономических показателей работы указанных подразделений является максимальное повышение уровня выявленного и возмещенного ущерба, обусловленного деятельностью преступности экономической направленности. В этом случае эффективность (рентабельность) функционирования подразделений ЭБиПК можно оценивать с помощью показателей выявленного и возмещенного ущерба от экономических преступлений.

По данным МВД России, в 2014 г. материальный ущерб (выявленный) от преступлений экономической направленности (по оконченным и приостановленным уголовным делам) со-

ставил 194,56 млрд руб., а возмещенный ущерб от деятельности преступности экономической направленности в рассматриваемом периоде едва достиг 69,8 млрд руб.*.

Например, относительно недобора налогов (около 3 трлн руб.) в бюджет России из-за ухода бизнеса в тень (формулы 1 и 2):

$$\mathcal{E}_{ОВД}^{BY} = \frac{Y_B}{\Pi_B} \quad (1).$$

где $\mathcal{E}_{ОВД}^{BY}$ – эффективность деятельности органов внутренних дел, определяемая по уровню выявленного ущерба от преступлений экономической направленности относительно потерь (недобора налогов) бюджета Российской Федерации из-за ухода бизнеса в тень; Y_B – выявленный ущерб от преступлений экономической направленности; Π_B – потери (недобор налогов) бюджета Российской Федерации из-за ухода бизнеса в тень;

$$\mathcal{E}_{ОВД}^{ВозмY} = \frac{Y_{Возм}}{\Pi_B} \quad (2).$$

где $\mathcal{E}_{ОВД}^{ВозмY}$ – эффективность деятельности органов внутренних дел, определяемая по уровню возмещенного ущерба от преступлений экономической направленности относительно потерь (недобора налогов) бюджета Российской Федерации из-за ухода бизнеса в тень; $Y_{Возм}$ – возмещенный ущерб от преступлений экономической направленности, – эти показатели будут составлять:

$$\mathcal{E}_{ОВД}^{BY} \leq 0,05; \quad \mathcal{E}_{ОВД}^{ВозмY} \leq 0,025,$$

или не более 5 и не более 2,5 % соответственно.

Аналогичные показатели уровня выявленного и возмещенного ущерба от деятельности преступности экономической направленности относительно масштабов общих потерь национальной экономики от деятельности этой преступности будут значительно (в 3–4 и более раз) меньше.

Одной из основных причин такого положения дел является невысокий профессиональный уровень определенного числа сотрудников подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции.

Все это требует непрерывного совершенствования научного обеспечения оперативно-служебной деятельности профильных подразделений правоохранительных органов на основе укрепления, наращивания и развития их интеллектуальных ресурсов.

Сегодня МВД России имеет сеть научных и образовательных организаций, обеспечивающих в рамках своих возможностей как подготовку кадров в системе непрерывного много-ступенчатого и многоуровневого образования, так и решение вопросов интеллектуализации правоохранительной деятельности.

При этом около 90 % всего научного потенциала МВД России сосредоточено в ведомственных высших образовательных учреждениях. По состоянию на начало 2011 г. научная деятельность в МВД России велась в 23 образовательных учреждениях высшего профессионального образования и 6 научно-исследовательских организациях. Ими ежегодно выполнялось более 3 тыс. научно-исследовательских работ различной направленности.

Решением коллегии МВД России от 28 апреля 2009 г. для развития и совершенствования научного потенциала были определены приоритетные задачи: оптимизация структуры образовательных учреждений и научно-исследовательских организаций; поддержка ведущих научных коллективов и развитие научных школ; проведение фундаментальных исследований стратегического, прогнозного и аналитического характера, вытекающих из стратегических приоритетов по обеспечению национальной безопасности до 2020 г.; максимально полное использование результатов научных исследований в оперативно-служебной деятельности.

В результате реализации указанных мероприятий число ведомственных высших образовательных учреждений сократилось (по состоянию на 1 сентября 2012 г.) до 18**.

В настоящее время профессионально ориентированную основу системы научного обеспечения МВД России организационно представляют федеральное государственное казенное учреждение «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутрен-

* URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/2994866/>

** URL: <http://www.mvd.ru/mvd/structure/unit/education/>

них дел Российской Федерации» (ФГКУ «ВНИИ МВД России»), а также научно-исследовательские подразделения и лаборатории в некоторых высших учебных заведениях (вузах) МВД России. При этом в 2010–2011 гг. общая численность научных работников сокращена примерно на 20 %. В 2013–2014 гг. штат ФГКУ «ВНИИ МВД России» был сокращен еще на 17,2 %, в 2015 г. – опять на 17 %, т. е. за три года – более чем на 54 %.

Указанные организации пока еще располагают определенным потенциалом для подготовки специалистов, научных и научно-педагогических кадров, для осуществления фундаментальных и прикладных исследований в интересах практической деятельности органов внутренних дел в области обеспечения экономической безопасности.

При этом основной задачей научной деятельности в вузах является обеспечение развития учебного (образовательного) процесса и внедрение новейших достижений науки в преподавание кафедральных дисциплин. В основе организации и планирования НИР в вузах, как правило, лежат классификационные основания по блокам кафедральных дисциплин, тематика исследований изначально формируется на кафедре как основной функциональной ячейке вуза, отражает кафедральный перечень дисциплин и обычно не выходит за его рамки. Объективно ориентированные на учебный процесс планы научной деятельности вузов МВД России не в полной мере являются приемлемыми для реализации базового принципа программно-целевого планирования в науке, отраженного в Федеральном законе от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» и «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» [1].

Организационную основу для реализации принципа программно-целевого планирования научно-исследовательской деятельности в МВД России объективно представляет только одна профессионально ориентированная научно-исследовательская организация – ФГКУ «ВНИИ МВД России», для которой характерным и обязательным является выполнение необходимого условия эффективности ее научной деятельности – формирование и выполнение проблемно ориентированных системно организованных ежегодных планов научно-исследовательских работ.

Такие планы отражают все основные системные взаимосвязи тематики исследований в интересах деятельности ОВД в соответствии с логикой и последовательностью этапов выполнения комплексных научных исследований. Совокупность исследований, выполняемых в ФГКУ «ВНИИ МВД России», в том числе поисковой и теоретической направленности, создает научный базис не для единичных, изолированных между собой НИР прикладной направленности, а для всего множества прикладных НИР в целом, поскольку установление жесткой взаимосвязи между конкретными теоретическими и конкретными прикладными НИР является весьма условным.

Анализ гуманитарных разделов ежегодных планов научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации (ПНО), а также результатов выполнения внеплановых НИР, проведенных по обращениям ОВД (в том числе в виде экспресс-исследований), свидетельствует о том, что доля научно-исследовательских работ, выполняемых вузами МВД России непосредственно в интересах практической деятельности правоохранительных органов, не превышает и 40 % от общего объема НИР. При этом, учитывая комплексный характер и системность проводимых исследований, примерно 60 % объема выполняемых работ в интересах ОВД и получаемых практических результатов приходится на ФГКУ «ВНИИ МВД России».

Примерно аналогичное соотношение вклада в научное обеспечение оперативно-служебной деятельности сохраняется и для НИР, выполняемых вузами МВД России по собственным планам научной деятельности.

Для сравнительной оценки вклада одного научного работника ФГКУ «ВНИИ МВД России» и работника из числа профессорско-преподавательского состава (ППС) вузов МВД России в научное обеспечение деятельности ОВД можно использовать понятие «удельный коэффициент участия», или «коэффициент участия» (K) [3].

Тогда, если за единицу принять коэффициент участия в научном обеспечении правоохранительной деятельности одного научного работника ФГКУ «ВНИИ МВД России» ($K_{\text{НИР}}^{\text{НОПД}} = 1$), то коэффициент участия одного работника из числа ППС вузов МВД России может быть определен по формуле:

$$K_{\text{ППС}}^{\text{НОПД}} = K_{\text{НИР}}^{\text{НОПД}} * \frac{\chi_{\text{НИР}}^{\text{ВНИИ}}}{\chi_{\text{ППС}}^{\text{ВУЗ}}} * \frac{D_{\text{НИРПНО}}^{\text{ВУЗ}}}{D_{\text{НИРПНО}}^{\text{ВНИИ}}},$$

где $\chi_{\text{ВНИИ}}^{\text{ВНИИ}}$ – число научных работников ФГКУ «ВНИИ МВД России»; $\chi_{\text{ППС}}^{\text{ВУЗ}}$ – общая численность ППС в вузах МВД России; $D_{\text{НИРПНО}}^{\text{ВНИИ}}$ – доля научно-исследовательских работ в ПНО, выполняемых ФГКУ «ВНИИ МВД России» в интересах практической деятельности правоохранительных органов ($D_{\text{НИРПНО}}^{\text{ВНИИ}} = 0,6$); $D_{\text{НИРПНО}}^{\text{ВУЗ}}$ – доля научно-исследовательских работ в ПНО, выполняемых вузами МВД России в интересах деятельности правоохранительных органов ($D_{\text{НИРПНО}}^{\text{ВУЗ}} = 0,4$).

Приведенные соотношения, с учетом распределения научного потенциала МВД России между вузами и ФГКУ «ВНИИ МВД России» (примерно 9:1), позволяют оценить удельный коэффициент участия ППС в научном обеспечении правоохранительной деятельности ОВД: $K_{\text{ППС}}^{\text{НОД}} = 0,075$, что свидетельствует о превышении в 13–14 раз вклада одного научного сотрудника ФГКУ «ВНИИ МВД России» в научно-исследовательскую деятельность в интересах совершенствования практики ОВД по сравнению с показателями деятельности одного работника из числа ППС вузов МВД России.

Данный вывод подтверждается и нормативами распределения рабочего времени ППС вузов по видам деятельности, установленными Минобрнауки России [2] (примерные усредненные значения приведены в таблице).

**Примерные показатели распределения годового ресурса
рабочего времени работника из числа ППС вуза МВД России**

Наименование показателя	Примерное значение (ч)
Общий годовой ресурс рабочего времени работника из числа ППС, в том числе:	1500
– учебная нагрузка	до 900
– иная нагрузка, в том числе:	600
– учебно-методическая работа	200
– воспитательная работа	200
– научная работа, в том числе:	200
– в интересах учебного процесса	100
– в иных целях, в том числе научное обеспечение деятельности ОВД	100

Следовательно, соотношение ресурса рабочего времени, отведенного на научную деятельность работника из числа ППС вуза МВД России в интересах обеспечения деятельности ОВД, к его общему годовому ресурсу рабочего времени составляет примерно 1:15, что достаточно точно отражает вышеприведенные значения количественных характеристик участия ППС вузов МВД России в выполнении ПНО.

Приведенные соотношения результативности научных сотрудников ВНИИ МВД России и ППС в интересах практики деятельности ОВД ни в коем случае нельзя рассматривать как недостаток в эффективности научной деятельности вузов МВД России, поскольку их основная деятельность объективно связана с профессиональной подготовкой кадров и все их ресурсы, в том числе и научные, ориентированы на обеспечение именно этого вида деятельности.

Указанное обстоятельство в условиях сосредоточенности основного научного потенциала (около 90 %) в высших образовательных организациях МВД России и отсутствия возможностей экстенсивного развития ведомственной науки является серьезным препятствием на пути интеллектуализации правоохранительной деятельности ОВД, включая подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции (ЭБиПК) как основного института ОВД в сфере обеспечения экономической безопасности и борьбы с преступностью экономической направленности.

В таких условиях разрушаются необходимые ключевые предпосылки интенсификации науки на основе системной оптимизации структуры и обеспечения целостности и полноты научных исследований. Кроме того, утрачивается возможность системного осмысливания

предлагаемых научных мероприятий, анализа и выработки на этой основе управленческих решений, обеспечивающих эффективность выполнения НИР, непрерывную актуализацию научных исследований, развитие научных исследований с учетом прогнозных оценок изменения внешней и внутренней обстановки, подготовку научных кадров, сохранение и развитие существующих научных школ, становление новых научных школ и т. д. Поэтому приходится констатировать, что в складывающейся обстановке единственной альтернативой развития прикладной науки является ее деградация, поскольку середины не бывает.

Поддержка научной и информационной инфраструктуры, а также проведение в правоохранительных органах научных исследований обеспечивается федеральным бюджетным финансированием, что в принципе позволяет заложить основы современной инфраструктуры научной работы.

В рамках ведомственных систем научного обеспечения деятельности правоохранительных органов в НИО и вузах имеется определенная материально-техническая база и коллективы высококвалифицированных специалистов для выполнения исследований по отдельным отраслям науки в сфере обеспечения экономической безопасности и противодействия коррупции. От обеспеченности научных исследований материально-техническими ресурсами в большой зависимости находится степень реализации возможностей имеющегося научного потенциала и эффективность научной деятельности. Значение средств труда в развитии науки постоянно возрастает.

По оценкам специалистов, при высоком уровне фондовооруженности результативность труда при проведении теоретических научных исследований оказывается выше в 1,5 раза, в прикладных – в 2 раза. Это связано с тем, что научные коллективы, располагающие большим количеством необходимого оборудования, как правило, используют более современные и сложные методы исследований. Совершенствование методов научных исследований требует и изменения обеспечивающих технических средств. Однако моральное старение технических средств в науке происходит быстрее их физического износа (в 3–4 раза), возникает противоречие, заключающееся в том, что более совершенное научное оборудование требует более энергичного обновления. Разрешение данного противоречия возможно на основе организаций централизованных поставок в научные структуры правоохранительных органов необходимых материально-технических средств.

Однако помимо перечисленных существуют еще и организационно-правовые проблемы интеллектуализации правоохранительной деятельности в сфере экономики.

На основе результатов анализа состояния научного обеспечения правоохранительной деятельности в сфере экономики можно сделать вывод о том, что динамика и масштабы научных исследований далеко не в полной мере отвечают потребностям и потенциальным возможностям правоохранительных органов. Прикладные научные исследования пока отстают от быстро меняющихся практических потребностей правоохранительных органов в области противодействия преступности экономической направленности. К числу основных факторов, сдерживающих интеллектуализацию правоохранительной деятельности и развитие научно-исследовательской деятельности в правоохранительных органах, по нашему мнению, можно отнести:

- а) недостаточный уровень научного потенциала;
- б) отсутствие достаточных условий:
  - для интенсификации науки на основе оптимизации ее структуры и обеспечения целостности и полноты научных исследований;
  - системного осмысливания осуществляемых научных мероприятий и их результатов;
  - анализа и выработки управленческих решений, обеспечивающих эффективность выполнения НИР;
  - непрерывной актуализации научных исследований;
  - развития научных исследований с учетом прогнозных оценок изменения внешней и внутренней обстановки на перспективу;
  - обеспечения требуемых объемов подготовки научных кадров;
  - сохранения существующих и развитие новых научных школ;
- в) невысокий уровень координации и организации работ по выработке и реализации единой научной политики, неразвитость нормативно-правового, теоретико-методологического обеспечения, необходимого для эффективного проведения научных исследований.

В этом смысле правоохранительные органы не являются исключением из общего правила, заключающегося в том, что организации, которые выделяют для проведения прогнозных исследований менее 10 % своих ресурсов, неизбежно обречены на деградацию.

В дополнение к этому можно отметить следующее. Ключевой составляющей интеллектуализации правоохранительной деятельности является научный потенциал правоохранительных органов как обобщенная или интегральная характеристика научных ресурсов, определяемая прежде всего количественно-качественными характеристиками кадрового состава научных работников – носителей научного интеллекта.

Однако сложившаяся система обеспечения МВД России научными кадрами не позволяет удовлетворить кадровые потребности научного обеспечения правоохранительной деятельности, в том числе подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции. Это обусловлено прежде всего малой штатной численностью научных работников и аспирантов (адъюнктов), выделенной для исследования всего комплекса правоохранительных проблем обеспечения экономической безопасности и противодействия коррупции.

Так, например, в ФГКУ «ВНИИ МВД России», по сути ключевой организационной основы научного обеспечения правоохранительной деятельности ОВД, штатная численность подразделения, научная деятельность которого связана с исследованием проблем правоохранительной деятельности подразделений ЭБиПК, составляет примерно 25 человек, или около 1/1000 (0,1 %) от общей численности подразделений ЭБиПК (*далее отношение численности научных работников, задействованных в научном обеспечении деятельности подразделений и служб, к суммарной численности сотрудников этих подразделений будет называться удельной численностью научных работников*).

Если учитывать численность сотрудников системы МВД России, участвующих во всех видах обеспечения деятельности подразделений ЭБиПК, то удельная численность научных работников будет еще меньше и составит не более 0,025 %. Необходимость учета контингента обеспечивающих служб при оценке удельной численности научных работников обусловлена тем, что для реализации системных требований целостности и полноты научно-исследовательской работы в предметную область исследований обязательно должны входить отношения, связанные с обеспечением, в том числе и научным, правоохранительной деятельности подразделений ОВД.

Интеллектуализация правоохранительной деятельности, отраженная в основных направлениях исследований органа исполнительной власти, должна охватывать и эту область производственных отношений в сфере правоохранительной деятельности.

Приведенные соотношения в части оценки удельной численности научных работников для ОВД могут быть скорректированы в сторону увеличения путем учета вклада работников из числа ППС вузов МВД России в научное обеспечение правоохранительной деятельности. Для этого целесообразно использовать понятие **приведенного научного контингента**, определяемого по формуле:

$$\bar{C}_{НК} = C_{НР}^{НИО} + C_{ППС}^{ВУЗ} * K_{ППС}^{НОПД},$$

где $\bar{C}_{НК}$ – численность приведенного научного контингента, участвующего в осуществлении научного обеспечения направления правоохранительной деятельности; $C_{НР}^{НИО}$ – численность научных работников системы научно-исследовательских организаций МВД России, задействованных в осуществлении научного обеспечения направления правоохранительной деятельности; $C_{ППС}^{ВУЗ}$ – численность ППС вузов МВД России, привлекаемого к осуществлению научного обеспечения направления правоохранительной деятельности; $K_{ППС}^{НОПД}$ – относительный коэффициент участия одного работника из числа ППС вузов МВД России в научном обеспечении направления правоохранительной деятельности ($K_{ППС}^{НОПД} \approx 0,075$).

По нашим подсчетам, удельная численность приведенного контингента научных работников, связанных с научным обеспечением правоохранительной деятельности подразделений ЭБиПК, будет составлять порядка 0,04 %, а это исчезающе малая величина.

Аналогичные показатели удельной численности научных работников, задействованных в обеспечении деятельности правоохранительных и фискальных ведомств в развитых зарубежных странах (Великобритания, Франция, Япония, ФРГ), составляют 4–5 %, а в США они достигают 10 % [4].

Для активного привлечения научных кадров в систему научного обеспечения правоохранительной деятельности необходимо решить вопросы материального и морального стимулирования ученых, поднять их статус до уровня не ниже уровня профессорско-препо-

давательского состава ведущих вузов правоохранительных и иных органов исполнительной власти. При этом следует учитывать, что к квалификации научных сотрудников, участвующих в научном обеспечении правоохранительной деятельности, предъявляются высокие, порой нестандартные и уникальные требования – научные сотрудники должны:

- обладать высоким уровнем экономико-правового образования;
- владеть методологией системного анализа и исследования операций в экономике и праве;
- обладать аналитическим мышлением и способностью осуществлять аналитическую разведку в сфере экономики;
- обладать самостоятельностью в принятии важных решений и независимостью.

В заключение следует отметить, что рассматривая методическую основу анализа состояния научного обеспечения правоохранительной деятельности в сфере экономики, мы ограничились масштабами МВД России, тем не менее, изложенные в статье теоретические результаты можно использовать при обсуждении проблемы интеллектуализации деятельности других правоохранительных и иных органов исполнительной власти.

Литература

1. Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р // Собрание законодательства РФ. 2012. № 1. Ст. 216.
2. Примерные нормы времени для расчета объема учебной работы и основные виды учебно-методической, научно-исследовательской и других работ, выполняемых профессорско-преподавательским составом в образовательных учреждениях высшего и дополнительного профессионального образования: инструктивное письмо Министерства образования РФ от 26 июня 2003 г. № 14–55–784ин/15.
3. Мацкевич Р. С., Анищенко В. Н., Анищенко Е. В. Научное обеспечение правоохранительной деятельности в сфере экономики: экономико-правовой аспект: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2014.
4. Смирнов М. П. Зарубежная налоговая и криминальная полиция и их оперативно-розыскная деятельность. М.: АНП, МГУ, ЧеРо, 2000.

УДК 342

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ В РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Виктор Николаевич Бойко, профессор кафедры, доктор юридических наук, профессор;
Константин Геннадьевич Салтыков, доцент кафедры, кандидат юридических наук, доцент
(Дальневосточный юридический институт МВД России)

E-mail: ugpravodvui@mail.ru
saltykov-konst@mail.ru

В статье анализируется проблема становления института государственной правоохранительной службы в условиях преобразования системы правового регулирования служебных отношений. Цели, задачи и приоритеты реформирования службы в органах внутренних дел требуют создания качественно новых механизмов, моделей и структур кадрового обеспечения. Наличие специфических особенностей позволяет отграничить государственную правоохранительную службу не только от гражданской службы, но и от военной службы. Отказ законодателя от принятия единого закона о правоохранительной службе представляется неоправданным.

Ключевые слова: государственная служба; органы внутренних дел; правоохранительная деятельность; система государственной службы; законодательство.

FORMATION OF INSTITUTE OF STATE LAW ENFORCEMENT SERVICES IN RUSSIA IN THE POST-SOVIET PERIOD

Victor Nikolaevich Boyko, chair professor, Doctor of Law, Professor;
Konstantin Gennadyevich Saltykov, chair associate professor, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor
(Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

The article analyzes the problem of formation of Institute of state law enforcement services in the conditions of transformation of the system of legal regulation of service relations. Goals, objectives and priorities of reforming the organs of internal affairs require the creation of qualitatively new mechanisms, patterns of staffing. The presence of specific characteristics allows to distinguish the state law enforcement service, not only from the civil service but the military service. Refusal of the legislator from adopting a single law on judicial service does not look justified.

Keywords: public service; the organs of internal affairs; law enforcement; system of public service; law.

Становление государственности, проведение модернизации аппарата государственного управления неизбежно сопровождаются преобразованием системы государственной службы. На сегодняшний день имеется значительное количество достигнутых правовых результатов и современных устоявшихся мнений по проблемам выделения видов государственной службы. Вместе с тем не утихают споры относительно выявления полноты реализации в России идеи формирования служебного права. По этому поводу можно с сожалением отметить, что не исчезли причины для серьезных разногласий. Сам законодатель не «подвел черту» под такими дискуссиями, отсутствуют проекты новых законов, в которых нашли бы разрешение главные проблемы в понимании соответствующих терминов и принципов [8, с. 8].

Для сохранения России и обеспечения ее будущего необходимо крепкое, демократически организованное государство. Это государство, объединяя всех своих граждан, должно одновременно иметь мобильный, «подъемный» экономически государственный аппарат, способный рационально и эффективно осуществлять функции государственной власти в сфере правоустановления и правоисполнения. Для обеспечения надлежащей деятельности государственного аппарата необходима развитая, отрегулированная по всем параметрам государственная служба. Формирование и развитие института государственной службы Российской Федерации находится в тесной взаимосвязи с основой правовой системы государства – Конституцией России. Не случайно многие авторы в качестве основной идеи своего исследования обозначают то, что государственная служба как публичный социально-правовой институт есть механизм профессионального и нормативно установленного обеспечения реализации Конституции и законов Российской Федерации в интересах граждан, защиты их прав и свобод [4, с. 248].

Проблемы становления государственной службы России нуждаются в фундаментальном переосмыслении, требуется обновление форм и методов ее правового регулирования. При этом необходимо учитывать, что назначение социальных институтов сводится, в общем, к упорядочению сознания и поведения людей, рационализации и повышению социальной эффективности их совместной деятельности. Ценность институтов общества видится в том, что они сохраняют, воспроизводят и развивают общество в историческом масштабе времени. Поэтому в них много от должного, т. е. необходимого, актуального, определяющего для общества; они преодолевают ограниченность человеческой жизни, ставят рамки эгоизму и произволу.

Государственная служба – важнейший институт общества, созданный в ходе его истории и обслуживающий его реалии и интересы. Лица, задействованные на ней, неразрывно связаны с процессом государственного строительства, социальным управлением, государственным строем. История государственно-служебных отношений насчитывает почти три тысячи лет и несет на себе отпечаток многовекового опыта, традиций, исторически передаваемых идей, ценностей, форм регулирования и коррекции различных тенденций развития общества, а также рецепции, результаты которой, как правило, трансформируются под влиянием существующей культуры, национального характера, обычаев и нравов народа.

При этом настоящее и будущее государственной службы Российской Федерации нельзя рассматривать без ретроспективного анализа формирования государственной службы дореволюционной России, а также опыта работы с кадрами в советский период. Такой анализ, на наш взгляд, позволит выявить общие тенденции и особенности прошлого и настоящего в истории данного социально-правового института. Конечно, цели, задачи, назначение, содержание данного института со времени его зарождения и до наших дней менялись, но общая сущность его была в том, что этот институт находился в тесном, органическом единстве с системой государственных органов, которые на практике осуществляют власть и функции государства, поэтому институт государственной службы нельзя рассматривать вне контекста истории развития государства и права, поскольку он имеет прямое к ним отношение.

Решение задач по созданию эффективной государственной службы современной России предполагает учет опыта предыдущих поколений по организации системы и осуществлению полномочий государственной службы, формированию социальной группы служащих государственного аппарата в структуре общества, правовому обеспечению реализации государственно-служебных функций, профессиональной подготовке и повышению квалификации лиц, замещающих должности государственной службы, практике формирования и деятельности эффективной системы органов государственной службы и т. д.

По мнению В. Н. Синюкова, этапность российского права и российской правовой системы лежит как бы в двух измерениях: государственном, отражающем вектор политического развития России в тесной связи с нормотворческой деятельностью власти, и социокультурном, представляющем жизнь права как целостного и самодостаточного культурного организма,

включенного в социальный контекст русской духовной жизни, со всеми ее рациональными и иррациональными, национальными и космополитическими течениями, лишь корректируемыми внешними (политическими) воздействиями [7, с. 82].

Несомненно, значительный интерес как для теории, так и практики дальнейшего строительства института государственной службы представляют: разработка оптимальной модели формирования корпуса государственных служащих; особенности реализации принципа преемственности становления и функционирования института государственной службы как части государственно-правового механизма; вектор основных тенденций и характерные признаки этого института [6, с. 8].

Правовой опыт развития такого государства, как Россия, позволяет большинству исследователей рассматривать институт государственной службы в связи с тремя историко-правовыми периодами: дореволюционным, советским, а также постсоветским, который определяет хронологические границы области фокусирования исследовательского внимания в настоящей работе. В соответствии с этим изучаются и государственно-служебные отношения в полицейских органах царской России, советских правоохранительных органах, органах внутренних дел Российской Федерации. Служба в указанных органах теснейшим образом связана с институтом государственной службы обозначенных периодов [3, с. 13].

Реформирование службы в органах внутренних дел в части определения целей и приоритетов, постановки задач предполагает создание качественно новых механизмов, моделей и структур кадрового обеспечения, организацию слаженной системы и оптимального порядка осуществления работы с кадрами, реализацию комплекса принципов, мер, технологий, позволяющих обеспечить достижение поставленных целей.

В интерпретации А. Н. Бахраха предложение о выделении государственной гражданской службы и государственной милитаризованной службы сочеталось с подразделением последней на военную и военизированную (т. е. обладающую отдельными чертами военной службы, однако таковой не являющейся). Названием «военизированная служба», по мнению указанного автора, охватываются милицейская (в настоящее время полицейская), таможенная, внутренняя служба в системе МВД России, военизированная охрана МПС, горно-спасательная и другие виды службы [1, с. 121; 2, с. 20].

Последнее десятилетие XX в. было озаглавлено появлением в отечественной правовой науке точки зрения, основанной на том, что службе в милиции, прокуратуре, органах уголовно-исполнительной системы, таможенных органах, а также некоторым другим видам службы присуще определенное внутреннее единство.

Развитие института правоохранительной службы в течение следующих лет было довольно сложным и противоречивым. Так, в 2001 г. в Концепции реформирования системы государственной службы Российской Федерации термин «правоохранительная служба» еще не употреблялся, упоминалась лишь служба в правоохранительных органах. При этом Концепция предусматривала правовое регулирование каждого вида государственной службы отдельным федеральным законом.

Понятие правоохранительной службы появилось в Федеральном законе «О системе государственной службы Российской Федерации», где прямо указывалось, что реализация принципов построения и функционирования системы государственной службы обеспечивается федеральными законами о видах государственной службы (ч. 2 ст. 3).

В дальнейшем был разработан проект федерального закона о правоохранительной службе Российской Федерации, но после десятилетия доработок и согласований интересов различных ведомств он так и не был принят.

В то же время были приняты федеральные законы от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (который на тот момент регулировал отдельные вопросы прохождения службы в полиции) и от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 03.07.2016).

В результате трудных, мучительных поисков, столкновения интересов и амбиций в России сложился определенный механизм деятельности государственных органов, новая система государственной службы. Но, несмотря на это, приходится признать, что в законодательстве о государственной службе такого вида службы, как правоохранительная, нет, а имеются иные (помимо гражданской и военной) виды государственной службы, к которым относятся государственная служба в органах внутренних дел, в таможенных органах, в прокуратуре, в Следственном комитете и другие.

Исследование данных видов государственной службы позволяет выделить их наиболее важные общие черты, связанные с целевой направленностью, особым режимом несения службы; повышенным риском осуществления служебной деятельности; наличием права на применение мер административного принуждения; конфиденциальностью [5, с. 12]. Кроме того, содержание прав, обязанностей, требований к служебному поведению, ограничений и запретов является практически одинаковым; правила и основания возникновения служебных отношений (в основном в плане квалификационных требований) отличаются минимально; порядок регулирования служебного времени и времени отдыха, присвоения специальных званий и прохождения аттестации по большей части совпадает; практически одинаково регламентированы вопросы погребения и отдания почестей, а также обеспечения служебной дисциплины.

Указанные особенности позволяют вести речь о принципиальном отличии государственной правоохранительной службы не только от гражданской, но и от военной службы.

Между тем постсоветский период развития России связан с осуществлением законодательной деятельности путем принятия отдельных законодательных актов о службе на правоохранительных должностях в тех или иных правоохранительных органах. Это явилось следствием возобладавшей идеи о том, что государственная служба на должностях, связанных с осуществлением правоохранительной деятельности, требует значительной дифференциации правового регулирования.

Полагаем, что является неоправданным нежелание законодателя принять единый закон о правоохранительной службе (на основе которого можно было бы продолжить нормотворческую работу по уточнению отдельных аспектов прохождения службы в различных правоохранительных органах путем принятия отдельных федеральных законов). Резонным представляется выделение в рамках правоохранительной службы действительно отличающихся друг от друга разных видов государственной службы на основании результатов серьезной аналитической работы, выявления существенных особенностей прохождения государственной службы в различных правоохранительных органах, требующих различного законодательного обеспечения, с дальнейшей разработкой и принятием необходимого комплекса нормативных правовых актов.

Занятая законодателем позиция относительно необходимости разработки и принятия Федерального закона «О государственной правоохранительной службе в Российской Федерации» не повлияла на ситуацию, формирующуюся на уровне подзаконного нормотворчества, при которой в отдельных нормативных документах, принятых в течение последних лет, по-прежнему употребляется термин «правоохранительная служба». Так, в приказе Росстата от 18 февраля 2016 г. № 71 «Об утверждении статистического инструментария для организации Федеральной службой по труду и занятости федерального статистического наблюдения за предоставлением государственных услуг в области содействия занятости населения» выделяется такая категория незанятых граждан, как «граждане, уволенные с правоохранительной службы».

По этим причинам оправданным представляется доктринальное использование термина «правоохранительная служба», который в настоящее время является вполне допустимым, несмотря на то, что законодатель им пренебрегает.

Отметим, что появление новых целей, задач и приоритетов реформирования правоохранительной службы в органах внутренних дел требует разработки качественно новых механизмов, моделей и структур их кадрового обеспечения, организации определенной системы, порядка ведения кадровой работы, реализации комплекса принципов, мер, технологий для достижения поставленных целей.

Таким образом, в настоящее время законодатель не готов продемонстрировать однозначность понимания путей реформирования законодательства, регламентирующего службу в правоохранительных органах; по-видимому, также отсутствует и ясная концепция его развития, которая открыто подменяется лоббированием интересов различных ведомств в этой сфере.

По вопросам, связанным с государственной службой в органах внутренних дел, наиболее аргументированной представляется позиция, отмечающая ее классический правоохранительный характер. В конечном итоге она, как составляющая часть системы государственной службы Российской Федерации, связана с реализацией задач органами внутренних дел, когда исключительно важен уровень правовой регламентации профессиональной деятельности государственных служащих от имени и по поручению государства, в силу своих должностных обязанностей защищающих права и законные интересы граждан, общества и государства.

Литература

1. Бахрах Д. Н. Административное право: учебник. М., 1996.
2. Бахрах Д. Н. Милитаризованная служба России // Российский юридический журнал. 2005. № 1.
3. Бойко В. Н. Сущность и специфические особенности государственной службы в органах внутренних дел Российской Федерации. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2000.
4. Государственная служба Российской Федерации: первые шаги и перспективы / под ред. Г. В. Атаманчука. М.: Изд-во РАГС, 1997.
5. Сергун П. П. Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998.
6. Сергун П. П. Служба в органах внутренних дел: справочник. М.: Новый юрист, 1997.
7. Синюков В. Н. Российская правовая система: введение в общую теорию. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 1994.
8. Стариков Ю. Н. Профессиональное «чиновничество» и служебное право в России: была ли реформа государственной службы и основательны ли сомнения в существовании служебного права? // Административное право и процесс. 2014. № 7.

УДК 342.6

ПРАВОВОЙ АЛГОРИТМ КИНО-, ФОТО- И ВИДЕОСЪЕМКИ ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАБЛЮДАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ МЕСТ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ ГРАЖДАН В СПЕЦУЧРЕЖДЕНИЯХ ПОЛИЦИИ

Артем Николаевич Дерюга, профессор кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, доктор юридических наук, доцент

E-mail: derjuga@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы применения членами общественных наблюдательных комиссий технических средств фото- и видеосъемки в помещениях полиции, предназначенных для принудительного содержания граждан.

Ключевые слова: общественная наблюдательная комиссия; места принудительного содержания граждан; спецприемник; изолятор временного содержания; следственный изолятор.

LEGAL ALGORITHM OF FILM, PHOTO AND VIDEO SHOOTING BY MEMBERS OF PUBLIC MONITORING COMMISSIONS OF PLACES OF COMPULSORY DETENTION OF CITIZENS IN SPECIAL POLICE DEPARTMENTS

Artem Nikolaevich Deryuga, chair professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor

The article deals with the problem of the use of members of the public on-supervisory committees of technical means of photo and video facilities in police intended to force citizens content.

Keywords: public oversight commission; places of forced detention of citizens-tary; detention center; temporary detention; detention facility.

Актуальность общественного контроля в местах ограничения свободы граждан заключается в том, что специфика мест принудительного содержания лиц, в отношении которых принято решение об ограничении свободы, связана с физической изоляцией граждан от внешнего мира. Длительное нахождение и избыточность граждан в таких местах, причины, по которым многие из них туда попали, а также специфичное отношение к ним сотрудников, обеспечивающих режим, способствуют самообразованию негативных процессов, бесконтрольное развитие которых может привести к грубейшим нарушениям прав граждан в местах их изоляции. Поэтому государственные учреждения, в функции которых входит ограничение свободы граждан, не могут быть свободны от контроля со стороны общественных институтов, т. к. именно такая форма контроля способна наиболее объективно обеспечить соблюдение прав и законных интересов граждан, заключенных под стражу. Вместе с тем общественный

контроль должен иметь свои границы, рамки которых не могут нарушить принцип обеспечения должной охраны и безопасности лиц, помещенных в места принудительного содержания.

Анализ правовых актов, регулирующих общественные отношения, непосредственно связанные с исполнением функции МВД по принудительному содержанию граждан, в свете взаимодействия должностных лиц ОВД с членами общественных наблюдательных комиссий (далее – ОНК) по применению кино-, фото- и видеосъемки, указывает на необходимость расширенного толкования ст. 3 Федерального закона от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (далее – Федеральный закон № 76-ФЗ), т. к. ни федеральный закон, ни подзаконный акт не устанавливает каких-либо конкретных прав, ограничений или запретов на применение членами ОНК технических средств в помещениях для принудительного содержания граждан.

Таким образом, возникает необходимость в установлении правовых оснований наличия или отсутствия возможности использовать членами ОНК технических средств фиксации соблюдения режима содержания лиц, помещенных в места принудительного содержания учреждений ОВД, в части касающейся условий пребывания помещенных туда граждан.

Согласно ч. 1 ст. 4 Федерального закона № 76-ФЗ, общественный контроль и содействие лицам, находящимся в местах принудительного содержания, осуществляются на основе принципа приоритета прав человека, что означает возможность расширенного толкования права в части его пробелов в пользу граждан, если это не противоречит действующему законодательству и подзаконным правовым актам. Этот вывод подтверждается ч. 3 ст. 15 Федерального закона № 76-ФЗ, согласно которой ОНК для реализации целей и решения задач вправе участвовать в иной деятельности, не противоречащей настоящему закону, иным федеральным законам.

Согласно ст. 6 Федерального закона № 76-ФЗ, целями и задачами ОНК являются реализация государственной политики в области обеспечения прав человека путем осуществления соответствующего контроля, последующая подготовка решений в форме заключений, предложений и обращений по результатам общественного контроля. В состав таких решений могут войти приложения в форме кино-, фото- и видеосъемки лиц, помещенных в места принудительного содержания, как объективного доказательства контроля со стороны членов ОНК законности, качества соблюдения и защиты прав человека со стороны администрации спецучреждений ОВД.

Прямая юридическая возможность использовать кино-, фото- и видеосъемку в местах принудительного содержания членами ОНК установлена лишь приказом МВД России от 6 марта 2009 г. № 196 «О порядке посещения мест принудительного содержания органов внутренних дел Российской Федерации членами общественных наблюдательных комиссий» (далее – приказ МВД России № 196) и только в отношении помещенных туда лиц. Это возможно в отношении:

- несовершеннолетних, с согласия его законных представителей и самого несовершеннолетнего (п. 9.1 приказа МВД России № 196);
- лиц, арестованных в административном порядке, с разрешения должностного лица территориального органа МВД России и согласия в письменной форме самого лица, находящегося в месте принудительного содержания (п. 9.2 приказа МВД России № 196);
- лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления, с разрешения должностного лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, и согласия в письменной форме самого лица, находящегося в месте принудительного содержания (п. 9.3 приказа МВД России № 196).

Однако в данном перечне отсутствует возможность кино-, фото- и видеосъемки в отношении лиц, помещенных в специальные помещения дежурных частей ОВД, предназначенных для задержания, за совершение административного правонарушения. Такие граждане не попадают ни под одну из вышеперечисленных категорий лиц, но при этом могут находиться в таких помещениях до 48 часов, например, в связи с вероятным решением суда о применении административного ареста в качестве наказания за совершение административного правонарушения.

Вместе с тем, схожая правовая природа таких лиц и лиц, указанных в п. 9.2 приказа МВД России № 196, предполагает аналогичный механизм использования кино-, фото- и видеосъемки, т. е. с разрешения должностного лица территориального органа МВД России и согласия в письменной форме самого лица, находящегося в месте принудительного содержания.

Необходимо учесть также то, что места принудительного содержания являются специализированными учреждениями ОВД с особым внутренним режимом. Следовательно, пред-

усмотренное право членов ОНК осуществлять кино-, фото- и видеосъемку не является произвольным и не носит безусловный характер, а реализуется исключительно при строгом соблюдении требований, установленных п. 9 приказа МВД России № 196.

Этот вывод имеет важнейшее значение при исследовании вопроса о возможности применения членами ОНК кино-, фото- и видеосъемки, других технических устройств, например, фиксирующих температуру и влажность воздуха или степень освещенности мест принудительного содержания в спецучреждениях ОВД, разрешение которого видится в использовании условий, указанных в п. 9 приказа МВД России № 196, т. е. с разрешения администрации спецучреждения ОВД, разумеется, без учета мнения лиц, помещенных в места принудительного содержания.

Подчеркивая действие особого режима в спецучреждениях ОВД, а также ч. 4 ст. 15 Федерального закона № 76-ФЗ, согласно которой ОНК уведомляет территориальные органы МВД России о планируемом посещении мест принудительного содержания с указанием места и даты их посещения, можно сделать вывод о том, что ОНК вместе с таким уведомлением обязана указать виды технических устройств, которые предполагают использовать члены ОНК.

Предварительное согласование на возможное использование технических устройств при посещении мест принудительного содержания не нарушает прав ОНК, а направлено на исключение конфликтных ситуаций между членами ОНК и администрацией спецучреждений ОВД.

Целью процедуры предварительного согласования, с одной стороны, является определение степени готовности администрации спецучреждения ОВД организовать работу членов ОНК так, чтобы использование ими технических устройств, в том числе для кино-, фото- и видеосъемки мест принудительного содержания граждан, не повлияло на уровень безопасности объектов, обеспечивающих безопасность и охрану помещенных туда лиц. С другой стороны, таким уведомлением снимается вопрос об информированности руководства территориального органа МВД России о намерении членов ОНК использовать технические устройства для кино-, фото- и видеосъемки, формируя более уверенную позицию должностных лиц ОВД мест принудительного содержания о допуске к такому действию членов ОНК.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что члены ОНК могут проносить и использовать технические устройства в местах принудительного содержания, предварительно уведомив об этом территориальные органы МВД России и получив согласие администрации спецучреждения ОВД.

Таким образом, возникает вопрос: какие основания есть у администрации спецучреждений ОВД для отказа членам ОНК пронести и использовать технические устройства, фиксирующие состояние объектов, обеспечивающих безопасность и охрану лиц, помещенных в места принудительного содержания?

Одной из основных причин запрета проносить и использовать технические устройства кино-, фото- и видеосъемки мест принудительного содержания граждан является неуверенность администрации соответствующих спецучреждений ОВД в знании того, какие конкретно объекты их учреждения нельзя снимать. Эта неопределенность вытекает из правового вакуума, который оставляет нераскрытым вопрос о том, распространение информации о каких объектах мест принудительного содержания граждан может снизить безопасность и надежность охраны помещенных туда лиц.

Ответ на этот вопрос следует искать из определения цели посещения спецучреждений ОВД членами ОНК – контроль обеспечения прав человека в местах принудительного содержания. Эти права являются частью режима безопасности и охраны лиц, помещенных в места принудительного содержания. К ним можно отнести соблюдение надлежащего качества питания и условий приема пищи, других санитарных правил, правил противопожарной безопасности и т. п. Очевидно, существуют и другие правила, соблюдение которых направлено на обеспечение безопасности таких лиц от внешних угроз, например, физической расправы заинтересованных лиц, или наоборот, от угроз, исходящих от них самих (например, побег или членовредительство). Однако соблюдение этих правил не входит в круг прав лиц, помещенных в места принудительного содержания, а значит, они не могут стать предметом контроля со стороны членов ОНК.

Следовательно, объекты спецучреждения ОВД, которые используются как помещения для принудительного содержания, могут быть зафиксированы на кино-, фото- и видеопленку членами ОНК лишь в тех местах, назначение которых связано с обеспечением прав граждан, но не всего режима безопасности и охраны лиц в спецучреждении ОВД.

Круг таких мест небольшой, но для более надежного обеспечения режима мест принудительного содержания целесообразно в каждом конкретном спецучреждении ОВД сформировать свой перечень объектов и условий их съемки, разрешенной членам ОНК.

При наличии у двух и более членов ОНК технических устройств, позволяющих вести кино-, фото- и видеосъемку, соответствующие технические устройства необходимо изъять, оставив на выбор членов ОНК лишь одно из них. С одной стороны, наличие даже одного такого технического устройства способно максимально полно обеспечить право на объективно-визуальный контроль соблюдения прав лиц, помещенных в места принудительного содержания, с другой стороны, дает возможность сопровождающим должностным лицам ОВД полноценно контролировать безопасность съемки.

Кроме того, учитывая невозможность оперативного контроля отснятого материала на фото-, кинопленку, соответствующие технические устройства использовать запрещено.

Другой причиной запрета кино-, фото- и видеосъемки мест принудительного содержания граждан является неуверенность администрации спецучреждения ОВД в том, что они могут организовать работу членов ОНК так, чтобы гарантированно не допустить съемку ими тех объектов, распространение визуальной информации о которых может снизить безопасность и надежность охраны лиц, помещенных в места принудительного содержания. Какие действия без нарушения закона необходимо произвести должностным лицам ОВД для исключения съемки соответствующих объектов и выноса информации о них за пределы спецучреждения ОВД?

Согласно ст. 18 Федерального закона № 76-ФЗ и п. 4 приказа МВД России № 196, в целях обеспечения работы ОНК администрация места принудительного содержания назначает должностных лиц ОВД, обеспечивающих сопровождение и безопасность членов ОНК во время посещения мест принудительного содержания, с одновременной подготовкой их к возможности использования членами ОНК технических устройств, указанных в уведомлении.

Такая подготовка осуществляется путем дополнительного инструктажа должностных лиц мест принудительного содержания ОВД, назначенных для сопровождения членов ОНК, о правилах и тактике поведения, в случае использования членами ОНК технических устройств кино-, фото- и видеосъемки.

В целях соблюдения баланса прав и обязанностей членов ОНК в связи с намерением использовать технические устройства кино-, фото- и видеосъемки, руководители или иные лица из числа администрации мест принудительного содержания ОВД обязаны разъяснить членам ОНК, в каких местах не запрещено использовать технические устройства кино-, фото- и видеосъемки, а также какие ограничения при этом существуют. Следует предупредить членов ОНК о том, что в процессе наблюдения мест принудительного содержания граждан использование технических устройств кино-, фото- и видеосъемки возможно только после соответствующего разрешения на это сопровождающих их должностных лиц ОВД, а также о том, что съемка должна быть прекращена по первому требованию указанных должностных лиц.

В целях недопущения скрытой замены устройств хранения информации фото- и видеозаписывающих устройств какие-либо манипуляции с техникой должны также носить открытый и понятный для сопровождающего должностного лица ОВД характер. В этом случае извлеченное устройство хранения информации, вне зависимости от того, записывалась информация на него или нет, целесообразно потребовать отдать на хранение сопровождающему должностному лицу ОВД.

Ожидаемый протест членов ОНК на такие требования необходимо предупредить путем тактичного объяснения причин возможного ограничения кино-, фото- и видеосъемки. Такие ограничения, в случае их строгого соблюдения, скорее, наоборот, дают возможность должностным лицам мест принудительного содержания ОВД помочь членам ОНК реализовать право на использование технических устройств. Добиться осознаваемого членами ОНК компромисса – главная цель вышеуказанных действий должностных лиц ОВД.

Дополнительной гарантией безопасности и охраны лиц, помещенных в места принудительного содержания, является последующий просмотр должностными лицами ОВД отснятого членами ОНК материала. Необходимость в этом возникает в силу многочисленных субъективных факторов, которые могут повлиять на использование технических устройств с нарушением правил их использования. Предугадать и своевременно нейтрализовать их чрезвычайно сложно. В этом смысле вовремя не выключенная видеокамера, случайно попавший в кадр запрещенный для съемки объект могут стать причиной угрозы безопасности и охраны лиц, помещенных в места принудительного содержания.

В связи с этим, а также в целях предупреждения умышленного использования технических устройств с нарушением установленных правил должностные лица мест принудительного содержания должны предупредить членов ОНК о последующем просмотре отснятого материала для недопущения случайно или намеренно попавших в кадр объектов, распростране-

ние информации о которых может угрожать безопасности и охране лиц, помещенных в места принудительного содержания.

Руководитель спецучреждения ОВД или лицо, его заменяющее, в присутствии членов ОНК просматривают и оценивают фото-, видеоматериалы на предмет исключения попавших в кадр объектов, распространение которых угрожает безопасности и охране лиц, помещенных в места принудительного содержания. В случае обнаружения таких кадров, файл соответствующего фотокадра удаляется, видеоролик удаляется целиком.

Эту и другую информацию до членов ОНК доводят начальники места принудительного содержания ОВД или лицо, которому поручено сопровождать комиссию при посещении.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что предложенный алгоритм действий сотрудников ОВД сможет помочь установить баланс между открытостью и безопасностью мест принудительного содержания граждан, выработать единообразные действия сотрудников полиции при посещении членами ОНК соответствующих спецучреждений ОВД с использованием технических средств, в том числе кино-, фото- и видеосъемки.

Это может способствовать снижению возникшей напряженности между полицией и членами ОНК по поводу использования последними технических устройств для кино-, фото- и видеосъемки спецучреждений ОВД.

Литература

1. Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания: федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 27. Ст. 3416.
2. О порядке посещения мест принудительного содержания органов внутренних дел Российской Федерации членами общественных наблюдательных комиссий: приказ МВД России от 6 марта 2009 г. № 196 // Российская газета. 2009. 24 апреля.

УДК 342.9

О ПРОБЕЛАХ В НОРМАТИВНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ АВИАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Артем Андреевич Разувакин, адъюнкт;

Надежда Михайловна Тюкалова, начальник кафедры, кандидат юридических наук, доцент (Дальневосточный юридический институт МВД России)

E-mail: artrazuvakin@gmail.com
n.tyukalova@mail.ru

В статье анализируется действующее международное и отечественное законодательство, регулирующие вопросы обеспечения авиационной безопасности в Российской Федерации. Рассмотрены существующие пробелы в правовом регулировании взаимодействия субъектов обеспечения безопасности, предлагаются пути устранения пробельности.

Ключевые слова: воздушный транспорт; обеспечение авиационной безопасности; органы внутренних дел на транспорте; нормативно-правовое регулирование.

GAPS IN THE NORMATIVE LEGAL REGULATION OF THE AVIATION SECURITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Artem Andreevich Razuvakin, post graduate;

Nadezhda Mikhailovna Tyukalova, chair head, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor (Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

The article analyzes the current international and domestic legislation governing aviation security in the Russian Federation. The existing gaps in the legal regulation of interaction between the subjects of security are given. According to the results of research the authors suggest the ways to solve them.

Keywords: air transport; aviation security; the interior bodies; normative-legal regulation.

Расширение транспортной отрасли, стремительное развитие сегмента пассажирских перевозок становятся повседневной нормой современной транспортной инфраструктуры. На передний план выдвигается вопрос обеспечения качества предоставляемых услуг при экспоненциальном росте объема перевозок. Усложнение инфраструктуры неминуемо ведет к увеличению рисков и потенциальных угроз. Поэтому одной из главных задач государства на современном этапе выступает защита транспортного комплекса от непредвиденных ситуаций.

На вопросы обеспечения безопасности обращали внимание многие исследователи [6; 7; 9; 10]. Действительно, деятельность государственных органов по созданию и поддержанию безопасной среды способствует стремительному экономическому и социальному развитию общества, создает условия для бесперебойного функционирования всех систем жизнеобеспечения. Игнорирование вопросов обеспечения безопасности ставит под угрозу развитие и существование общества. Как верно отметил Уинстон Черчилль, «за безопасность необходимо платить, а за ее отсутствие расплачиваться»*.

Одной из главных проблем, возникающих при интенсификации транспортной инфраструктуры, является проблема обеспечения безопасности.

В вопросах обеспечения транспортной безопасности фундаментальным нормативно-правовым актом в Российской Федерации является Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. «О транспортной безопасности». Согласно ст. 1 данного закона, транспортная безопасность – «это состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства», а под актом незаконного вмешательства понимается «противоправное действие (бездействие), в том числе террористический акт, угрожающее безопасной деятельности транспортного комплекса, повлекшее за собой причинение вреда жизни и здоровью людей, материальный ущерб либо создавшее угрозу наступления таких последствий» [1].

Таким образом, законодатель причисляет к транспортной безопасности состояние защищенности объектов от любых противоправных посягательств, к которым относятся административные правонарушения и преступления.

В настоящее время Российская Федерация стремится улучшить эффективность транспортной безопасности на макро- и микроуровнях. Так, в транспортной стратегии Российской Федерации указано, что одним из приоритетных направлений развития является «повышение уровня безопасности транспортной системы» [3].

Бесспорно, государство обязано стремиться к обеспечению наивысшего уровня защищенности объектов транспорта. Вместе с тем сегодня остро стоит проблема обеспечения безопасности воздушных перевозок.

Согласно сведениям, представленным Межгосударственным авиационным комитетом, в 2015 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 41 авиационное происшествие, число погибших составило 60 человек, в 2014 г. – 38 происшествий и 70 погибших. Аналогичное количество происшествий зарегистрировано в 2011 г.

Если проанализировать количество авиационных происшествий в России и количество погибших за период с 2006 по 2015 г., то можно наблюдать положительную динамику уменьшения жертв при росте авиационных происшествий, не повлекших гибель людей.

Также Межгосударственным авиационным комитетом резюмируется, что 70 % авиационных происшествий, зафиксированных в 2015 г., обусловлены человеческим фактором, 24 % – отказами (неисправностями) техники, 6 % – неблагоприятным внешним воздействием** URL: <http://www.ato.ru/content/avariynost-v-rossiyskoy-grazhdanskoy-aviacii-vyroslo-doma-ksumuma-za-pyat-let> (дата обращения: 20.02.2017)..

Таким образом, жизнь и здоровье граждан напрямую зависят от гармонично слаженной и структурированной системы. В связи с этим построение эффективной системы обеспечения безопасности полетов является первостепенной задачей государственных органов.

В части 4 ст. 15 Конституции РФ закреплено, что международные договоры и международное законодательство являются составной частью российской правовой системы. Принимая на себя обязательство по соблюдению норм международного права, Российская Федерация ратифицировала ряд договоров и конвенций в области обеспечения безопасности гражданской авиации. Одним из таких документов является Руководство по управлению

* URL: <http://sos-ru.info/aforizmy-i-vyiskazyvaniya-o-bezopasnosti.html> (дата обращения: 20.02.2017).

** URL: <http://www.ato.ru/content/avariynost-v-rossiyskoy-grazhdanskoy-aviacii-vyroslo-doma-ksumuma-za-pyat-let> (дата обращения: 20.02.2017).

безопасностью полетов (далее – Руководство), утвержденное Международной организацией гражданской авиации [11]. Согласно данному документу, система гражданской авиации строится по модульному принципу и состоит из следующих элементов:

- а) процедуры (процедуры, обучение, средства обеспечения и т. д.);
- б) объект (машины и оборудование);
- в) среда (эксплуатационные условия, в которых должны функционировать остальные компоненты системы);
- г) субъект (люди на рабочих местах).

Данная система получила название SHELL, согласно первым буквам элементов, входящих в ее структуру. Наиболее важным в данной схеме представляется взаимодействие «субъект – субъект». Оно наглядно демонстрирует взаимодействие человека с другими лицами в процессе деятельности. И хотя данная структура предусматривает взаимодействие между членами летного экипажа, диспетчерами, инженерами и иным обслуживающим персоналом, нам представляется возможным применить указанную модель на сегмент взаимодействия субъектов обеспечения авиационной безопасности. Подобная экстраполяция позволит разглядеть проблемы в вопросах совместного выполнения субъектами возложенных на них функций и найти рациональные способы их решения.

В статье 83 Воздушного кодекса РФ (ВК РФ) законодатель закрепил дефиницию авиационной безопасности, под которой следует понимать «состояние защищенности авиации от незаконного вмешательства в деятельность в области авиации». На наш взгляд, указанное определение не в полной мере раскрывает такое явление, как безопасность. Исходя из представленного определения, основной характеристикой безопасности является защищенность. Защищенность – это относительное понятие, характеризующееся высоким и низким уровнями. Представленная дефиниция не учитывает указанные параметры, поэтому не вполне ясно, о какой именно защищенности законодатель ведет речь.

Для разрешения поставленной проблемы следует обратиться к международным документам. Согласно ст. 2.1 Руководства, безопасность (применительно к авиации) – это «состояние, при котором возможность причинения ущерба лицам или имуществу снижена до приемлемого уровня и поддерживается на этом или более низком уровне посредством постоянного процесса выявления опасных факторов и управления факторами риска для безопасности полетов». Из данного определения видно, что понятия «авиационная безопасность» и «безопасность полетов» онтологически взаимообусловлены, т. е. конкретной целью авиационной безопасности является безопасность полетов.

В главе 1 приложения 19 к Конвенции о международной гражданской авиации раскрывается понятие «безопасность полетов», под ним понимается «состояние, при котором риски, связанные с авиационной деятельностью, относящейся к эксплуатации воздушных судов или непосредственно обеспечивающей такую эксплуатацию, снижены до приемлемого уровня и контролируются» [12].

Таким образом, при сравнительном анализе двух вышеуказанных понятий, прослеживается тесная взаимосвязь. Ввиду этого актуальной представляется формулировка, предложенная Б. В. Зубковым и С. Е. Прозоровым. По их мнению, под безопасностью полетов необходимо понимать «комплексную характеристику, определяющую состояние приемлемого уровня риска причинения вреда жизни и здоровью людей или нанесения ущерба авиационному имуществу при выполнении воздушных перевозок и/или авиационных работ» [7, с. 7]. При этом уточняется, что указанное определение было разработано на основе заимствований из Руководства по управлению безопасностью полетов.

Также небезынтересно следующее определение термина «безопасность полетов». Под безопасностью полетов понимается «комплексная характеристика воздушного транспорта и авиационных работ, определяющая способность выполнять полеты без угрозы для жизни и здоровья людей» [9, с. 122–131]. Однако здесь нивелируется человеческий фактор, ведь верно подмечено авторами Руководства, «никакая деятельность человека или созданная им система не гарантирована от полного отсутствия эксплуатационных ошибок и их последствий» [11]. В связи с этим выполнение полетов без угроз для жизни и здоровья людей априори является недостижимым результатом.

По нашему мнению, понятие «авиационная безопасность» следует изложить следующим образом: «это состояние, при котором риски причинения вреда лицам или имуществу снижены до предельно низкого уровня и поддерживаются на этом уровне посредством деятельности уполномоченных органов по предупреждению и пресечению опасных факторов

и управления факторами риска для безопасности полетов». На наш взгляд, целесообразно привести ч. 1 ст. 83 ВК РФ в соответствии с указанным определением.

Рассмотрение вопроса обеспечения авиационной безопасности невозможно без анализа деятельности субъектов.

В части 2 ст. 83 ВК РФ указывается, что обеспечение авиационной безопасности осуществляется:

- службами авиационной безопасности аэродромов или аэропортов (САБ);
- подразделениями ведомственной охраны федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в области транспорта;
- органами внутренних дел (ОВД);
- уполномоченными органами, наделенными этим правом федеральными законами, например, ФСБ России [2].

Необходимо учитывать, что авиационная безопасность – категория универсальная. Для ее обеспечения на должностных лиц уполномоченных органов возлагается достаточное количество функций. Согласно ч. 1 ст. 84 ВК РФ, обеспечение авиационной безопасности осуществляется посредством:

- «1) предотвращения доступа посторонних лиц и транспортных средств в контролируемую зону аэропорта или аэродрома;
- 2) охраны воздушных судов на стоянках в целях исключения возможности проникновения на воздушные суда посторонних лиц;
- 3) исключения возможности незаконного провоза на воздушном судне оружия, боеприпасов, взрывчатых, радиоактивных, отравляющих, легковоспламеняющихся веществ и других опасных предметов и веществ и введения особых мер предосторожности при разрешении их провоза;
- 4) предполетного досмотра, а также послеполетного досмотра в случае его проведения в соответствии с Федеральным законом «О полиции»;
- 5) реализации мер противодействия актам незаконного вмешательства в деятельность в области авиации и иных мер, в том числе мер, осуществляемых с участием правоохранительных органов;
- 6) исключения возможности несанкционированного доступа посторонних лиц к беспилотным авиационным системам».

Деятельность органов по реализации возложенных функций затруднена ввиду наличия большого числа некоррелирующихся нормативно-правовых актов в области обеспечения авиационной безопасности. Отсутствие единого систематизированного нормативно-правового акта порождает на практике следующие казуальные ситуации:

- отсутствие механизма взаимодействия между органами;
- дублирование функций;
- отсутствие разделения сфер юридической ответственности;
- выполнение «несвойственных» задач;
- разрозненность действий.

На необходимость систематизации нормативных правовых актов различных отраслей права (административного, гражданского, налогового) в области организации воздушного движения указывал В. В. Комаров. По его мнению, «принятые в последнее время нормативные правовые акты не вполне структурируют обязанности тех или иных субъектов обеспечения безопасности на воздушном транспорте, что и порождает споры» [8, с. 203].

На практике ситуация выглядит весьма неоднозначно. Органы, обеспечивающие авиационную безопасность, за исключением САБ аэропорта, имеют различную ведомственную принадлежность и не подчинены администрации аэропортов (аэродромов). Это становится причиной принятия административных решений каждым органом в отдельности, приводящих к конфликту интересов, «перекалывания» ответственности и др.

Проблема отсутствия механизма взаимодействия между органами наиболее ярко проявляется между САБ аэропорта и ОВД на воздушном транспорте.

Основу деятельности ОВД на воздушном транспорте составляет Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», в ч. 5 ст. 12 которого закреплена обязанность сотрудников ОВД по обеспечению безопасности граждан и общественного порядка в аэропортах. Также указанный закон в п. 25 ч. 1 ст. 13 наделяет полицейского правом «требовать от граждан соблюдения пропускного и внутриобъектового режимов на охраняемых полицией объектах; осуществлять досмотр и (или) осмотр граждан, осмотр находящихся при них вещей,

досмотр и (или) осмотр транспортных средств при въезде на охраняемые объекты и выезде с охраняемых объектов». В целях реализации предоставленного права, в структуре линейных управлений и отделов МВД России на воздушном транспорте созданы подразделения по досмотру. Должностной регламент наделяет инспекторов по досмотру правом по проведению досмотра пассажиров, багажа, ручной клади и обеспечению режима пропуска в аэропортах.

В приказе Минтранса России от 25 июля 2007 г. № 104 «Об утверждении правил проведения предполетного и послеполетного досмотров» был закреплён порядок участия ОВД на транспорте при проведении досмотровых мероприятий совместно с САБ аэропорта (эксплуатанта).

Указанное положение противоречило ч. 3 ст. 15 Федерального закона «О полиции», в соответствии с которым «порядок реализации прав, предоставленных полиции, если он не является предметом регулирования федеральных законов, нормативных правовых актов Президента Российской Федерации или нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации, определяется федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел (МВД России)». Приказом Министерства транспорта России от 23 июля 2015 г. № 227 в названный выше приказ были внесены изменения, которые отстранили ОВД от участия в досмотровых мероприятиях и элиминировали существующее противоречие [4].

Вместе с тем проблема выработки механизма проведения досмотра полицейским в рамках обеспечения авиационной безопасности осталась неразрешенной. В настоящее время нормативный правовой акт, регламентирующий порядок применения досмотровых мероприятий сотрудниками полиции, отсутствует. Данное упущение на практике порождает дублирование полицией функций САБ аэропорта по досмотру [5]. Это, в свою очередь, ведет к двойному контролю, создавая почву для нерационального и неэффективного использования сил и средств полиции.

По нашему мнению, назрела необходимость совершенствования деятельности полиции в сфере обеспечения авиационной безопасности путем подготовки проекта совместного приказа МВД России и Министерства транспорта России, регламентирующего границы юрисдикции полиции и САБ аэропорта; устанавливающего порядок взаимодействия между службами; закрепляющего за САБ аэропорта обязанность по досмотру и привлечения, при необходимости, сотрудников полиции к участию в досмотре и т. д. Как верно отмечает В. В. Комаров, «совершенствование деятельности органов внутренних дел на транспорте объективно требует четкого правового опосредствования, поскольку в правовом государстве, каковым объявила себя Россия, любая идея повышения качества работы государственного органа или организации, не подкрепленная правом, теряет всякий смысл» [8, с. 201].

Эффективность по обеспечению авиационной безопасности складывается из нескольких элементов, основным из которых является слаженность и последовательность действий субъектов обеспечения безопасности.

Специфика авиационной безопасности базируется на участии в ее обеспечении как правоохранительных органов, так и лиц, осуществляющих эксплуатацию аэропортов и авиапредприятий. В существующей системе авиационной безопасности наблюдается разрозненность в понимании вопроса о разделении юрисдикции между государственными органами и представителями бизнеса, что приводит к недостаточному использованию публично-частного партнерства и нередко к трагическим последствиям.

Процедуры взаимодействия в вопросах обеспечения безопасности, в том числе на объектах транспортной инфраструктуры, должны иметь четкое закрепление в соответствующих нормативно-правовых актах. Отсутствие четко регламентированного взаимодействия между субъектами обеспечения безопасности (на примере ОВД на транспорте и САБ аэропорта) снижает эффективность их деятельности и создает угрозу противоправных посягательств на объекты транспортной инфраструктуры.

Существующие пробелы в нормативно-правовом регулировании требуют должного осмысления и необходимости принятия эффективных мер по их устранению на законодательном уровне.

Литература

1. О транспортной безопасности: федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 837.
2. О федеральной службе безопасности: федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 15. Ст. 1269.

3. О Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 22 ноября 2008 г. № 1734-р // Собрание законодательства РФ. 2008. № 50. Ст. 5977.
4. Об утверждении Правил проведения досмотра, дополнительного досмотра, повторного досмотра в целях обеспечения транспортной безопасности: приказ Минтранса России от 23 июля 2015 г. № 227. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. О введении в действие Типового положения о службе авиационной безопасности аэропорта: приказ Минтранса РФ от 17 октября 1994 г. № 76. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Букреев В. А. Особенности физической защиты объектов морского, речного и воздушного транспорта, искусственных сооружений на автомобильных дорогах в современных условиях // Транспортная безопасность и технологии. 2010. № 3.
7. Зубков Б. В., Прозоров С. Е. Безопасность полетов: учебник. Ульяновск: УВАУ(И), 2013.
8. Комаров В. В. Правовые вопросы обеспечения безопасности на объектах воздушного транспорта // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 3.
9. Масленников А. Г., Грабовых С. В., Головачук В. М. Авиационная безопасность. Краснодар, 2014.
10. Проценко С. В. Угрозы транспортной безопасности Российской Федерации // Российская юстиция. 2010. № 8.
11. Руководство по управлению безопасностью полетов: Doc. 9859AN/474 ICAO. 2-е изд. Монреаль: ICAO, 2009. URL: http://www.scac.ru/ru/wp-content/uploads/2016/DOC_9859_3.pdf (дата обращения: 20.02.2017).
12. Управление безопасностью полетов: международные стандарты и рекомендуемая практика. Приняты советом ИКАО 25 февраля 2013 г. URL: http://www.aviasafety.ru/wp-content/files/icao/an19_cons_ru.pdf (дата обращения 20.02.2017).

УДК 34.03

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Татьяна Юрьевна Прохорова, заместитель начальника отдела Управления правовой информации Договорно-правового департамента МВД России

E-mail: ekuk@bk.ru

В статье проанализированы некоторые проблемные аспекты нормативно-правового регулирования персональных данных в контексте обеспечения их защиты. Рассмотрена проблема формальной неопределенности понятия «персональные данные», а также сформулированы рекомендации по нормативно-правовому регулированию создания и ведения в открытом доступе содержащих персональные данные списков, перечней и иных форм информации о лицах в деятельности органов внутренних дел.

Ключевые слова: защита персональных данных; обработка персональных данных; обеспечение безопасности персональных данных; персональные данные.

SOME ASPECTS OF LEGAL REGULATION OF PROTECTION OF PERSONAL DATA PROTECTION

Tatyana Yurievna Prokhorova, deputy head of the Department of legal information of the legal and Treaty Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article will be given some of the problematic aspects of normative legal regulation of personal data in the context of ensuring their protection. Consider the problem of uncertainty of the definition of «personal data» and ensure the confidentiality of such information.

Keywords: personal data protection; processing of personal data; security of personal data; personal data.

Право человека на конфиденциальность своих персональных данных является одним из конституционных прав. Так, ст. 23 Конституции РФ устанавливает право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Также гарантируется право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; ограничение этого права допускается только на основании судебного решения. Положения ст. 24 Конституции

РФ обеспечивают защиту путем прямого запрета на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия.

Соблюдение режима конфиденциальности персональных данных – важный способ обеспечения их защиты.

Признавая право человека на конфиденциальность своих персональных данных, в течение последних десяти лет в России разработана совокупность нормативных правовых актов, направленных на защиту персональных данных человека. В числе первых был принят базовый Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Федеральный закон № 152-ФЗ) [1], интегрировавший в российскую правовую систему международные дефиниции в области защиты персональных данных. Его основной целью являлось создание общих унифицированных требований к сбору и обработке (хранение, актуализация, использование, раскрытие и предоставление) персональных данных физических лиц (субъектов персональных данных) во всех сферах, где используются персональные данные.

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» создал необходимую правовую основу для реализации конституционных прав граждан, защиты общественных и государственных интересов в сфере использования современных информационных технологий, в том числе в контексте соблюдения прав субъектов персональных данных. Так, например, был установлен порядок ограничения доступа к информации, обрабатываемой с нарушением законодательства Российской Федерации в области персональных данных (ст. 15.5).

Кроме того, приведена в соответствие с требованиями Федерального закона № 152-ФЗ глава 14 Трудового кодекса Российской Федерации, регламентирующая защиту персональных данных работника.

Также разработаны и утверждены необходимые подзаконные акты. К их числу относятся постановления Правительства Российской Федерации от 6 июля 2008 г. № 512 «Об утверждении требований к материальным носителям биометрических персональных данных и технологиям хранения таких данных вне информационных систем персональных данных», от 15 сентября 2008 г. № 687 «Об утверждении Положения об особенностях обработки персональных данных, осуществляемой без использования средств автоматизации», от 4 марта 2010 г. № 125 «О Перечне персональных данных, записываемых на электронные носители информации, содержащиеся в основных документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, по которым граждане Российской Федерации осуществляют выезд из Российской Федерации и въезд в Российскую Федерацию», от 1 ноября 2012 г. № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных».

В свою очередь, ФСБ России и ФСТЭК России, как уполномоченные федеральные органы исполнительной власти, своими приказами регламентировали состав и содержание организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных с использованием средств криптографической защиты информации, необходимых для выполнения установленных Правительством Российской Федерации требований к защите персональных данных для каждого из уровней защищенности [4; 5].

В МВД России, в пределах компетенции, также разработаны ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы защиты персональных данных. Основополагающим документом в этой области можно считать приказ МВД России от 6 июля 2012 г. № 678 «Об утверждении Инструкции по организации защиты персональных данных, содержащихся в информационных системах органов внутренних дел Российской Федерации».

Эти акты в той или иной степени направлены на урегулирование способов и методов обеспечения защиты персональных данных, механизмов реализации непосредственно мероприятий по такой защите, различных технологий и процедур, позволяющих не допустить «утечку» персональных данных.

Однако защита персональных данных не ограничивается разработкой и утверждением способов и методов, которыми ее можно обеспечить. Наличие спорных и неоднозначных норм в Федеральном законе № 152-ФЗ является проблемой и влияет на защищенность персональных данных в глобальном контексте.

В связи с этим целесообразно остановиться на анализе формулировки п. 1 ст. 3 Федерального закона № 152-ФЗ. Указанная норма устанавливает понятие персональных дан-

ных. Его определение и вызывает наибольшую дискуссию среди операторов персональных данных.

Пунктом 1 ст. 3 Федерального закона № 152-ФЗ под персональными данными понимается любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных).

Как видно из данной нормы, понятие «персональные данные» является достаточно широким и по смыслу может включать в себя практически любую информацию о физическом лице. Вместе с тем представляется, что Федеральный закон № 152-ФЗ, как и вообще сама идея нормативного правового регулирования института персональных данных, имеет целью защиту таких сведений. Таким образом, становится очевидным, что не все персональные данные человека целесообразно трактовать в контексте Федерального закона № 152-ФЗ, требуются определенные критерии (признаки), подходы, позволяющие относить информацию именно к той категории персональных данных, которые должны подлежать защите законом.

Не менее широкая формулировка понятия «персональные данные» используется и в Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных [6] (п. «а» ст. 2), ратифицированной Российской Федерацией [2] (с заявлениями).

Под персональными данными в указанной конвенции понимается любая информация об определенном или поддающемся определению физическом лице.

Как представляется, формулировка конвенции содержит признак такой информации. Так, например, указание на то, что персональными данными является информация о «поддающемся определению» физическом лице, указывает на необходимость наличия связи между персональными данными и возможностью идентификации человека.

И здесь можно согласиться с мнением [8] о спорности формальной определенности понятия «персональные данные», используемого в Федеральном законе № 152-ФЗ, в контексте, например, Постановления Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2014 г. № 10-П [3].

Согласно указанному постановлению, принцип формальной определенности вытекает из ч. 1 ст. 1, ч. 2 ст. 4, ч. 2 ст. 6, ч. 2 ст. 15 и ч. 1 ст. 19 Конституции РФ и предполагает точность, ясность и недвусмысленность правовых норм, без чего не может быть обеспечено единообразное понимание и применение таких норм, а значит, и равенство всех перед законом. Законоположения, не отвечающие указанным критериям нормы, порождают противоречивую правоприменительную практику, создают возможность их неоднозначного толкования и произвольного применения, ведут к нарушению предусмотренных ст. 2, 18, 45 (ч. 1) и 46 (ч. 1) Конституции РФ гарантий государственной, в том числе судебной, защиты прав, свобод и законных интересов граждан.

Если обратиться к данным судебной практики за несколько последних лет, то в текстах судебных решений можно выделить несколько типичных примеров сведений о физическом лице, признаваемых судами в качестве персональных данных:

- фамилия, имя, отчество, год, месяц, дата и место рождения, адрес, семейное, социальное, имущественное положение, образование, профессия, доходы (Определение Верховного Суда РФ от 24 июня 2015 г. № 18-АПГ15-7);
- номер мобильного телефона (постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 28 апреля 2014 г. № 04АП-1373/2014 по делу № А19-14061/2013);
- серия и номер гражданского паспорта, марка, модель автомашины, номер регистрационных документов (постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 13 декабря 2011 г. № 05АП-8293/2011 по делу № А51-11325/2011);
- место работы, должность, номер СНИЛС (постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 8 февраля 2012 г. по делу № А46-12206/2011);
- размер заработной платы (постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 23 апреля 2015 г. № 11АП-4606/2015 по делу № А65-30086/2014);
- информация о воинском учете, семейном положении, детях (постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 июня 2015 г. № 17 АП-5329/2015-АК по делу № А60-1187/2015);
- сведения из единого информационного листа на оплату коммунальных услуг и из платежных документов на оплату услуг (номер лицевого счета, площадь помещения, сумма начисления и (или) задолженности, показания электрического счетчика, номер электрического счетчика) (постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 декабря 2013 г. № 18АП-13107/2013 по делу № А34-3659/2013);

- информация, содержащаяся в едином жилищном документе, финансовом лицевом счете и выписке из домовой книги на жилое помещение (апелляционное определение Московского городского суда от 18 июня 2015 г. по делу № 33–20942);
- фото- и видеозображение человека (апелляционное определение Московского городского суда от 16 ноября 2012 г. по делу № 11–23886/12);
- информация о трудовой деятельности судьи (решение Верховного Суда РФ от 11 марта 2013 г. № АКПИ13–61);
- поведенческие характеристики, основанные на динамике подсознательных движений: рукописный почерк, клавиатурный почерк, голосовые особенности (постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 19 июня 2015 г. № 08АП-4490/2015 по делу № А46–17423/2014).

Вместе с тем судебная практика показывает, что не каждый из этих элементов подпадает под юрисдикцию Федерального закона № 152-ФЗ, а только если они в отдельности или в совокупности помогают идентифицировать конкретное лицо (определение Санкт-Петербургского городского суда от 26 марта 2013 г. № 33–3815/13).

Например, зарплата сотрудника полиции составляет 50 000 руб., разглашение самой этой суммы (хотя она и является доходом) не будет нарушением Федерального закона № 152-ФЗ. Однако в совокупности с должностью сотрудника, его именем, отчеством и фамилией эта информация станет персональными данными, оборот которых регулирует Федеральный закон № 152-ФЗ.

Поэтому с учетом судебных решений целесообразно сформулировать единый подход к толкованию понятия «персональные данные». Наиболее интересным представляется подход, выработанный рабочей группой по определению «матрицы персональных данных» консультационного совета при уполномоченном органе по защите прав субъектов персональных данных [7].

Суть названного подхода состоит в следующем. При буквальном толковании ч. 1 ст. 3 Федерального закона 152-ФЗ к понятию «персональные данные» может быть отнесен слишком широкий круг информации, в том числе по причине отсутствия указания на необходимость наличия связи между информацией и возможностью идентификации физического лица, что, в свою очередь, влечет неоднозначное понимание того, в каких случаях собираемые и обрабатываемые данные будут относиться к персональным, а в каких – нет.

Представители указанного выше коллектива выразили сомнение в том, что возможно разработать адекватное определение, имеющее менее общий характер. В связи с этим был сделан вывод, что если совокупность данных необходима и достаточна для идентификации лица, то такие данные следует считать персональными данными, даже если они не включают в себя данные документов, удостоверяющих личность. При этом данные нельзя считать персональными в том случае, если без использования дополнительной информации они не позволяют идентифицировать физическое лицо.

Такой подход допустимо рассматривать как учитывающий баланс интересов всех участников общественных отношений.

Например, с учетом данного подхода к определению персональных данных может быть прокомментирована ситуация, связанная с фото- и видеосъемкой сотрудников органов внутренних дел с последующим размещением изображений в сети Интернет.

Как известно, законодательством Российской Федерации не установлен запрет на фото-, видеосъемку сотрудников полиции. Вместе с тем такие изображения относятся к персональным данным гражданина в контексте п. 1 ст. 3 Федерального закона № 152-ФЗ, так как фото- и видеозображения сотрудника полиции может быть достаточно для идентификации его личности.

Распространение персональных данных в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 6 Федерального закона № 152-ФЗ возможно только при наличии согласия субъекта персональных данных. Статьей 13.11 КоАП РФ предусмотрена ответственность за нарушение установленного законом порядка сбора, хранения, использования или распространения информации о гражданах (персональных данных).

Кроме того, каждому гражданину гарантировано право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ст. 23 Конституции РФ) и охрану своего изображения (ст. 152.1 ГК РФ).

На основании абз. 1 п. 1 ст. 152 ГК РФ гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности.

Согласно абз. 2 п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», под распространением сведений, порочащих честь и достоинство граждан или деловую репутацию граждан и юридических лиц, следует понимать опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидению, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, распространение в сети Интернет, а также с использованием иных средств телекоммуникационной связи.

Следовательно, сотрудник полиции при нарушении его гражданского права на охрану своего изображения (в том числе распространение его в сети Интернет) вправе обратиться в установленном порядке в суд.

С проблемой формальной определенности понятия «персональные данные» тесно связано и обеспечение конфиденциальности персональных данных.

Статья 7 Федерального закона № 152-ФЗ устанавливает обязанность операторов и иных лиц, получивших доступ к персональным данным, не раскрывать третьим лицам и не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных*. При этом статья содержит и норму-исключение – «если иное не предусмотрено федеральным законом», которая, к тому же, является отсылочной. Таким образом, соблюдение режима конфиденциальности (как способа защиты персональных данных) не является обязательным для всего круга правоотношений.

Безусловно, такие исключения нужны, и они должны быть установлены федеральным законом, о чем напрямую указано в ст. 7 Федерального закона № 152-ФЗ. Вместе с тем наличие отсылочной нормы-исключения в таких базовых гарантиях, как представляется, является существенным недостатком Федерального закона № 152-ФЗ.

Например, Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-I (ред. от 03.07.2016) «О средствах массовой информации», провозглашая свободу массовой информации в Российской Федерации, уточняет, что ограничения на распространение массовой информации могут быть установлены исключительно законодательством о средствах массовой информации. Перечень таких ограничений приведен в ст. 4 Закона о СМИ и является исчерпывающим. Такая конструкция нормы позволяет правоприменителю четко понимать пределы допустимости своих действий.

Относительно же соблюдения требований Федерального закона № 152-ФЗ по конфиденциальности персональных данных справедливо возникают вопросы: в каких случаях персональные данные уже не рассматриваются как конфиденциальные и могут распространяться и передаваться третьим лицам без согласия субъекта персональных данных? О каком законодательном акте в ст. 7 Федерального закона № 152-ФЗ идет речь в контексте тех случаев, когда режим конфиденциальности не применяется? Имеется ли в виду сам федеральный закон и/или иные законодательные акты Российской Федерации? В данном случае, как представляется, речь идет о применении законодательства в целом, если оно содержит такие исключения.

В первую очередь необходимо разделить требование о конфиденциальности персональных данных на две составляющие. Это запрет на распространение персональных данных (обнародование) и запрет на передачу третьим лицам. Что касается запрета на распространение, то по смыслу нормы ст. 7 Федерального закона № 152-ФЗ, распространение (обнародование) персональных данных допускается в случаях осуществления обработки персональных данных, подлежащих опубликованию или обязательному раскрытию в соответствии с федеральным законом. Эти требования разрозненны и содержатся в различных законодательных актах.

Так, например, нормы, разрешающие размещение персональных данных в открытых информационных ресурсах, содержатся в Федеральном законе от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», где п. 6 и 7 ч. 3 ст. 4 установлено, что единая информационная система в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (информация о которых размещается на www.zakupki.gov.ru) содержит реестры контрактов, заключенных заказчиками, с информацией о фамилии, имени, отчестве, месте жительства физического лица, идентификационного номера налогоплательщика поставщика (п. 7 ч. 2 ст. 103), а также недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей).

* В рамках данной статьи относительно обязанности операторов и иных лиц, получивших доступ к персональным данным, не раскрывать третьим лицам и не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных будет применяться формулировка «режим конфиденциальности персональных данных».

Кроме того, право распространять персональные данные определенной категории предоставлено и органам Федеральной службы судебных приставов в рамках исполнительных производств по принудительному исполнению судебных актов.

Затрагивая вопросы обнародования персональных данных в контексте деятельности МВД России, необходимо отметить следующее. В рамках выполнения возложенных на органы внутренних дел задач может возникать необходимость создания и ведения в открытом доступе различного рода реестров и списков лиц с их персональными данными. Чем же следует руководствоваться в таких случаях? Безусловно, основополагающими необходимо выделить требования Федерального закона № 152-ФЗ, в особенности п. 2 и 3 ч. 1 ст. 6, устанавливающие право на обработку персональных данных (включая обнародование) при необходимости достижения целей, предусмотренных международным договором Российской Федерации или законом, для осуществления и выполнения возложенных законодательством Российской Федерации на оператора функций, полномочий и обязанностей, а также для осуществления правосудия, исполнения судебного акта, акта другого органа или должностного лица, подлежащих исполнению в соответствии с законодательством Российской Федерации об исполнительном производстве.

Вместе с тем часть 1 ст. 6 Федерального закона № 152-ФЗ содержит требование о соблюдении принципов и правил, установленных законом. А требование конфиденциальности (ст. 7) – не что иное, как основополагающий принцип.

Анализ нормативных правовых актов показывает, что обнародование органами государственной власти информации, содержащей персональные данные, осуществляется не только с учетом п. 2 и 3 ч. 1 ст. 6 Федерального закона № 152-ФЗ, но в первую очередь на основании специальных нормативных правовых актов.

В качестве примера можно привести Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ст. 78), на основании которого публикуются (обнародуются) решения Конституционного Суда РФ, и Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (ч. 3 ст. 6.1), в соответствии с которым Федеральная служба судебных приставов ведет свой банк данных, размещенный в сети Интернет, с общедоступными персональными данными, такими как, например, фамилия, имя, отчество, дата рождения, место рождения должника и т. д.

Приведенные выше примеры указывают, что ведение публичных ресурсов, содержащих персональные данные, не регулируется исключительно требованиями только Федерального закона № 152-ФЗ.

В связи с этим создание в открытом доступе различного рода реестров, перечней, списков, содержащих персональные данные, представляется целесообразным закреплять в соответствующих специальных нормативных правовых актах. В качестве примера можно привести разработанный МВД России Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 284-ФЗ «О внесении изменений в статью 20 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и статью 32.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», устанавливающий полномочия органов внутренних дел по ведению списка лиц, которым запрещено посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения, а также устанавливающий, что сведения о таких лицах (их персональные данные) подлежат размещению в общем доступе в сети Интернет.

Таким образом, МВД России, реализуя свои права в рамках п. 2 и 3 ч. 1 ст. 6 Федерального закона № 152-ФЗ, соблюдает требования и ст. 7, устанавливая в специальном законе категорию персональных данных, подлежащих обнародованию посредством сети Интернет.

Литература

1. О персональных данных: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 22.02.2017) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.
2. О ратификации Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных: федеральный закон от 19 декабря 2005 г. № 160-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2005. № 52 (ч. 1). Ст. 5573.
3. О проверке конституционности положений п. 6 ст. 2 и п. 7 ст. 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях», ч. 6 ст. 29 Федерального закона «Об общественных объединениях» и ч. 1 ст. 19.34 КоАП РФ в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда «Костромской центр поддержки общественных инициатив», граждан Л. Г. Кузьминой,

- С. М. Смиренского и В. П. Юкечева: постановление Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2014 г. № 10-П // Собрание законодательства РФ. 2014. № 16. Ст. 1921.
4. Об утверждении состава и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных: приказ ФСТЭК России от 18 февраля 2013 г. № 21 // Российская газета. 2013. 22 мая.
  5. Об утверждении состава и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных с использованием средств криптографической защиты информации, необходимых для выполнения установленных Правительством Российской Федерации требований к защите персональных данных для каждого из уровней защищенности: приказ ФСБ России от 10 июля 2014 г. № 378 // Российская газета. 2014. 17 сентября.
  6. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Страсбург, 28 января 1981 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 5. Ст. 419.
  7. Отчет о деятельности уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных за 2015 г. URL: [rkn.gov.ru Otchet_ZPD_rus2015.pdf](http://rkn.gov.ru/Otchet_ZPD_rus2015.pdf)
  8. Федеральный закон «О персональных данных»: научно-практический комментарий / под ред. А. А. Приезжевой. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.98.067

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ФОРМИРОВАНИЕМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ, КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Алексей Сергеевич Ладошкин, старший преподаватель Новосибирского государственного аграрного университета

Е-mail: aleks-140@yandex.ru

В представленной статье рассматриваются преступления, связанные с формированием доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве, как основа построения частной криминалистической методики расследования таких преступлений. Автор выделяет сходные и отличительные признаки преступлений данной категории в сравнении с иными преступлениями против правосудия. На основе проведенного анализа автор предлагает определение понятия преступлений, связанных с формированием доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве, как объекта криминалистического исследования.

Ключевые слова: формирование доказательств; гражданское судопроизводство; арбитражное судопроизводство; методика расследования преступлений; криминалистика.

CRIMES RELATED TO THE FORMATION OF EVIDENCE IN CIVIL AND ARBITRATION COURT PROCEEDINGS AS OBJECT CRIMINALISTICS RESEARCH

Aleksei Sergeevich Ladoshkin, senior lecturer of the Novosibirsk State Agrarian University

In this article considers crimes related to the formation of evidence in civil and arbitration court proceedings as base for building private criminalistics methods of investigation of these crimes. The author highlight similar and distinctive features of the crimes of this category in comparison with their other crimes against justice. Based on the analysis the author offers a definition of the concept of crimes related to the formation of evidence in civil and arbitration court proceedings as object criminalistics research.

Keywords: formation of evidence; civil court proceedings; arbitration court proceedings; methods of crime investigation; criminalistics.

Преступления, связанные с формированием доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве, являются криминалистически значимой разновидностью преступлений

против правосудия, обладают особой общественной опасностью. Рассматриваемые противоправные деяния в первую очередь нарушают установленное ч. 1 ст. 46 Конституции РФ право каждого на судебную защиту своих прав и интересов.

Масштабы распространенности преступлений данной категории могут проиллюстрировать результаты проведенного нами исследования. Так, 77,2 % опрошенных нами граждан указали, что сомневаются в справедливости принятых решений по гражданским и арбитражным делам. При этом 64,5 % граждан, принявших участие в опросе, указали, что им лично приходилось сталкиваться с нарушениями в гражданском и арбитражном судопроизводстве, связанными с фальсификацией доказательств (32,4 %), воздействием на свидетелей (42,6 %), дачей заведомо ложных показаний в суде свидетелями (28,5 %), отказом от дачи показаний (16,8 %) и другими (11,2 %)*.

Как представляется, одним из направлений противодействия нарушениям в сфере установленного законом порядка осуществления гражданского и арбитражного процесса может стать создание частной криминалистической методики раскрытия и расследования преступлений, связанных с формированием доказательств по гражданским и арбитражным делам. В уголовно-правовом и уголовно-процессуальном аспекте преступления, связанные с формированием доказательств в гражданском и арбитражном процессе, были достаточно подробно описаны в трудах С. В. Астахова, Н. В. Ершовой, Н. А. Коробейникова и других [1; 7; 14]. Однако в криминалистическом ключе данная проблематика рассматривалась редко [9; 10; 17].

Вместе с тем сегодня все больше ученых начинают говорить о том, что криминалистические знания нужно использовать не только в уголовном процессе, но и в иных сферах судопроизводства. Так, В. А. Новицкий отмечает, что «существующая криминалистическая наука обеспечивает только уголовное судопроизводство, научно не обеспеченными остаются гражданский, арбитражный и административный процессы» [18, с. 128–129].

Среди криминалистов одной из первых об этом высказалась Е. Р. Россинская [21, с. 56–60], затем за изучение данной проблемы взялись и другие ученые [9; 28, с. 72–73], при этом ими выдвигаются различные предложения относительно места отрасли знаний, которая занималась бы вопросами гражданского, арбитражного и административного процесса, в системе криминалистической науки. Так, М. В. Жижилина говорит о создании «учения о применении криминалистических возможностей в гражданско-правовой сфере, имеющего свой предмет, объект, методологические основы и структуру» [8, с. 19]. Т. В. Волчецкая предлагает выделить новый раздел в науке – «прикладная криминалистика в юридической практике», который бы включал вопросы использования знаний криминалистики в сфере гражданского, арбитражного, административного судопроизводства и др. [4, с. 14].

Однако следует согласиться с М. В. Жижиной в том, что, «поскольку криминалистика сформировалась применительно к другому виду судопроизводства, где соседствуют следственно-розыскной и состязательный принципы регламентации процессуальных отношений, она не готова просто перешагнуть на почву современного гражданского и арбитражного судопроизводства с его главенствующими началами состязательности и диспозитивности, резким смещением бремени доказывания на стороны. Естественно, требуется пересмотр и развитие положений криминалистики, т. к. невозможно прямое и полное их распространение на другие виды судопроизводства и непосредственное использование в других видах процесса» [8, с. 17].

Таким образом, полагаем, что сегодня перед криминалистической наукой стоит задача расширения своего предмета и распространения его на всю сферу доказательственного права. Создание криминалистической методики расследования преступлений, связанных с формированием доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве, может стать серьезным вкладом в развитие данного направления в криминалистике. В связи с этим представляется важным определить содержание понятия «преступления, связанные с формированием доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве» с криминалистической точки зрения и раскрыть его основные признаки. В последующем данное понятие может быть использовано в качестве базы для построения частной криминалистической методики расследования таких преступлений.

Формирование доказательств представляет собой часть процесса доказывания, являющегося центральным институтом гражданского и арбитражного процесса и, по справедливому мнению специалистов в этих областях, состоит в единстве процессуальной и мыслительной

* В 2016 г. на территории Республики Бурятия, Новосибирской и Иркутской областей было опрошено 90 граждан, которые имели опыт участия в гражданском и арбитражном процессах.

деятельности суда и лиц, участвующих в деле, направленной на подтверждение либо опровержение обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела [6; 19; 25]. Таким образом, содержание судебного доказывания составляют: 1) процессуальная деятельность, регламентированная нормами гражданско-процессуального и арбитражно-процессуального законодательства; 2) мыслительная деятельность, основное содержание которой регулируется правилами формальной логики.

Научные исследования, направленные на изучение института доказывания в гражданском и арбитражном судопроизводстве, проводятся на протяжении уже долгого времени. Авторами предлагались различные определения доказывания в данной сфере. Так, по мнению С. Ф. Афанасьева, доказывание представляет собой опосредованную форму судебного познания; как и иная организованная человеческая деятельность, оно предполагает определенную структуру и устойчивую имманентную взаимосвязь элементов [15, с. 114–117]. В качестве элементов доказывания С. В. Курылев выделяет представление (собрание) и исследование доказательств [16, с. 16], П. Я. Трубников – собрание, исследование, оценку [26, с. 73], М. К. Треушников – утверждение о фактах, указание заинтересованных лиц на доказательства, представление, собрание, исследование, оценку доказательств [25, с. 26], Т. В. Сахнова – указание сторон на обстоятельства, представление, истребование, исследование и оценку доказательств [22, с. 351–362]. В свою очередь, А. Ф. Клейнман, напротив, исключает из доказывания исследование, проверку и оценку доказательственного материала, поскольку, как он полагает, из них складывается судебное разбирательство [12, с. 47].

Легального определения доказывания по гражданским (арбитражным) делам ни в нормах гражданского процессуального права, ни в нормах арбитражного процессуального права не содержится. При этом по аналогии с определением доказывания по уголовным делам (ст. 85 УПК РФ) с учетом норм, содержащихся в ст. 55–58, 67 ГПК РФ, можно предположить, что доказывание в гражданском судопроизводстве – это процесс получения, исследования и оценки доказательств в целях установления обстоятельств по гражданскому делу. Подобное же предположение можно сделать и в отношении понятия доказывания в арбитражном судопроизводстве с учетом норм, содержащихся в ст. 64–66, 71 АПК РФ.

Обобщая изложенное и основываясь на позиции таких авторов, как С. Ш. Болтуев, Л. А. Ванеева, М. А. Гурвич [2, с. 99; 3, с. 42; 5, с. 8–9], полагаем, что под доказыванием в гражданском и арбитражном судопроизводстве (речь идет об обобщенном определении понятия доказывания как в гражданском, так и в арбитражном судопроизводстве для целей криминалистического исследования) следует подразумевать процессуальную деятельность лиц, участвующих в деле, основывающуюся на совокупности процессуальных прав и обязанностей, состоящую из указаний на доказательства, а также из представления, раскрытия, собрания, истребования, исследования и оценки доказательственного материала, цель которой – убедить суд в истинности фактических обстоятельств гражданского дела.

Устанавливая истину в процессе доказывания по гражданскому делу и принимая на ее основе законное решение, можно смело утверждать о достижении в результате этого вершины в отправлении правосудия. Обеспечивая решение данной задачи в российской системе правосудия, государство гарантирует уголовно-правовую защиту от преступных посягательств на данные процессы.

Судебное доказывание в гражданском и арбитражном процессе происходит в определенной последовательности и состоит из нескольких этапов. В науке гражданского и арбитражного процесса существуют различные точки зрения на структуру доказывания [11; 20; 23]. Попытки к определению системы стадий судебного доказывания в гражданском и арбитражном процессе предпринимали и специалисты в области уголовного права при исследовании уголовной ответственности за посягательства на установленный порядок доказывания в данной сфере. Однако по большому счету они лишь повторяют наиболее распространенную в науке гражданского и арбитражного процесса позицию относительно определения перечня и последовательности элементов судебного доказывания. Так, Н. А. Коробейников предлагает в структуре судебного доказывания по гражданским и арбитражным делам выделять следующие стадии:

1. Определение круга фактов, подлежащих доказыванию (определение предмета и пределов доказывания).

2. Выявление и собрание доказательств по делу. Выявление доказательств – это деятельность лиц, участвующих в деле, суда по установлению того, какие доказательства могут подтвердить или опровергнуть факты, входящие в предмет доказывания. Собрание доказа-

тельств – это деятельность суда, участвующих в деле лиц и их представителей, направленная на обеспечение наличия необходимых доказательств к моменту разбирательства дела в судебном заседании. Субъектами деятельности по собиранию доказательств являются лица, участвующие в деле.

3. Исследование доказательств. Это совместная деятельность суда и лиц, участвующих в деле, направленная на установление соответствия доказательств всем предъявляемым к ним требованиям, а также на наиболее полное установление их содержания (какие именно сведения о фактах, подлежащих доказыванию по делу, несет то или иное доказательство).

4. Оценка доказательств. Основным субъектом оценки доказательств является суд. Результаты судебной оценки доказательств должны быть отражены в судебном акте, которым заканчивается производство по делу [14, с. 15].

Первая из указанных стадий больше связана не с самим процессуальным доказыванием при производстве по гражданскому или арбитражному делу, а, скорее, с подготовкой к последующим процедурам доказывания. Здесь можно говорить о некоем планировании самого процесса доказывания, построения своеобразной модели доказывания по конкретному делу. Элементы этой модели, ее структура, как правило, определяются в нормах гражданского права, регулирующих спорные вопросы, по которым рассматривается данное конкретное гражданское или арбитражное дело, и конкретизируются обычно в актах и материалах обобщения судебной практики по данной категории дел.

В своей системе все перечисленные стадии доказывания направлены на то, чтобы получить доброкачественные доказательства и отбросить все прочее, не отвечающее признакам доказательств и (или) обладающее отрицательными свойствами доказательств. Таким образом, процесс доказывания на каждой его стадии не преследует самоцель пройти данную стадию. Главное во всей процедуре доказывания – это получить возможность использовать доказательственную информацию, в том числе при вынесении судом решений по гражданскому или арбитражному делу, т. е. при отправлении правосудия. Отсюда можно сделать вывод, что использование доказательств также является стадией судебного доказывания по гражданским и арбитражным делам.

Собирание доказательств, а точнее, их формирование представляет собой сложный процесс трансформации объективной информации о фактах, имеющих отношение к гражданскому или арбитражному делу, из ее естественного состояния в окружающей действительности (в виде документов, предметов, мыслительных образов в голове человека и пр.) в опосредованную форму доказательств, на основе которых будет принято судебное решение. Несмотря на то, что по большому счету конечной целью всех преступлений, связанных с формированием доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве (а равно и в иных сферах судопроизводства), является именно вынесение выгодного для посягающего лица или иных лиц судебного акта, действия или бездействия, направленные на достижение этого преступного результата, будут сосредоточены в двух ключевых временных точках (только в одной или одновременно в двух): момент формирования доказательств и момент принятия по ним судебного решения. При этом будут образовываться разные закономерности как в подготовке, совершении и сокрытии, так и в последующем выявлении, раскрытии, расследовании таких преступлений. Исходя из сказанного, полагаем, что все преступления, связанные с формированием доказательств в ходе гражданского или арбитражного судопроизводства, можно разделить на две большие группы:

1) направленные на искажение информации в процессе ее трансформации в доказательства (ч. 1, 3 ст. 303; ч. 1 ст. 307; ст. 308; ч. 1–4 ст. 309 УК РФ);

2) направленные на принятие судом неправосудного решения вопреки имеющимся доказательствам или посредством иной их интерпретации и оценки (ч. 1, 3 ст. 294; ст. 295; ч. 1 ст. 296; ст. 290, 291, 305 УК РФ).

Признавая, что каждый из обозначенных видов преступлений обладает примерно равной степенью общественной опасности, следует отметить, что совершение действий или бездействия, связанных с оказанием неправомерного воздействия на процесс формирования доказательств, позволяет наибольшим образом исказить картину реальных событий, ставших предметом разбирательства в рамках гражданского или арбитражного дела. В том же случае, когда преступники совершают противоправные действия (бездействие) в обоих направлениях, ситуация приобретает гипертрофированные масштабы.

Также существенное значение для определения понятия преступлений, связанных с формированием доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве, имеет установле-

ние временных и организационных рамок процесса формирования доказательства. Началом формирования доказательств следует считать поиск и обнаружение информации, предметов, документов, имеющих значение для рассматриваемого гражданского или арбитражного дела. Сложнее обстоит дело с окончанием процесса формирования доказательства. Полагаем, что в данном вопросе следует согласиться с точкой зрения С. А. Шейфера, который в своей работе, посвященной понятию доказывания в уголовном судопроизводстве, отмечает, что «закрепление доказательств – это завершающий элемент их формирования, без которого эту деятельность законченной считать нельзя» [27, с. 22]. Аналогичную позицию занимал М. С. Строгович: «Пока доказательство не рассмотрено и не закреплено процессуально, нельзя утверждать, что доказательство действительно обнаружено, так как еще неизвестно, что именно обнаружено и является ли действительно доказательством то, что обнаружено» [24, с. 302].

Применительно к специфике гражданского и арбитражного судопроизводства, связанной в первую очередь с отсутствием следователя (дознателя) в качестве лица, специально уполномоченного на процедуру преобразования исходной информации посредством ее процессуального закрепления, и необходимостью самостоятельного предоставления доказательств сторонами, следует отметить следующее. В гражданском и арбитражном судопроизводстве процесс формирования доказательств осуществляется сторонами, что дает им большие возможности для искажения имеющейся доказательственной информации либо предоставления заведомо ложной такой информации. Однако, учитывая сказанное выше, сформированным доказательство будет считаться только в момент его непосредственного предоставления в суд в качестве такового. При этом подготовленная доказательственная информация (предмет, документ, мысленный образ в памяти свидетеля) может быть трансформирована в доказательство путем ее процессуальной фиксации – приобщения документа к материалам гражданского или арбитражного дела, оглашения свидетелем своих показаний в судебном заседании и т. д.

Исходя из того, что понятие представляет собой целостную совокупность суждений об отличительных признаках исследуемого объекта, ядром которой являются суждения о наиболее общих и в то же время существенных особенностях этого объекта [13, с. 456], при конструировании определения понятия «преступления, связанные с формированием доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве» полагаем необходимым выделить перечень существенных признаков, которые позволили бы сформулировать искомое понятие через призму предмета науки криминалистики. Преступления, связанные с формированием доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве, являются не самостоятельным видом преступлений, а частью преступлений, связанных с доказыванием в гражданском и арбитражном судопроизводстве, в иных сферах судопроизводства, а также преступлений против правосудия в целом. Сказанное подтверждается существенным сходством в особенностях совершения всех этих преступлений (ч. 1 и ч. 3 ст. 303, ч. 1 ст. 307, ст. 308, ч. 1–4 ст. 309 УК РФ), среди которых можно выделить:

- 1) специальный субъект преступления – лицо, участвующее в административном, уголовном, гражданском или арбитражном деле;
- 2) прямой умысел на совершение преступления;
- 3) способ совершения преступления, выраженный в активных или пассивных действиях, направленных на искажение доказательственной информации, подлежащей исследованию и исследованной в суде;
- 4) возможность совершения преступления в ходе судебного производства по делу, в том числе на стадии подготовки к судебному разбирательству;
- 5) цель – в большинстве случаев получение выгоды для себя и третьих лиц посредством принятия судом решения в свою пользу, в отдельных случаях (ст. 308 УК РФ) лицо, посягающее на установленный порядок формирования доказательств, может ничего не получать от своих противоправных действий (бездействия) и безразлично относиться к ходу и результату судебного разбирательства;
- 6) отсутствие в большинстве случаев потерпевшего.

Вместе с тем, специфическая обстановка совершения преступлений данной категории, обусловленная особенностями гражданского, гражданско-процессуального и арбитражно-процессуального законодательства, накладывает свой отпечаток и позволяет говорить о существенных отличиях от подобных преступлений, совершаемых в сфере уголовного судопроизводства. Исходя из сопоставления процесса доказывания в гражданском и арбитражном процессе с доказыванием в уголовном судопроизводстве, можем выделить следующие особенности совершения преступлений рассматриваемой категории:

1) специфический порядок судебного разбирательства и принятия решения по делам, определенный совокупностью правовых норм (преимущественно диспозитивного характера) гражданского и арбитражного законодательства;

2) специфический перечень лиц, участвующих в арбитражном (стороны; заявители и заинтересованные лица – по делам особого производства, по делам о несостоятельности (банкротстве) и в иных предусмотренных законодательством случаях; третьи лица; прокурор; государственные органы, органы местного самоуправления, иные органы и организации; граждане, обратившиеся в арбитражный суд в случаях, предусмотренных законодательством, – ст. 40 АПК РФ) и гражданском (стороны; третьи лица; прокурор; лица, обращающиеся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц или вступающие в процесс в целях дачи заключения по основаниям, предусмотренным ст. 4, 46 и 47 ГПК РФ; заявители и другие заинтересованные лица по делам особого производства – ст. 34 ГПК РФ) деле;

3) возложение в гражданском и арбитражном процессе на стороны обязанности самостоятельно доказывать обстоятельства, на которые они ссылаются как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом (ч. 1 ст. 56 ГПК РФ, ч. 1 ст. 65 АПК РФ);

4) специфический перечень доказательств, которые могут быть представлены по арбитражному (письменные и вещественные доказательства; объяснения лиц, участвующих в деле; заключения экспертов, консультации специалистов, показания свидетелей, аудио- и видеозаписи, иные документы и материалы – ч. 2 ст. 64 АПК РФ) или гражданскому (объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, письменные и вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, заключения экспертов – ч. 1 ст. 55 ГПК РФ) делу, в том числе с использованием электронных средств доказывания.

Таким образом, обобщая изложенное, можем сделать вывод, что преступления, связанные с формированием доказательств в гражданском и арбитражном процессе, как объект криминалистического исследования представляют собой умышленную противоправную деятельность лиц, участвующих в деле или содействующих отправлению правосудия по делу в гражданском или арбитражном судопроизводстве, выраженную в форме активных или пассивных действий, направленных на искажение информации о реальных фактах и событиях либо воспрепятствование полному исследованию сведений о таких фактах и событиях, имеющих значение для принятия судебного решения по гражданскому или арбитражному делу, в целях достижения выгоды для себя лично или иных лиц либо без таковой.

Литература

1. Асташов С. В. Фальсификация доказательств по гражданскому делу (ч. 1 и 3 ст. 303 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
2. Болтуев С. Ш. Проблема доказывания в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1985.
3. Ванеева Л. А. Судебное познание в советском гражданском процессе. Владивосток, 1972.
4. Волачеккая Т. С. Прикладные задачи современной криминалистической науки // Закон и правопорядок в третьем тысячелетии: сб. мат-лов III Балтийского юридического форума. СПб.: С.– Петерб. ун-т МВД России, 2015.
5. Гурвич М. А. Лекции по советскому гражданскому процессу. М., 1950.
6. Дьяконова О. Г. Доказательство и доказывание в гражданском и арбитражном судопроизводстве: учеб. пособие. М.: Юрлитинформ, 2014.
7. Ершова Н. В. Проверка достоверности заявления о фальсификации доказательства в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
8. Жижина М. В. Доказывание в цивилистическом процессе и криминалистика // Актуальные проблемы гражданского права и процесса: мат-лы междунар. науч.– практ. конф. / отв. ред. Н. А. Резина. Омск: Омская юрид. академия, 2015.
9. Жижина М. В., Ищенко Е. П. История развития и современные представления об объекте и предмете криминалистики // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 3.
10. Ищенко Е. П., Егоров Н. Н., Мерецкий Н. Е. Криминалистика: учебник. Владивосток: Изд-во ТГЭУ, 2010.
11. Калпин А. Г. Письменные доказательства в судебной практике по гражданским делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966.
12. Клейнман А. Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. М., 1967.
13. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. 2-е изд., испр. и доп. М., 1976.
14. Коробейников Н. А. Уголовная ответственность за посягательства на установленный порядок доказывания в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008.

15. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс / под ред. М. А. Фокиной. М.: Статут, 2014.
16. Курьяев С. В. Установление истины в советском правосудии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1967.
17. Мерецкий Н. Е., Никитина О. П. Особенности проверки заявлений о фальсификации доказательств по гражданским и арбитражным делам: монография. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2014.
18. Новицкий В. А. Теория доказательственного права: монография: в 2 т. Ставрополь: Пресса, 2004. Т. 1.
19. Рассахатская Н. А. Гражданский процесс: учеб. пособие. М.: Ай Пи Эр Медиа, 2010.
20. Решетникова И. В. Доказательственное право в российском гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997.
21. Россинская Е. Р. Проблемы криминалистического обеспечения гражданского судопроизводства // Проблемы гражданского судопроизводства: мат-лы всерос. межвуз. науч.- практ. конф. М., 1994.
22. Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. М.: Волтерс Клувер, 2008.
23. Советский гражданский процесс: учебник / под ред. В. И. Комиссарова, В. М. Семенова. М., 1988.
24. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1.
25. Треушников М. К. Доказательства и доказывание в гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984.
26. Трубников П. Я. Вопросы гражданского процесса в практике Верховного Суда СССР. М., 1979.
27. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008.
28. Яблоков Н. П. Некоторые взгляды на криминалистику как науку и учебную дисциплину XXI века // Криминалистика XXI столетия. Харьков, 2010.

УДК 343.985.7

ИНСЦЕНИРОВКИ НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ ПРИ СОКРЫТИИ УБИЙСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ГРУППАМИ «ЧЕРНЫХ РИЭЛТОРОВ»

Максим Евгеньевич Степанов, преподаватель Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: mstep71@mail.ru

В статье рассматриваются криминалистические особенности инсценировок несчастного случая, направленных на сокрытие убийств, совершенных организованными преступными группами «черных риэлторов», в целях завладения жильем граждан.

Ключевые слова: организованная преступная группа; убийство; несчастный случай; инсценировка; способ сокрытия преступления.

DRAMATIZATION ACCIDENT CONCEALMENT MURDERS COMMITTED BY ORGANIZED CRIMINAL GROUP «BLACK REALTORS»

Maxim Evgenyevich Stepanov, lecturer of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article deals with forensic features dramatizations of accident aimed at concealing murders committed by organized criminal groups of «black realtors», in order to capture citizens' housing.

Keywords: organized criminal group; murder; accident re-enactment; dramatization; a way of concealing the crime.

Процесс выявления и раскрытия скрытых инсценировками убийств, совершенных членами организованных преступных групп (далее – ОПГ) «черных риэлторов», невозможен без знания особенностей и криминалистических признаков отдельных видов инсценировок. В полной мере это относится и к инсценировкам несчастного случая. Проведенное нами исследование дает основание полагать, что инсценировка несчастного случая является одним из распространенных способов сокрытия, к которым прибегают участники ОПГ. Подобного рода инсценировки крайне сложны для распознавания, что делает их особо привлекательными для преступников.

Прежде чем приступить к исследованию криминалистических особенностей, природы и сущности этого вида инсценировок, необходимо кратко остановиться на ряде фундаментальных теоретических положений. Под способом скрытых инсценировками убийств, совершенных членами ОПГ, мы понимаем комплекс взаимосвязанных, целенаправленных мероприятий по подготовке, совершению и сокрытию убийства, подчиненных реализации инсценировки, с использованием соответствующих средств, с учетом условий обстановки и личности жертвы, объединенных общим преступным замыслом.

Характерной особенностью способа совершения данных преступлений является закономерная, неукоснительная связь между способом подготовки, непосредственного исполнения убийства и его сокрытия посредством инсценировки. Все три названных элемента образуют жесткую, взаимообусловленную цепь корреляционных связей, объединенных единым замыслом участников ОПГ.

Устойчивая закономерная связь этих элементов означает, что способ совершения убийства должен неукоснительно предусматривать возможность последующей инсценировки. Создание инсценировки невозможно, если следовая картина преступления не будет соответствовать инсценируемому событию. Отсюда следует, что способ совершения убийства и возникающие при этом материальные следы должны претворять инсценировку и органически в нее вписываться. По нашему мнению, данный критерий имеет принципиальное значение. Важность использования знаний о способе преступления и закономерностях возникновения его следов в целях раскрытия и расследования преступлений общепризнана всем криминалистическим сообществом. Применительно к нашей тематике можно с уверенностью сказать, что именно специфичность способа убийства предопределяет возникновение характерных следов, изучение которых позволяет выдвинуть версию об имеющей место инсценировке.

Инсценировку как способ сокрытия совершенного убийства мы определяем в форме умышленной деятельности членов ОПГ или связанных с ними лиц, направленной на создание ложной следовой обстановки, способствующей приданию видимости иного события, дополненной соответствующим поведением, в целях создания ошибочного представления об истинном характере происшедшего.

Характер инсценировки при сокрытии убийства, совершенного членами ОПГ «черных риэлторов», прежде всего зависит:

- от личностных особенностей жертвы;
- условий обстановки, в которой совершается убийство;
- количества участников ОПГ, их преступного опыта, профессиональных навыков, знаний особенностей инсценируемого события.

Способы скрытых инсценировками несчастного случая убийств, совершенных ОПГ «черных риэлторов», являются полноструктурными и предусматривают подготовку. Данный тезис подтверждается изучением материалов судебно-следственной практики и результатами анкетирования сотрудников правоохранительных органов. Так, нами не отмечено ни одного случая совершения данного вида преступлений без предварительной проработки их сценария. Стратегическая задача подготовки состоит в обеспечении гарантированного лишения жизни потерпевшего и создания оптимальных условий для инсценировки. При этом следует подчеркнуть, что речь идет о подготовке к убийству, способ совершения которого должен органически сочетаться со способом дальнейшего инсценирования иного события.

С нашей точки зрения, способы подготовки, применительно к нашей теме, необходимо рассматривать на двух уровнях. Обозначим их как общий и частный уровни. Подобное разграничение носит условный характер и призвано упорядочить исследование процесса подготовки, придавая ему определенную логическую последовательность. К общему уровню относится комплекс подготовительных действий, характерный для обеспечения возможности совершения убийства в целом, независимо от конкретного способа. Частный уровень составляют действия, призванные обеспечить конкретный способ совершения убийства. Оба уровня тесно взаимосвязаны между собой.

Подготовку в рамках общего уровня можно рассматривать в двух аспектах. Во-первых, преступники сами, инициативно, могут создавать и провоцировать необходимую им криминальную ситуацию. Целью этих действий будет являться создание условий, детерминирующих необходимость последующего совершения убийства. Примером таких действий может выступать поисковая деятельность ОПГ «черных риэлторов» по подбору объектов недвижимости в целях их последующего незаконного отчуждения и ликвидации владельца.

Во-вторых, осуществляется комплексный анализ сложившейся ситуации. Происходит своеобразная мысленная разработка модели убийства и избирается наиболее рациональный вариант действий, после чего принимается решение о совершении убийства. Беря за основу широкую совокупность сопутствующих факторов, члены ОПГ приходят к выводу о целесообразности сокрытия убийства инсценировкой несчастного случая.

В судебно-следственной практике отмечены многочисленные случаи, когда в процессе подготовки преступления злоумышленники входили в доверие к жертве, усыпляли ее бдительность. Так, в г. Новосибирске вынесен приговор членам ОПГ «черных риэлторов», убившим десять человек, смерть которых инсценировалась как передозировка наркотиков или отравление алкоголем. Следствием установлено, что для того, чтобы войти в доверие к жертвам, преступники оплачивали их долги. После того, как владельцы квартир подписывали все необходимые документы, их убивали*.

В другом случае один из участников ОПГ, действовавшей в Нижегородской области, входил в доверие к собственнику квартиры, злоупотреблявшему алкоголем или наркотиками, и подселался к нему в качестве нанимателя комнаты. Таким образом он контролировал действия собственника и поддерживал его в постоянном алкогольном или наркотическом опьянении. Всего, по данным следствия, на счету ОПГ 5 убийств, 3 покушения на убийство и 8 мошеннических действий**.

Наряду с этим практике известны и достаточно оригинальные способы вхождения в доверие к жертве. Так, по версии следствия, участница ОПГ, члены которой обвиняются в совершении трех убийств в городах Новотроицке, Орске и Гае Оренбургской области, вышла замуж за будущую жертву, квартирой которого планировали завладеть преступники.

Вместе с тем, в практике имеют место и случаи провалов в подготовке. Следственным управлением СК России по Забайкальскому краю завершено расследование уголовного дела в отношении ОПГ, участниками которой совершен ряд тяжких и особо тяжких преступлений, направленных на отчуждение имущества граждан – квартир, сопряженное с убийством людей. В одном из эпизодов преступники пытались реализовать замысел по физическому устранению лиц из числа неугодных свидетелей, которые могли сообщить о совершенных членами ОПГ преступлениях. Следствием установлено, что, оглушив потерпевшего, преступники накинули тому на шею петлю, изготовленную из бельевой веревки. Далее подвесили потерявшего сознание потерпевшего к потолочному перекрытию веранды, инсценируя самоубийство. После чего с места преступления скрылись. Однако под тяжестью тела жертвы веревка оборвалась, потерпевший был доставлен в лечебное учреждение и остался жив***.

Одним из распространенных способов совершения убийств рассматриваемой категории является отравление. «Популярность» данного способа у членов ОПГ обусловлена объективными сложностями выявления инсценировки несчастного случая, как правило, связанной с отравлением суррогатами алкоголя либо передозировкой наркотических веществ. Поэтому есть смысл остановиться на рассмотрении данного способа более подробно.

Можно констатировать, что отравления используют ОПГ, преступная деятельность которых связана с незаконным отчуждением жилья граждан. Решающим фактором, определяющим выбор данного способа убийства и последующей инсценировки, является социальный портрет жертвы [2]. Информация о тех или иных социально-психологических особенностях жертвы позволяет преступникам избрать наиболее рациональный алгоритм действий. От свойств конкретной жертвы зависит подбор орудий и средств совершения и сокрытия убийства. В нашем случае именно люмпенизированный статус и склонность жертв к употреблению спиртного обуславливают способ совершения убийства и характер инсценировки.

Если жертва страдает алкоголизмом, отравляющими веществами также могут служить смертельно опасные вещества, которые по ошибке можно принять за алкоголь. Так, в результате расследования преступной деятельности упомянутой выше нижегородской ОПГ установлено, что ее членами обманым путем приобретено право собственности на две квартиры в г. Нижнем Новгороде. Потерпевшую, собственницу жилья, на протяжении нескольких месяцев спаивали одурманивающим спиртосодержащим веществом, в результате употребления которого она скончалась. Во втором случае следствием установлено, что членами ОПГ обман-

* URL: <http://lenta.ru/news/2012/05/05/black/> (дата обращения: 23.05.2016).

** URL: http://sledcom.ru/news/87686.html?sphrase_id=227085 (дата обращения: 12.04.2016).

*** URL: <http://sledcomrf.ru/news/8633-pered-sudom-predstanet-prestupnaya.html> (дата обращения: 17.09.2016).

ным путем приобретено право собственности на еще одну квартиру в г. Нижнем Новгороде. Заключив сделку купли-продажи квартиры без передачи денежных средств, они ввели наркозависимой, бывшей собственнице квартиры, смертельную дозу героина. На следующий день тело погибшей перевезли на остановку общественного транспорта, инсценировав тем самым гибель от передозировки.

Однако иногда рассматриваемый способ не срабатывает. Так, участники этой же ОПГ мошенническим путем завладели денежными средствами в сумме 1,4 млн руб. от проданной в г. Нижнем Новгороде квартиры. Затем они неоднократно пытались ввести бывшей владелице жилья, наркозависимой 31-летней женщине, инъекцию с раствором героина. Доза в несколько раз превышала жизненно допустимую норму, но женщине удалось выжить. После этого преступники задушили потерпевшую, а тело скрыли на территории Ленинградской области*.

Приведенные примеры говорят о разнообразии способов совершения убийств, скрытых впоследствии инсценировкой, применяемых одной преступной группировкой.

Следует отметить, что действия преступников в рамках создания инсценировки несчастного случая в целом идентичны действиям при инсценировании самоубийства. Отличие заключается лишь в целях, стоящих перед инсценировщиками. В одной ситуации члены ОПГ стремятся придать совершенному убийству видимость суицида, в другой – видимость неожиданного наступления смерти в результате несчастного случая.

Непременным условием фальсификации материальной обстановки при создании инсценировки несчастного случая является уничтожение следов борьбы и сопротивления жертвы. Если потерпевший оказывал активное сопротивление, этот фактор является, во-первых, самым сложным для членов группировки, во-вторых, уничтожение следов самообороны, образовавшихся на предметах окружающей обстановки, в некоторых случаях вполне возможно. Например, не вызывает затруднений замазать небольшие пятна крови, расставить по местам и привести в порядок опрокинутые вещи. Исключение, пожалуй, могут составлять предметы домашней утвари, разрушенные в процессе борьбы безвозвратно. Остатки таких предметов преступники вынуждены прятать или уносить из помещения. Гораздо сложнее обстоят дела с уничтожением следов сопротивления, образовавшихся на теле жертвы. Здесь преступники попадают в затруднительную ситуацию, так как труп потерпевшего неизбежно будет обнаружен и подвергнут следственному осмотру. Помимо вышеизложенного, уничтожаются или видоизменяются материальные следы нахождения на месте преступления самих членов ОПГ, что особенно важно, учитывая групповой характер рассматриваемых убийств.

Каким же образом возможно распознать инсценировку несчастного случая? Прежде всего необходимо затронуть проблему негативных обстоятельств как признака, указывающего на инсценировку [3; 4].

По нашему мнению, к объективным причинам, позволяющим раскрыть инсценировку несчастного случая, относятся закономерности образования материальных следов, неизбежно возникающие при искусственном создании ложной обстановки. По существу, в данном случае мы сталкиваемся с законами диалектики. Всякое преступление совершается в условиях реальной действительности и, в силу общего закона диалектики о взаимосвязи и взаимообусловленности явлений материального мира, определенным образом отображается в окружающей среде. «Поскольку событие преступления есть один из материальных процессов действительности, – пишет Н. Е. Мерецкий, – то оно находится в связи и взаимообусловленности с другими процессами, событиями и явлениями, отражается в них и само выступает отражением каких-то процессов» [1, с. 137]. Иными словами, событие преступления и его компоненты, а именно таковым является процесс создания инсценировки, находят свое отражение в виде определенных материальных изменений окружающей обстановки. Возникновение таких следов носит закономерный характер, в той или иной степени неизбежно и не зависит от воли исполнителей.

Проведенное нами исследование показывает, что при совершении членами ОПГ убийств, скрытых инсценировками несчастного случая, существует ряд причин, оказывающих как прямое, так и косвенное влияние на объективные факторы, детерминирующие возникновение негативных обстоятельств. К ним, например, можно отнести:

- недостаток надлежащих подготовительных действий;
- отсутствие необходимых орудий, инструментов или предметов, предназначенных для создания искусственных материальных следов;

* URL: http://sledcom.ru/news/87686.html?sphrase_id=227085 (дата обращения: 12.04.2016).

- нехватку времени на проведение полноценной инсценировки;
- внезапное появление посторонних лиц;
- возникновение иных непредвиденных событий и т. д.

Говоря о криминалистических признаках таких инсценировок, следует отметить, что, как правило, ими будут являться типичные негативные обстоятельства. Например, следы сопротивления и (или) инъекций на теле жертвы могут указать на насильственное введение медицинского препарата.

Подводя итог, мы приходим к выводу, что сущность инсценировки несчастного случая заключается в придании истинному событию убийства видимости происшествия иного характера. Вследствие этого инсценировка является наиболее сложным по исполнению, но в то же время трудно распознаваемым способом сокрытия убийств, совершенных ОПГ «черных риэлторов». Основным признаком инсценировки выступают негативные обстоятельства.

Литература

1. Мерещкий Н. Е. Криминалистика и оперативно-тактические комбинации. М., 2007.
2. Степанов М. Е. Взаимосвязь личности потерпевшего с элементами криминалистической характеристики убийств, скрытых инсценировками // Молодежь. Наука. Практика: сб. мат-лов межвуз. науч.-практ. конф. курсантов, слушателей и студентов, 30 мая 2012 г. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2012.
3. Степанов М. Е. Механизм возникновения негативных обстоятельств при совершении убийств, замаскированных инсценировками // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2010. № 1.
4. Степанов М. Е. Негативные обстоятельства в сокрытии убийств, совершенных организованными преступными группами (теоретический аспект) // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2013. № 2.

УДК 351.81:343.85

ВОПРОСЫ ОПЕРАТИВНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ АВТОМОБИЛЬНЫХ ДОРОГ И ОБЪЕКТОВ, С НИМИ СВЯЗАННЫХ

Сергей Анатольевич Ярошенко, доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук

E-mail: yaroshenkosergey@rambler.ru

В статье рассматриваются преступные действия, совершаемые на автомобильных дорогах федерального значения, и предлагаются автором варианты эффективного оперативного обслуживания объектов, относящихся к дорогам федерального значения.

Ключевые слова: автомобильные дороги федерального значения; преступления экономической направленности; оперативное подчинение; экономическая безопасность и противодействие коррупции.

QUESTIONS OF ONLINE MAINTENANCE OF FEDERAL ROADS AND THE OBJECTS ASSOCIATED WITH THEM

Sergey Anatolievich Yaroshenko, chair associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law

The article deals criminal acts, committed on federal roads and options for effective operational services facilities associated with the roads federal significance, proposed by the author.

Keywords: federal highways; economic crimes; the operational control; economic security and anti-corruption.

Российская Федерация занимает первое место в мире по территории – 17 125 191 км² [2]. Такая значительная протяженность требует от исполнительной власти нашего государства повышенного внимания к транспортной системе – одной из наиболее обширных в мире. Несомненно, всепогодным видом наземного транспорта из-за сурового климата и огромного пространства остается железнодорожный транспорт. Однако на современном этапе в России

мы наблюдаем особое отношение граждан к автомобильному транспорту и ко всему, что с ним связано (развитие инфраструктуры автомобильных дорог; модернизация автомобильной промышленности; использование новых технологий при строительстве и обслуживании автомобильных дорог). По уровню общественной значимости автомобильный транспорт стал занимать особое место в системе общественных отношений, обеспечивая материальную составляющую коммуникативной системы общества. Факт автомобилизации населения говорит сам за себя. Так, парк легковых автомобилей с 2000 по 2015 г. вырос с 20 млн 353 тыс. до 40 млн единиц [5]. По данным Росстата, с 2000 по 2015 г. протяженность автодорог общего пользования в России выросла с 584 тыс. км до 1 млн 396 тыс. км. Протяженность дорог с твердым покрытием увеличилась с 532 до 984 тыс. км.

Протяженность автомобильных дорог федерального значения в России составляет 50,8 тыс. км, из них в ведении Росавтодора находятся 48,1 тыс. км, остальные 2,7 тыс. км относятся к государственной компании «Автодор» [5].

Но, как известно, любые положительные преобразования могут нести и негативные последствия. Так, например автомобильные дороги, преимущественно федерального значения, становятся предметом внешнеполитических споров. Один из таких – ежегодный спор между российским Минтрансом и польским Министерством инфраструктуры и строительства, в ходе которого стороны не могут договориться о продлении разрешений для транспортных компаний, в связи с этим обе стороны несут большие финансовые убытки. Не менее напряженная ситуация складывалась в феврале 2016 г. в западных регионах Украины, когда местные активисты начали блокировать российские фуры, которые пытались проехать в Европу и из Европы в Россию*. В качестве ответной меры официальным решением Правительства Российской Федерации было приостановлено движение грузовых автотранспортных средств, зарегистрированных на Украине.

Перекрытие автомобильных магистралей – способ довольно радикальный, освоенный россиянами за последние два десятилетия и в значительной мере специфичный именно для нашей страны. Во всяком случае, в настоящий момент практически нигде за рубежом протестное блокирование дорог сколько-нибудь широко не применяется.

Акции перекрытия дорог, состоявшиеся в начале 2005 г., имели ряд качественных отличий: впервые они проходили не только на периферии, но и в Москве, а также в Санкт-Петербурге, получили подробное освещение в федеральных средствах массовой информации и привлекали к себе внимание не только региональных, но и федеральных властей. Именно то, что акции сопровождаются перекрытием дорог, практически гарантированно обращает на себя внимание со стороны СМИ и является одним из основных мотивов выбора данной формы протеста для участников массовых выступлений [1]. Одна из последних таких акций в стране прошла в ноябре-декабре 2015 г. с участием дальнобойщиков, протестовавших против введения платного проезда для грузовых автомобилей весом более 12 т по федеральным трассам**.

Значительные финансовые вложения государства в модернизацию и развитие автомобильных дорог (28 776,2 млрд руб., из них: за счет федерального бюджета – 6 015,8 млрд руб., за счет бюджетов субъектов Российской Федерации – 11 034,7 млрд руб., за счет муниципальных бюджетов – 11 301,3 млрд руб., за счет внебюджетных источников – 424,4 млрд руб.) [3] привлекают к криминальному освоению этих средств неблагонадежных чиновников и должностных лиц строительных компаний. Так, по мнению председателя Национального антикоррупционного комитета К. В. Кабанова, объемы хищений в сфере дорожного хозяйства в среднем на 10 % больше, чем в других отраслях: «Если в среднем в России разворовывается 30–40 % бюджетных средств, то в дорожном строительстве этот показатель порядка 50 %»***. Так, сотрудниками оперативного подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России было выявлено крупное хищение денежных средств при строительстве федеральной трассы. По данным следствия, должностные лица нескольких компаний реализовали преступную схему и похитили более 31 млн руб., выделенных из федерального бюджета на ремонт и содержание автомагистрали М-6 «Каспий»****. Другой факт хищений

* URL: www.gazeta.ru/auto/2016/02/12

** URL: forum-msk.org/material/news/11062565.html

*** URL: flb.ru/info/54567/html

**** URL: rusnovosti.ru/posts/259464

денежных средств на общую сумму 43,5 млн руб. при ремонте трассы М-7 был выявлен в 2015 г. сотрудниками ФСБ России*.

Однако автомобильные магистрали – это не только асфальтированный участок пути, соединяющий собой города и поселки, это и рабочие места, связанные с обслуживанием этих магистралей, и частный сервисный бизнес, поддержание которого берет на себя государство. Прямо скажем, придорожный сервис, включающий в себя кафе, гостиницы, аптеки, магазины, мотели считается выгодным бизнесом. А там, где выгода, всегда существует конкуренция, связанная порой с коррупционными действиями со стороны чиновников. Так, например, в сентябре 2013 г. заместитель начальника Управления автомобильной магистрали «Москва – Волгоград» Федерального дорожного агентства был задержан по подозрению в неоднократном вымогательстве денег у бизнесменов за разрешение на организацию точек придорожного сервиса на автомагистрали «Москва – Волгоград»**.

Нельзя умолчать о коррупционных преступлениях, совершаемых сотрудниками дорожно-патрульной службы, призванными обеспечивать безопасность на российских автомагистралях. Только с марта по апрель 2016 г. было возбуждено семь уголовных дел в отношении сотрудников дорожно-патрульной службы ОВД по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ, которые на стационарном посту ДПС «Глубокий», расположенном на мостовом переходе реки Амур первого километра автодороги «Хабаровск – Чита», брали взятки у водителей автомобилей за несоставление протоколов об административных правонарушениях***.

Но помимо преступных действий экономической направленности, связанных с эксплуатацией и развитием автомобильных дорог федерального значения, существует проблема безопасности водителей, пассажиров и иных лиц (предприниматели, бизнес которых напрямую связан с автомобильными дорогами; обслуживающий персонал; жители населенных пунктов, находящихся вблизи дорог федерального значения), чья жизнь, здоровье, имущество также нередко становятся предметом преступного посягательства. Например, в 2012 г. возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, по факту обнаружения недалеко от федеральной трассы М-53 «Новосибирск – Кемерово» трупа женщины с признаками насильственной смерти. В 2013 г. возбуждено три уголовных дела по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, в связи с обнаружением трупов с признаками насильственной смерти недалеко от автомобильных трасс федерального значения. В 2014 г. возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, по факту обнаружения недалеко от федеральной трассы М-53 «Новосибирск – Кемерово» трупа мужчины с признаками насильственной смерти****.

Помимо убийств, на дорогах федерального значения совершаются изнасилования, грабежи, разбои, вымогательства. Динамика этих преступлений зависит от многих факторов, в частности от региональных особенностей. Возьмем для примера Дальневосточный федеральный округ. Автодорога М-60 «Уссури» Хабаровск – Владивосток (протяженность – 760 км) «знаменита» большим количеством совершаемых преступлений в 1990-е – начало 2000-х гг., в период либерализации экономики. В это время граждане России вполне могли себе позволить купить подержанную машину, потому что такие автомобили были по-настоящему доступными. В этом заключалась криминальная интрига: на протяженных трассах, где расстояния между населенными пунктами значительные, организованные преступные группы вымогали деньги у лиц, перегоняющих автомобили. Вымогательство могло переходить, в зависимости от действий жертвы, в причинение вреда здоровью либо уничтожение или повреждение имущества (автотранспортного средства).

Конечно, в настоящее время таких преступлений стало значительно меньше, однако они периодически дают о себе знать. Так, было возбуждено и передано в суд уголовное дело в отношении жителей г. Новосибирска, которые с апреля 2013 г. по август 2014 г. занимались вымогательством денежных средств у водителей большегрузного автотранспорта на трассах

* URL: forum.zarulem.ws/showtopic

** Интерфакс со ссылкой на пресс-службу МВД России от 11.09.2013.

*** Материалы уголовных дел СУ СК РФ по Хабаровскому краю от 04.03.2016 № 1227–1229; от 04.04.2016 № 1357–1360.

**** Материалы ГУ МВД РФ по Новосибирской области (письмо от 4 ноября 2015 г. № 5/8749). Ответ на письмо ДВЮИ МВД России от 20 октября 2015 г. № 6/8–582.

М-51 «Омск – Новосибирск» и К-17р «Новосибирск – Павлодар»*. Другая преступная группа из Приморского края с 2014 г. по апрель 2015 г. занималась кражами большегрузных машин с целью последующего получения за них выкупа. Всего в организованную группу были вовлечены восемь человек – жителей Уссурийска и пос. Андреевка Хасанского района в возрасте от 20 до 40 лет**.

Именно большегрузный транспорт в последнее время становится чаще объектом для преступных посягательств. Причем тактика совершения преступных действий меняется: зная, что одинокая машина, ведущая наблюдение за потенциальными жертвами, может попасть в поле зрения правоохранительных органов на стационарных постах, преступники стали перехватывать водителей большегрузных машин непосредственно при переезде краевых центров, требуя плату. В случае отказа, водителю угрожают ножом и бейсбольными битами. Тем из них, кто, несмотря на угрозы, не соглашается платить, преступники громят автомобиль: выбивают лобовые и боковые стекла, прокалывают колеса. Кроме того, преступники могут похитить документы и ценные вещи***.

Из обозначенных проблем, связанных с вызовами нормальному функционированию, развитию автомобильных магистралей и безопасности лиц, напрямую зависящих от них, государство возлагает большие надежды на деятельность правоохранительных органов, способных влиять на улучшение криминологической обстановки на дорогах федерального значения и объектах, к ним примыкающих.

С учетом обозначенных преступных действий и возможных правонарушений к их выявлению и раскрытию в системе МВД привлекаются, как минимум, четыре оперативных подразделения, такие как уголовный розыск; подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции; подразделения собственной безопасности; подразделения по противодействию экстремизму.

Сложившаяся практика борьбы с преступлениями на дорогах федерального значения показывает наличие следующих негативных факторов:

- сложность выявления, предупреждения и раскрытия данных преступлений ввиду отдаленности совершения преступных действий от краевых, областных центров и даже небольших населенных пунктов; высокий латентный показатель, связанный с неуверенностью в успехе привлечения виновных лиц к уголовной ответственности;
- особенности данных преступных действий не позволяют в полной мере применить к ним имеющиеся организационно-тактические рекомендации, ранее применявшиеся в теории оперативно-розыскной деятельности;
- низкая эффективность работы оперативных подразделений ОВД, обусловленная выполнением разных специальных задач для каждого оперативного подразделения, невладением информацией об объектах, подлежащих обязательному оперативному обслуживанию, незнанием особенностей экономических и технологических процессов развития и поддержания автомобильных магистралей.

Указанные обстоятельства определили перспективные возможности пересмотра существующей организации оперативного обслуживания дорог федерального значения и примыкающих к ним объектов.

В ходе обсуждения перспективных возможностей у нас сформировались три варианта организации оперативного обслуживания:

- 1) восстановление некогда расформированных региональных оперативных подразделений по борьбе с организованной преступностью, в оперативное обслуживание которых входила борьба с бандитизмом на федеральных трассах, либо создание нового субъекта в системе МВД России по варианту существующих управлений на транспорте, включающего в себя ряд оперативных подразделений, в задачи которых входили бы выявление, раскрытие и предупреждение преступлений на дорогах федерального значения по восьми округам;
- 2) закрепление в существующих оперативных подразделениях отдельных линий работы по выявлению и раскрытию преступных действий, связанных с дорогами федерального значения;

* URL: <http://www.kurer-sreda.ru/2015/08/13/193791>

** URL: <http://primamedia.ru/news/incidents/28.09.2015>

*** URL: mvd.ru/news/item/166735

3) передача в оперативное подчинение автомобильных дорог федерального значения и объектов, непосредственно с ними связанных, существующим управлениям на транспорте МВД России.

Менее эффективным, на наш взгляд, является второй вариант, связанный с закреплением отдельных, наиболее значимых направлений деятельности за оперативными подразделениями уголовного розыска. Сложность состоит в территориальной организации оперативного обслуживания, так как, например, федеральная трасса может проходить по территории нескольких регионов, обслуживаемых разными краевыми либо областными УМВД. Вследствие этого возникают разногласия в выяснении территориальной принадлежности мест совершения преступных действий. Кроме того, профилактическая работа среди местного населения, проживающего недалеко от дорог федерального значения, практически не проводится по тем же причинам.

Здесь мы полностью согласны с мнением А. П. Пашенко, что для правильного определения целей и выбора эффективных методов деятельности оперативные подразделения должны иметь информацию о внешних и внутренних условиях оперативного обслуживания:

- о демографических и социальных тенденциях развития обслуживаемого региона;
- об экономических тенденциях развития объектов и отраслей народного хозяйства, расположенных в сфере деятельности оперативных подразделений;
- о состоянии (структуре, уровне, динамике) преступности [4, с. 48].

Первый и третий предлагаемые варианты организации оперативного обслуживания считаем наиболее эффективными, так как оперативное обслуживание включало бы в себя несколько регионов либо целый федеральный округ. Кроме того, существовавшие некогда управления по борьбе с организованной преступностью имели положительный опыт в раскрытии данных видов преступлений. Но, учитывая реформирование системы МВД России, восстановление региональных оперативных подразделений по борьбе с организованной преступностью экономически не выгодно.

Что же касается третьего варианта передачи в оперативное подчинение федеральных автомобильных дорог управлениям на транспорте, то мы считаем, что такое преобразование не вызовет значительных затруднений, так как Главное управление на транспорте уже имело подобную практику передачи в 2000 г. речного и морского транспорта в их оперативное подчинение. Более того, оперативные подразделения на транспорте обладают значительным практическим опытом выявления, раскрытия и предупреждения преступных действий в транспортной системе России, как по линии экономики, так и общеуголовных преступлений. С учетом того, что в транспортную систему России включен железнодорожный, воздушный, морской, речной, автомобильный транспорт, то выделение и передача федеральных автомобильных дорог в оперативное подчинение управлениям на транспорте МВД России стало бы логичным.

Литература

1. Гвоздева Е. Акция протеста бюджетников: митинговать не эффективно, но нужно... // Доминанты. Поле мнений. 2003. № 10. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d031032>.
2. Данные Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии на 1 января 2015 г. (включая сведения по г. Севастополю); с учётом данных Министерства имущественных и земельных отношений Республики Крым о площади территории Республики Крым.). URL: https://rosreestr.ru/upload/iblock/5ef/buklet-rr-v-tsifrah-2015_itog.pdf.
3. Национальная программа модернизации и развития автомобильных дорог Российской Федерации до 2025 года. М., 2004. URL: mindortrans.donland.ru.
4. Пашенко А. П. К вопросу об источниках и методах получения информации при изучении и оценке оперативной обстановки по линии БХСС // Правовые и общественно-экономические науки и борьба с хищениями государственного и общественного имущества. 1977. Вып. 8.
5. Транспорт России: информационно-статистический бюллетень. Январь–декабрь 2014 года. М., 2015. URL: www.mintrans.ru/upload/iblock/576/stat_2014.pdf.

УДК 347.27

ОТЗЫВ ВЗЫСКАТЕЛЕМ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ДОКУМЕНТА КАК ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ ЗАЛОГА

Владимир Анатольевич Болдырев, профессор кафедры Пермского государственного национального исследовательского университета, доктор юридических наук, доцент

E-mail: vabold@mail.ru

Анализируется позиция Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу о последствиях отзыва залогодержателем исполнительного документа, предполагающего наложение взыскания на заложенное имущество. Делается вывод, что пропуск срока на предъявление соответствующего исполнительного документа должен оцениваться как основание для удовлетворения иска залогодателя о признании права (обременения) отсутствующим. Системное злоупотребление правом залога определяется как формально правомерные неоднородные поведенческие акты (действия и бездействие) залогодержателя, не имеющие прямой экономической мотивации, направленные на переложение негативных последствий и экономических рисков, связанных с залогом, на собственника вещи.

Ключевые слова: исполнительный документ; взыскатель; залог; ипотека; добросовестность; злоупотребление; обременение.

WITHDRAWAL BY THE CLAIMER EXECUTIVE DOCUMENT AS THE ABUSE OF THE MORTGAGE RIGHT

Vladimir Anatolevich Boldyrev, chair professor of the Perm State National Research University, Doctor of Law, Associate Professor

Analyzes the position of the Constitutional Court of the Russian Federation on the question of the consequences of revocation by the pledgee of the Executive document involving the imposition of penalties on the mortgaged property. The conclusion is that the omission of the term for presentation of the Executive document should be assessed as the basis for the claim of the pledger on the recognition of rights (encumbrances) away. Systemic abuse of the right of pledge is defined as a formally legitimate a heterogeneous behavioral acts (actions and inactions) of the mortgagee, does not have a direct economic motivation, for transposition negative consequences and economic risks associated with the collateral, on the owner of a thing.

Keywords: executive document; claimer; pledge; mortgage; good faith; abuse; encumbrance.

Реализация кредитором залогового права при нарушении должником условий обязательства влечет прекращение права собственности залогодателя. В порядке исключения – когда объект залога реализовать не удалось – сам залогодержатель может приобрести титул

собственности на соответствующую вещь. Однако при нормальном развитии гражданского оборота, то есть когда за регулятивными отношениями не последовало охранительных, залог лишь стимулирует должника к надлежащему исполнению, гарантируя привилегированное положение залогового кредитора.

Эти, казалось бы, простые постулаты, прямо следующие из закона, на деле воспринимаются как данность лишь обычными участниками гражданского оборота. Кредитные организации, располагая существенными ресурсами, не только могут позволить себе сохранять залоговое право в статичном состоянии, получив исполнительный лист о наложении взыскания на предмет залога, но и, по нашему наблюдению, пользуются данной возможностью очень часто, особенно когда речь идет о недвижимости, рынок которой трудно назвать стабильным и предсказуемым.

Совершенно очевидно, что длительное нахождение залогодателя в ситуации, когда право собственности на вещь за ним сохраняется, однако режим имущества фактически делает ее неполноценной, не может считаться нормальным. Между тем поведение банков-залогодержателей имеет серьезную юридическую подоплеку.

Непрофильные активы. Частью 6 ст. 5 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» [1] установлено правило: «Кредитной организации запрещается заниматься производственной, торговой и страховой деятельностью». В связи с этим правосубъектность кредитных организаций характеризуется исследователями как специальная [6, с. 10, 22] или даже исключительная [5, с. 6–7].

Стремление законодателя организационно обособить банковский сектор для обеспечения его специализации оказалось увязанным с определением деталей имущественного режима кредитных организаций.

Регулятором установлены правила, которые стимулируют банки либо освобождаться от имущества, не используемого непосредственно в ходе банковской деятельности (непрофильные активы), либо вовсе не становиться обладателями такого имущества. Подчеркнем, что Банк России не поощряет нахождения у кредитной организации и того имущества, которое получено от залогодателя, когда его не удалось продать на торгах.

Понимание неоднозначности ситуации с непрофильными активами и озабоченность проблемой самих кредитных организаций подстегивают официальный орган к комментариям: «Необходимость установления требований по формированию резервов на возможные потери по непрофильным активам ... обусловлена тем, что кредитными организациями, в том числе в результате осуществления деятельности по урегулированию просроченной (проблемной) задолженности, на баланс был принят большой объем активов, которые не используются ими в основной банковской деятельности» [3].

В условиях падения спроса на недвижимость произвести отчуждение заложенного имущества с торгов часто не представляется возможным. Тогда возникает прямо следующая из законодательства об ипотеке альтернатива – принять после несостоявшихся повторных торгов имущество на баланс или утратить право залога вовсе.

На практике спектр возможных вариантов поведения оказался шире ввиду действия на названную сферу имущественных отношений также норм законодательства об исполнительном производстве. Банку достаточно отозвать исполнительный лист, подав заявление об этом судебному приставу-исполнителю.

Заложником ситуации оказывается залогодатель, чье положение особенно тяжело и неоднозначно в случае, когда он не является должником в основном обязательстве. Оставаясь собственником имущества, залогодатель фактически оказывается не заинтересованным в его сохранении и, уж тем более, улучшении. При этом ему приходится нести бремя содержания имущества, обеспечивать его сохранность, уплачивать налоги. Как следствие, залогодатель нередко становится объектом манипуляций со стороны банка.

Конституция РФ и содержание права собственности. Частью 2 ст. 35 Конституции РФ установлено: «Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами». Очень важно, что в Основном законе раскрыто содержание наиболее полного вещного права, то есть прямо названы правомочия собственника. Совершенно очевидно, что залог оказывает ограничивающее влияние на возможность осуществлять правомочия пользования и распоряжения, поэтому обращение к обозначенной проблеме Конституционного Суда было вполне прогнозируемо и являлось, по сути, делом времени. И время это наступило в период, не очень удобный для залогодателя, совпадающий с пиком экономического кризиса.

Возможно, именно данное обстоятельство повлекло принятие, на наш взгляд, достаточно мягкого для банков судебного акта – Постановления Конституционного Суда РФ от 10 марта 2016 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 21, части 2 статьи 22 и части 4 статьи 46 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с жалобой гражданина М. А. Ростовцева» [2] (далее – Постановление № 7-П). Впрочем, можно найти весьма позитивные отклики, касающиеся подхода органа конституционного нормоконтроля: «До недавнего времени взыскатель мог, пользуясь пробелом в законе, неограниченное количество раз предъявлять исполнительный лист к исполнению, затем в любой момент отзывать без указания мотивов такого решения, и каждый раз срок на предъявление его к исполнению начинал течь заново. Однако в настоящее время ситуация кардинально изменилась за счет формирования Конституционным Судом РФ правовой позиции в защиту интересов должника...» [4].

Видя много позитивного в принятом постановлении, отметим, что к настоящему времени проблема злоупотребления правом залога, в особенности кредитными организациями, не решена комплексно, а сделанный шаг, хочется верить, является первым на пути к обеспечению баланса интересов залогодателя и залогодержателя.

Экономические причины отзыва исполнительного листа. Следует отметить экономические причины злоупотребления правом залога, какими их видит орган конституционного нормоконтроля. В пункте 3.3 Постановления № 7-П дается следующее объяснение отзыва исполнительного листа: «... При обращении взыскания на имущество, являющееся предметом залога, взыскатели несут риски, связанные с изменением рыночной стоимости этого имущества и возможностью его реализации, что может побуждать их в надежде на улучшение ситуации на рынке к подаче, причем неоднократной, заявления о возвращении исполнительного документа. Негативные последствия затягивания течения срока предъявления исполнительного документа к исполнению испытывают и должники».

Нельзя не согласиться с данным наблюдением Конституционного Суда, точно уловившим стремление залогодержателя учитывать конъюнктуру цен на заложенное имущество. Однако, как видится, объяснить поведение залогодержателя исключительно данным мотивом – значит существенно упростить ситуацию. Два других фактора – стремление исключить попадание в имущественную массу банка непрофильного актива и возможность манипулировать залогодателем (связанным бременем содержания имущества) – оказались неназванными. Впрочем, выявление всех мотивов формально правомерного поведения залогодержателей, наносящего вред интересам залогодателей, не входит в задачи названного органа. Его основной целью является определение конституционности законоположения, а не всесторонний анализ причин и условий, приводящих к существенным сбоям в социальных связях. По-видимому, было бы не совсем правильно называть указанные мотивы поведения залогодержателя хотя бы потому, что далеко не каждый банк ими руководствуется, а кроме того, не все залогодержатели являются кредитными организациями.

Относительно нежелания банков владеть непрофильными активами отметим, что решение проблемы вполне возможно на подзаконном уровне за счет снижения уровня требований к структуре имущества кредитных организаций. Однако правильность такого подхода под вопросом, поскольку сохранение банками названных активов в расчете на изменение конъюнктуры цен способно привести в последующем к обвалу рынка, например, при принятии одномоментного вынужденного решения об их реализации в критический с экономической точки зрения момент.

Что касается манипуляций в отношении залогодателя, данная проблема, как видится, должна решаться на уровне применения судами правила о запрете на злоупотребление правом.

Резолютивная часть Постановления № 7-П: как понимать сделанные выводы. Что же решил Конституционный Суд РФ, рассмотрев жалобу одного из множества обиженных на банки залогодателей?

В Постановлении № 7-П, во-первых, констатируется противоречие закона Конституции РФ; во-вторых, нормотворцу предложено внести изменения в законодательство; в-третьих, на период до внесения изменений предложен алгоритм действий судебных приставов и судов, выявивших бесосновательный отзыв исполнительного листа залогодержателем.

Первое. Конституционный Суд РФ постановил: «Признать не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 35 (часть 2), 46 (часть 1) и 55 (часть 3) положения части 1 статьи 21, части 2 статьи 22 и части 4 статьи 46 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в той мере, в какой эти положения в их взаимосвязи позволяют – при

неоднократном прерывании срока предъявления исполнительного документа к исполнению предъявлением исполнительного документа к исполнению с последующим возвращением взыскателю на основании его заявления – всякий раз исчислять течение этого срока заново с момента возвращения исполнительного документа по данному основанию взыскателю и продлевать его тем самым на неопределенно длительное время».

Нельзя не заметить, что из данной сентенции следует необходимость считать лишь неоднократный отзыв исполнительного листа злоупотреблением правом. При этом указание на неоднократность подачи заявления об отзыве исполнительного листа мы можем видеть в мотивировочной части судебного акта несколько раз. Вместе с тем, ни в резолютивной, ни в мотивировочной части Конституционный Суд не использует термин «злоупотребление правом» для характеристики поведения залогодержателя, отзывающего исполнительный лист, хотя и говорит о сотрудничающих залогодателях и залогодержателях как о лицах, действующих добросовестно.

В резолютивной части мы не найдем указания на то обстоятельство, что отзыв исполнительного листа взыскателем, если он был обусловлен действиями самого залогодателя, является поведением добросовестным. Тем не менее, именно такой вывод можно сделать исходя из содержания мотивировочной части: «Если же возвращение исполнительного документа взыскателю после возбуждения исполнительного производства произведено по заявлению самого взыскателя, *тем более не обусловленному действиями должника* (курсив наш – В.Б.), то неоднократное использование им права на подачу заявления о возвращении исполнительного документа может приводить к неограниченному по продолжительности принудительному исполнению содержащегося в исполнительном документе требования и, как следствие, к чрезмерно длительному с точки зрения конституционно-правовых предписаний пребыванию должника в состоянии неопределенности относительно своего правового положения».

Если, например, отзыв исполнительного листа был обусловлен предложением залогодателя, не являющегося должником в основном обязательстве, представить вместо заложенной вещи деньги для погашения всех или части требований к должнику, то подача взыскателем заявления о возвращении исполнительного листа, на наш взгляд, должна рассматриваться как поведение разумное и добросовестное, то есть не влияющее отрицательно для взыскателя на течение сроков предъявления исполнительного документа к взысканию.

В то же время, как видится, не любое противоправное или недобросовестное поведение должника, залогодателя или третьих лиц, связанное с залоговым обязательством, может рассматриваться в качестве уважительного обстоятельства отзыва исполнительного листа. Например, немотивированным представляется отзыв исполнительного документа об обращении взыскания на ряд заложенных объектов недвижимости по мотиву прекращения существования (сноса неизвестными лицами) одного из них, поскольку установление виновников ликвидации одного строения не обусловлено необходимостью отказа от продажи с торгов других.

По нашему мнению, в практике будет часто встречаться отзыв исполнительных листов залогодержателем под различными надуманными предлогами и по искусственно созданным основаниям.

Второе. Конституционный Суд РФ постановил: «Федеральному законодателю надлежит – в силу требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения, направленные на урегулирование порядка прерывания срока предъявления исполнительного документа к исполнению, если ранее предъявленный к исполнению тот же самый исполнительный документ был возвращен взыскателю по его заявлению».

По существу, задача, стоящая перед федеральным законодателем, гораздо сложнее, нежели отраженная в п. 2 резолютивной части Постановления. Нормотворцу предстоит не просто урегулировать течение срока предъявления исполнительного документа к исполнению, но и пересмотреть систему оснований возвращения исполнительного документа взыскателю (не путать с прекращением исполнительного производства!).

Часть 1 ст. 46 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» содержит семь оснований для возвращения исполнительного документа взыскателю. В их числе названы: подача заявления взыскателем (п. 1); отказ взыскателя оставить за собой имущество должника, не реализованное в принудительном порядке при исполнении исполнительного документа (п. 6); создание взыскателем своими действиями препятствий исполнению исполнительного документа (п. 6).

И если смотреть на проблему отзыва исполнительного документа залогодержателем с позиции житейской, с точки зрения мудрого обывателя, отзыв исполнительного документа может быть оценен либо как отказ оставить имущество должника за собой, либо как препятствие к исполнению исполнительного документа. Понятно, что такой подход в правоприменительной практике поддержки не находит.

Возвращаясь к необходимости изменения нормативной основы действий судебных приставов, отметим, что в ходе законопроектных работ, по сути, предстоит дифференцировать причины отзыва исполнительного документа самим взыскателем на уважительные и неуважительные. Следует ли делать это, используя оценочные категории, или перечислить те и другие причины – сказать сложно. Более того, нельзя исключать введения для названного типа исполнительных документов специальной системы или дополнительных оснований (особенностей) возвращения.

Третье. Конституционный Суд РФ постановил: «Впредь до внесения в действующее правовое регулирование необходимых изменений, вытекающих из настоящего Постановления, при предъявлении взыскателем исполнительного документа к исполнению должностные лица службы судебных приставов, а также суды, разрешая вопрос о наличии оснований для возбуждения или отказа в возбуждении исполнительного производства, в частности о соблюдении срока предъявления исполнительного документа к исполнению, в случае, если представленный исполнительный документ ранее уже предъявлялся к исполнению, но затем исполнительное производство по нему было окончено в связи с заявлением взыскателя, при исчислении этого срока обязаны вычитать из установленной законом общей продолжительности срока предъявления исполнительных документов к исполнению периоды, в течение которых исполнительное производство по данному исполнительному документу осуществлялось, начиная с его возбуждения и заканчивая его окончанием в связи с возвращением взыскателю исполнительного документа по его заявлению».

Предложенная Конституционным Судом РФ на переходный период схема обеспечения баланса интересов залогодателя и залогодержателя вполне может быть принята за основу федеральным законодателем. Попробуем разобраться с предложенным подходом.

Последствия истечения срока на предъявление исполнительного листа. Содержание Постановления № 7-П делает положение судебного пристава-исполнителя менее определенным на стадии принятия исполнительного документа к производству. Теперь ему предстоит отследить все действия взыскателя, направленные на отзыв исполнительного листа, и дать им оценку. Лишь после этого соответствующее должностное лицо вправе разрешить вопрос о возбуждении производства.

Рискнем предположить, что приставы будут действовать формально, не разбираясь в причинах отзыва исполнительного листа. Как следствие, добросовестным взыскателям придется задуматься над тем, как доказать уважительность всех или части действий, направленных на отзыв исполнительного листа, приложив к заявлению о возбуждении производства необходимые доказательства.

Сказанное относится к процедуре. С материально-правовой составляющей дела обстоит еще сложнее.

Учение о натуральных обязательствах имеет длительную и непростую историю. Права, не обеспеченные судебной защитой, например, в связи с истечением срока исковой давности, встречаются на практике нередко по причинам самого разного плана, в том числе, из-за неосторожности правообладателя, его загруженности, неосведомленности и т. д.

Истечение срока на предъявление «обычного» исполнительного листа о взыскании денежных средств к производству влечет близкие последствия. Долг как бы продолжает существовать, но взыскан принудительно быть не может.

В случае с залогом, особенно с ипотекой, формальное сохранение права в виде записи в официальных базах данных (в Реестре уведомлений о залогах или Едином государственном реестре недвижимости) фактически выводит объект из нормального оборота: найти такому имуществу нового владельца на возмездной (эквивалентной) основе будет непросто.

Конституционный Суд РФ, установив правила исчисления срока на предъявление исполнительного документа к производству, не указал, что истечение срока влечет прекращение права залога.

Абзац 4 п. 52 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» со-

держит правило, позволяющее судам применять способ защиты гражданских прав, прямо не закрепленный в законе: «В случаях, когда запись в ЕГРП нарушает право истца, которое не может быть защищено путем признания права или истребования имущества из чужого незаконного владения (право собственности на один и тот же объект недвижимости зарегистрировано за разными лицами, право собственности на движимое имущество зарегистрировано как на недвижимое имущество, ипотека или иное обременение прекратились), оспаривание зарегистрированного права или обременения может быть осуществлено путем предъявления иска о признании права или обременения отсутствующими».

В приведенном фрагменте акта официального толкования права говорится о проблеме, находящейся на стыке процессуального и материального закона, – исключительном способе защиты субъективного права (признание права отсутствующим). Прибегая к нему, суд должен установить соответствующие основания.

Как же быть с истечением сроков на предъявление исполнительного документа о наложении взыскания на заложенное имущество? Можно ли говорить, что само право залога, обременяющее право собственности, прекратилось?

Полагаем, что залогодатель, претендующий на восстановление права собственности как полноценной триады правомочий, может рассчитывать на положительный эффект, если прибегнет к иску о признании залога отсутствующим. Во-первых, приведенная выше позиция Конституционного Суда не препятствует тому, является фактически «протоидеей» о прекращении права.

Во-вторых, пп. 4 п. 1 ст. 352 ГК РФ установлено, что залог прекращается «в случае реализации заложенного имущества в целях удовлетворения требований залогодержателя в порядке, установленном законом, в том числе при оставлении залогодержателем заложенного имущества за собой, и в случае, если он не воспользовался этим правом» (курсив наш – В.Б.). Применение данной нормы в порядке аналогии к сходной правовой ситуации – когда залогодержатель не пользуется правом наложить взыскание на заложенное имущество – является разумным выходом из положения.

В-третьих, иной подход к решению проблемы фактически влек бы признание возможности для вещи существовать с «залоговым шлейфом» неограниченное время, что не способствовало бы нормальному гражданскому обороту.

Анализируемое постановление не стимулирует залогодержателей к явным злоупотреблениям, и, думается, с течением времени таковых должно стать меньше. Однако спектр действий, находящихся в буферной зоне, на границе противоправного и правомерного поведения, вряд ли станет уже.

Злоупотребление как система действий залогодержателя. Сложности оценки поведения залогодержателя как злоупотребления можно увидеть в деле по иску ООО «Бина» (залогодатель, не являющийся основным должником) к иностранному банку, в котором названное общество ссылалось на различные поведенческие акты залогодержателя, делающие владение вещью бессмысленным и обременительным*. В качестве фактов злоупотребления истец называл: 1) безмотивный однократный отзыв исполнительного листа; 2) оставление без рассмотрения предложения залогодателя принять залоговую стоимость вещи, которая не была продана в процессе первых торгов (по цене первых торгов); 3) длительное непринятие мер бывшим залогодержателем к регистрации права собственности на объект, не отчужденный на повторных торгах, в отношении которого имелось решение пристава о передаче залогодержателю.

Из данного проигранного залогодателем дела, на наш взгляд, со всей очевидностью следует, что отечественному правосудию еще предстоит глубоко осмыслить позицию Конституционного Суда РФ и выработать собственные подходы и критерии для оценки действий залогодержателя как **системного злоупотребления правом залога**. Таковым следует считать формально правомерные неоднородные поведенческие акты (действия и бездействие) залогодержателя, не имеющие прямой экономической мотивации, направленные на переложение негативных последствий и экономических рисков, связанных с залогом, на собственника вещи.

* Определение Верховного Суда РФ от 20 марта 2017 г. № 304-ЭС17-986 по делу № А46-369/2016; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14 ноября 2016 г. № Ф04-4855/2016 по делу № А46-369/2016; постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 24 августа 2016 г. № 08АП-8214/2016 по делу № А46-369/2016. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. О банках и банковской деятельности: федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 6. Ст. 492.
2. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 21, части 2 статьи 22 и части 4 статьи 46 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с жалобой гражданина М. Л. Ростовцева: постановление Конституционного Суда РФ от 10 марта 2016 г. № 7-П // Собрание законодательства РФ. 2016. № 12. Ст. 1707.
3. Письмо Банка России от 25 мая 2012 г. № 012-41-1/2289 // Вестник АРБ. 2012. № 11.
4. Бычков А. И. Актуальные проблемы судебного разбирательства. М.: Инфотропик Медиа, 2016. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Курбатов А. Я. Правосубъектность кредитных организаций: теоретические основы формирования и проблемы реализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.
6. Тимофеев С. В. Правовое регулирование предпринимательской деятельности банков в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010.

УДК 346.9

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ УПРАВЛЯЮЩИХ МНОГОКВАРТИРНЫМИ ДОМАМИ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАПРЕТОВ В АНТИМОНОПОЛЬНОЙ СФЕРЕ

Дмитрий Борисович Лаптев, старший преподаватель, кандидат юридических наук;
Оксана Михайловна Могилевец, старший преподаватель
(Западно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия)

E-mail: Lapa612@mail.ru

В статье анализируется возможность применения уголовных и административных запретов в антимонопольной сфере при регулировании деятельности управляющих многоквартирными домами организаций. Квалификация действий управляющей компании ставится в зависимость от того, является ли хозяйствующий субъект единственным на товарном рынке или нет.

Ключевые слова: антимонопольные запреты; ЖКХ; управляющие компании.

LEGAL RESPONSIBILITY OF MANAGERS OF APARTMENT BUILDINGS ORGANIZATIONS FOR VIOLATION OF THE PROHIBITIONS IN THE ANTIMONOPOLY SPHERE

Dmitriy Borisovich Laptev, senior lecturer, *kandidat nauk*, degree in Law;
Oksana Mikhailovna Mogilevets, senior lecturer
(West Siberian Branch of the Russian State University of justice)

The article analyzes the possibility of applying criminal and administrative prohibitions in the antimonopoly sphere when regulating the activity of apartment building management organizations. The qualification of the actions of the management company is made dependent on whether the economic entity is the only one in the commodity market or not.

Keywords: antitrust restrictions; utilities; operating companies.

Деятельность управляющих организаций, связанная с управлением многоквартирными домами, регламентируется Жилищным кодексом РФ и иными правовыми актами. Нарушение требований Федерального закона «О защите конкуренции» [1] (далее – Закон № 135-ФЗ) влечет ответственность:

- по ст. 178 УК РФ – ограничение конкуренции (нарушение ч. 1 ст. 11 Закона № 135-ФЗ при наличии материальных признаков состава преступления);
- ст. 14.31 КоАП РФ – злоупотребление доминирующим положением (нарушение ст. 10 Закона № 135-ФЗ);

– ст. 14.32 КоАП РФ – заключение антиконкурентных соглашений, осуществление антиконкурентных согласованных действий, координация экономической деятельности (нарушение ст. 11, 11.1 Закона № 135-ФЗ);

– ст. 14.33 КоАП РФ – недобросовестная конкуренция (нарушение гл. 2.1 Закона № 135-ФЗ).

Возможность применения указанных выше норм применительно к деятельности по управлению многоквартирными домами считаем верным рассматривать отдельно для двух самостоятельных направлений деятельности управляющих организаций.

Первое направление связано с реализацией обязанностей управляющей организации по управлению многоквартирным домом на основании соответствующего договора. Контрагентами управляющих организаций в данной сфере выступают собственники помещений в многоквартирном доме, что обуславливает необходимость особого внимания к реализации антимонопольных регуляторов в целях недопущения злоупотреблений в отношении потребителей.

Правовая природа обязательства, вытекающего из договора управления многоквартирным домом, предопределяет возможность руководствоваться в вопросах ответственности его участников нормами гражданского права [7]. И если договор управления многоквартирным домом заключен с собственником – физическим лицом, то к такому договору подлежат применению положения Закона РФ «О защите прав потребителей» [2], что подтверждается судебной практикой.

По общему правилу, на общем собрании жители (собственники помещений в многоквартирном доме) принимают решение о выборе конкретной управляющей организации и определяют условия, на которых будет заключен договор управления многоквартирным домом. Но из этого правила законодатель предусматривает ряд исключений, когда воля собственников помещений при выборе способа управления общим имуществом многоквартирного дома не учитывается и им «навязывается» управляющая организация, победившая в конкурсе, проводимом органом местного самоуправления. По мнению Д. В. Андриановой, наиболее часто конкурентное законодательство нарушают именно управляющие организации, отобранные в результате открытого конкурса, проведенного органом местного самоуправления [4, с. 137].

Во втором направлении деятельности управляющая организация осуществляет свою работу во взаимоотношениях с хозяйствующими субъектами (юридическими лицами, предпринимателями).

Часть 1 ст. 178 УК РФ (ред. Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 45-ФЗ) предусматривает уголовную ответственность за заключение антиконкурентных картелей при условии причинения крупного ущерба гражданам, организациям или государству либо извлечения дохода в крупном размере.

Учитывая тот факт, что современное уголовное законодательство в качестве преступных антиконкурентных деяний предусматривает лишь картельные сговоры между хозяйствующими субъектами (п. 5 ст. 4 Закона № 135-ФЗ), то применение указанного запрета во взаимоотношениях с собственниками помещений в многоквартирном доме не представляется возможным.

Рассматриваемый уголовно-правовой регулятор применим лишь во взаимоотношениях управляющих организаций с иными организациями и предпринимателями, осуществляющими свою деятельность на одном товарном рынке, то есть, по сути, с иными управляющими организациями соответствующего населенного пункта, но не с ТСЖ, ЖК или ЖСК.

Реалии судебной практики говорят об отсутствии обвинительных приговоров по ст. 178 УК РФ за последние годы*. Вместе с тем, одно из недавних уголовных дел, возбужденных по ч. 2 ст. 178 УК РФ, свидетельствует о потенциале применения данного уголовно-правового регулятора применительно к деятельности управляющих организаций.

Так, в Санкт-Петербурге сотрудники ГУ МВД России задержали четырех граждан, подозреваемых в получении незаконного дохода, в результате управления многоквартирными домами, на сумму более 600 млн руб. Руководители управляющих организаций на основании фальсифицированных протоколов собраний собственников помещений в многоквартирных домах не допускали на свою территорию конкурентов. Ущерб от деятельности подозреваемых был оценен в 600 млн руб.**.

* URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2015 (дата обращения: 14.10.2016).

** URL: <http://www.pravda.ru/news/accidents/03-07-2016/1305572-zkh-0/> (дата обращения: 14.10.2016).

Уголовно-правовой квалификации действий руководителей управляющих организаций в описанном выше деле предшествовало решение антимонопольных органов о нарушении хозяйствующими субъектами п. 3. ч. 1 ст. 11. Закона № 135-ФЗ. При рассмотрении дела ФАС РФ о нарушении антимонопольного закона руководителями хозяйствующих субъектов возможны два варианта развития событий:

1. В случаях, когда в действиях данных лиц содержатся признаки преступления, т. е. имеется факт нарушения Закона № 135-ФЗ и предусмотренная нормой сумма ущерба (дохода), то информация в отношении данных лиц направляется в МВД России для решения вопроса об уголовно-правовой квалификации.

2. В случаях, когда причиненный антиконкурентным деянием ущерб или полученный виновными лицами доход установить невозможно либо этот ущерб или доход меньше пределов, указанных в УК РФ, ФАС России решает вопрос о привлечении виновных должностных (физических) лиц к административной ответственности по ст. 14.32 КоАП РФ [5].

В рамках ст. 14.32 КоАП РФ предусмотрена ответственность в том числе за такие виды монополистической деятельности, как заключение ограничивающего конкуренцию соглашения (как вертикального, так и горизонтального).

Сложный с точки зрения квалификации ограничивающих конкуренцию соглашений вопрос с участием нескольких управляющих организаций был рассмотрен судами нескольких инстанций, в том числе и в Верховном Суде РФ, по материалам УФАС РФ по Воронежской области.

Так, в УФАС по Воронежской области поступило заявление о необоснованном заключении оператором и шестнадцатью управляющими организациями договоров на осуществление расчета и сбора платежей, что привело к навязыванию собственникам и нанимателям помещений условий перечисления платы за жилищно-коммунальные услуги на расчетный счет оператора.

Антимонопольный орган признал действия хозяйствующих субъектов нарушением п. 1 ч. 4 ст. 11 Закона № 135-ФЗ.

Суд первой инстанции, установивший законность принятого антимонопольным органом решения, исходил, в частности, из того, что в результате действий хозяйствующих субъектов жителям искусственно были навязаны невыгодные условия договора, созданы обязательства перед оператором, который не является исполнителем коммунальных услуг. Однако апелляционный суд не согласился с такими выводами и указал, что применительно к требованиям, содержащимся в п. 1 ч. 4 ст. 11 Закона № 135-ФЗ, необходимо установить, что в результате заключения вышеуказанных договоров произошло навязывание одной из сторон данного соглашения невыгодных для нее условий. Далее уже коллегия судей кассационной инстанции указала на ошибочность выводов суда апелляционной инстанции, поскольку управляющие организации действуют не в своих интересах, а в интересах жильцов. Вывод о том, что антимонопольный орган не учел того, что физические лица не являются контрагентами по агентским договорам, неправильный (постановление арбитражного суда Центрального округа от 7 июня 2016 г. № Ф10–1169/2016 по делу № А14–7626/2015).

В передаче указанного дела в Судебную коллегия по экономическим спорам ВС РФ было отказано, поскольку изменение порядка перечисления денежных средств за коммунальные услуги является неправомерным навязыванием данным соглашением физическим лицам невыгодных для них условий (определение Верховного Суда РФ от 5 сентября 2016 г. № 310-КП6–11030 по делу № А14–7626/2015).

Таким образом, законодательно обусловленная предназначенность управляющих организаций во взаимоотношениях с третьими лицами действовать в интересах собственников помещений в многоквартирном доме предопределяет возможность квалификации заключаемых УК соглашений с хозяйствующими субъектами как соглашений, напрямую затрагивающих права собственников помещений в многоквартирном доме, в том числе соглашений, навязывающих собственникам помещений в многоквартирном доме невыгодные условия договора, в случаях, когда последние не являются сторонами таких соглашений.

Соответственно, ст. 14.32 КоАП РФ в части запрета ограничивающих конкуренцию соглашений является прямым регулятором взаимоотношений УК РФ с иными хозяйствующими субъектами и может являться косвенным регулятором отношений, возникающих между УК РФ и собственниками помещений в многоквартирном доме.

Часть 1 ст. 14.31 КоАП РФ устанавливает ответственность за такую разновидность монополистической деятельности, как злоупотребление доминирующим положением.

В части 1 ст. 10 Закона № 135-ФЗ указаны запрещенные действия (бездействие) занимающего доминирующее положение хозяйствующего субъекта.

Интерес вызывает обзор Президиума Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел в сфере конкуренции (далее – Обзор), где указано, что управляющая организация не признается занимающей доминирующее положение на рынке оказания услуг по управлению многоквартирным домом в отношении лиц, с которыми заключен договор управления многоквартирным домом, только по причине заключения данного договора [6].

По материалам дела, управляющая организация в одностороннем порядке повысила тариф на свои услуги для собственников помещений в многоквартирном доме, что привело к квалификации ее действий антимонопольным органом по ч. 1 ст. 10 Закона № 135-ФЗ (злоупотребление доминирующим положением путем установления монопольно высокой цены).

Однако с учетом того, что выбор управляющей компании общим собственниками осуществляется добровольно, признание общества доминирующим субъектом на товарном рынке лишь по той причине, что только данное общество в соответствии с договором осуществляло управление многоквартирным домом, в суде было признано необоснованным.

Как отмечается в Обзоре, отношения между собственниками помещений и управляющей компанией находятся исключительно в плоскости гражданско-правовой сферы и связаны с ненадлежащим исполнением обществом своих обязательств. Собственники в случае несогласия, в том числе с платой по статье «содержание и текущий ремонт», вправе самостоятельно осуществлять защиту принадлежащих им прав способами, предусмотренными гражданским законодательством [6].

Указанный вывод представляется верным, поскольку в соответствии с ч. 3 ст. 161 ЖК РФ жители вправе в любое время изменить способ управления многоквартирным домом. Более того, собственники вправе в одностороннем порядке отказаться от исполнения договора с управляющей компанией (ч. 8.1 и 8.2 ст. 162 ЖК РФ).

Вместе с тем, как отмечается в Обзоре, в случае, когда управляющая компания является единственной на соответствующем товарном рынке оказания услуг управления многоквартирным домом и, следовательно, занимает на данном рынке доминирующее положение (которое должно быть установлено антимонопольным органом), незаконные действия такой управляющей компании, осуществляемые в отношении лиц, с которыми был заключен договор управления многоквартирным домом, могут быть квалифицированы как нарушение положений ч. 1 ст. 10 Закона № 135-ФЗ.

При этом следует согласиться с выводом Д. В. Андриановой о том, что развивать конкуренцию в сфере управления многоквартирными домами можно лишь в крупных городах, где идет строительство жилья. Что касается небольших муниципальных образований, то расположенные в них многоквартирные дома, как правило, находятся в таком неудовлетворительном состоянии, что брать их в управление частный бизнес не стремится, и единственными управляющими организациями становятся МУПы [4, с. 51].

Положение субъекта, оказывающего услуги по управлению многоквартирными домами, может быть признано доминирующим, но для этого необходимо учитывать географические границы административного образования, но не земельных участков, на которых расположены взятые в управление многоквартирные дома.

Приказом ФАС РФ от 28 апреля 2010 г. № 220 «Об утверждении порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке» [3] устанавливается порядок определения географических границ товарного рынка, необходимый для рассмотрения вопроса о признании положения хозяйствующего субъекта на товарном рынке доминирующим. При этом помимо географических границ учитываются и иные характеристики как самого товарного рынка, так и хозяйствующих субъектов – конкурентов.

Полагаем, что невозможность признания доминирующего положения управляющей организации во взаимоотношениях с собственниками помещений в многоквартирном доме в случаях, когда у последних есть альтернатива на рынке, не означает невозможность признания положения управляющей организации доминирующим во взаимоотношениях с хозяйствующими субъектами, у которых отсутствуют возможности альтернативной реализации своих бизнес-интересов.

Так, во Владимирское УФАС России с заявлением обратился оператор в сфере телекоммуникационных услуг, в котором указал, что ТСЖ отказывает в допуске сотрудников оператора к местам общего пользования в многоквартирном доме к собственной сети электросвязи, доступ

к которым необходим в целях оказания услуг связи собственникам помещений в указанном доме. Рассмотрев дело о нарушении антимонопольного законодательства, комиссия Владимирского УФАС признала в действиях ТСЖ нарушение п. 9 ч. 1 ст. 10 Закона № 135-ФЗ, выразившееся в создании препятствий доступу оператора к местам общего пользования в многоквартирном доме*.

Однако указанный вывод является далеко не бесспорным в связи с наличием соответствующего толкования антимонопольного закона Верховным Судом РФ в Определении от 4 июля 2016 г. № 304-КГ16–1613 по делу № А45–646/2015, где указано, что ТСЖ, отказывая сотрудникам оператора связи в допуске в технические помещения здания, действовало как лицо, представляющее интересы и выражающее волеизъявление собственников имущества многоквартирного дома относительно размещения оборудования третьего лица, а не как самостоятельное лицо. Указанный вывод был положен в основу признания незаконным решения антимонопольного органа о привлечении ТСЖ к ответственности.

В статье 14.33 КоАП РФ предусмотрена ответственность за недобросовестную конкуренцию (п. 9 ст. 4 Закона № 135-ФЗ). В главе 2.1 Закона № 135-ФЗ содержится исчерпывающий перечень форм недобросовестной конкуренции.

Применительно к деятельности управляющих организаций указанный запрет получает свою реализацию, в частности, в случаях, когда между управляющими организациями имеется спор относительно того, какая управляющая организация вправе осуществлять управление конкретным многоквартирным домом.

Достаточно распространенными являются проявления недобросовестной конкуренции со стороны управляющих компаний, которые отбираются органом местного самоуправления на основании проведенного открытого конкурса после того, как собственники помещений на общем собрании выбирают иной способ управления своим домом или принимают решение о смене управляющей организации. Стараясь всеми способами оставить за собой возможность управления многоквартирным домом, такие управляющие организации прибегают к различным способам недобросовестной конкуренции [4, с. 111].

Например, ранее управлявшая многоквартирным домом организация сознательно не передает вновь выбранной собственниками помещений управляющей организации техническую и иную документацию на многоквартирный дом, что нарушает правила, закрепленные в ч. 10 ст. 162 ЖК РФ, а также в договоре управления многоквартирным домом.

Так, в Санкт-Петербурге действия управляющей организации по непередаче технической документации на многоквартирный дом легитимной управляющей организации, а также действия по распространению объявлений, согласно которым нелегитимная управляющая организация является управляющей организацией многоквартирного дома, были признаны нарушением ч. 1 ст. 14 Закона № 135-ФЗ, поскольку лишают собственников дома возможности получать услуги от избранной управляющей организации и вводят их в заблуждение. Непередача ключей и технической документации препятствует легитимной управляющей организации осуществлять деятельность по управлению домом на законных основаниях**. Таким образом, управляющая организация, не выполняя установленные законом требования, ограничивает право конкурентов на осуществление предпринимательской деятельности, причиняет убытки не только вновь выбранной управляющей организации, но и собственникам помещений в многоквартирном доме.

Как видно, запрет, сформулированный в ст. 14.33 КоАП РФ, может быть реализован как для пресечения незаконных действий управляющей организации в отношении собственников помещений в многоквартирном доме, так и в отношении других хозяйствующих субъектов.

Литература

1. О защите конкуренции: федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Российская газета. 2006. 27 июля.
2. О защите прав потребителей: закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300–1 (ред. от 03.07.2016)» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.
3. Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке: приказ ФАС России от 28 апреля 2010 г. № 220 (ред. от 20.07.2016) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 34.

* URL: <http://vladimir.fas.gov.ru/news/11447> (дата обращения: 14.10.2016).

** URL: <http://solutions.fas.gov.ru/to/sankt-peterburgskoe-ufas-rossii/01-10149> (дата обращения: 14.10.2016).

4. Андрианова Д. В. Гражданско-правовое регулирование конкуренции в сфере управления многоквартирными домами: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
5. Кинев А. Ю. Уголовная ответственность за картели: практика применения статьи 178 УК РФ // Московский юрист. 2013. № 1.
6. Обзор по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере: утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 г. URL: www.vsr.ru/show_pdf.php?id=10734 (дата обращения: 14.10.2016).
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2013 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 9.

УДК 347.4

РЕЕСТР УВЕДОМЛЕНИЙ О ЗАЛОГЕ ДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА: СОДЕРЖАНИЕ И ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНУЮ ПРАКТИКУ

Ден Де Ун, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: dimandenmail.ru@mail.ru

В статье рассматривается правовое значение регистрации уведомлений о залоге движимого имущества. На основе анализа судебной практики автор показывает наличие проблемы определения добросовестности приобретателя заложенного имущества. Вносятся предложения по совершенствованию реестра уведомлений о залоге движимого имущества.

Ключевые слова: реестр уведомлений о залоге; залог движимого имущества; регистрация; кредит; добросовестный приобретатель; заем.

THE REGISTRY NOTIFICATIONS ABOUT MOVABLE PROPERTY BAIL: THE CONTENTS AND IMPACT ON LEGAL PRACTICE

Den De Un, post graduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The legal significance of registration of notifications on bail of movable property is discussed. It is based on the analysis of judicial practice that the author shows that the problem of determining the good faith of the purchaser of the mortgaged property. It proposes on improvement of the registry of notifications on movable property bails.

Keywords: the register of notifications on bail; bail of movable property; registration; credit; bona fide purchaser; the loan.

Ведение государственных реестров часто обусловлено необходимостью предотвращения нарушений, которые могут быть совершены участниками гражданских правоотношений. Как известно, категория добросовестности сегодня нередко ставится отечественным законодателем во главу угла при определении возможности предоставления защиты участнику гражданского оборота.

Влияние конкретного реестра на процесс формирования вывода правоприменителя о добросовестности может иметь прямой либо косвенный характер. Например, Реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) по существу называет то или иное лицо недобросовестным с учетом имеющегося опыта, то есть является *прямо влияющим на оценку добросовестности*. Однако подавляющее большинство других влияют на такую оценку лишь косвенно, хотя и самым существенным образом. Именно о них пойдет речь в настоящей статье.

В России за последние несколько лет стали очень популярны кредиты под залог приобретаемого движимого имущества, прежде всего механических транспортных средств. По статистическим сведениям, около трети автомобилей в 2011–2015 гг. куплены в кредит, одновременно увеличилось и количество злоупотреблений, связанных с реализацией заложенного транспорта*, а значит, сегодня продолжает сохранять актуальность проблема проверки «юридической чистоты» сделок, предметом которых являются действия, направленные на передачу движимого имущества.

---

* URL: <http://www.autostat.ru/news/view/21992/> (дата обращения: 15.07.2015).

Решением данной проблемы казалось введение Федеральным законом от 21 декабря 2013 г. № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] (далее – Федеральный закон № 379-ФЗ) процедуры регистрации уведомлений о залоге движимого имущества. Однако, как показала практика, возлагаемые надежды соответствующая мера законодательного регулирования оправдала не полностью.

С 1 июля 2014 г. начал функционировать Реестр уведомлений о залоге движимого имущества (далее – Реестр), которым может круглосуточно и бесплатно воспользоваться неограниченный круг лиц*. С помощью данного онлайн-сервиса можно отследить наличие обременения залогом того или иного движимого имущества.

Многие отечественные банки и нотариусы совместно работают над совершенствованием процедуры регистрации уведомлений о залоге движимого имущества**, в том числе разрабатывают договорные формы взаимодействия, которые призваны стать основой долговременного сотрудничества сторон. Так, на официальном сайте Сбербанка России размещена форма договора между банком и нотариусом, предметом которого является «совершение нотариальных действий по регистрации уведомлений о залоге движимого имущества и выдачи Банку свидетельств в соответствии с действующим законодательством в электронном виде или на бумажном носителе»***.

Согласно норме пп. 2 п. 1 ст. 352 ГК РФ, залог прекращается, если заложенное имущество возмездно приобретено лицом, которое не знало и не должно было знать, что это имущество является предметом залога. Введение в действие данной нормы в определенной мере способствует решению проблемы приобретения права собственности у отчуждателя имущества, связанного залогом [4, с. 61].

Как известно, добросовестным приобретателем является «лицо, которое возмездно приобрело имущество у другого лица, не имеющего права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать» [8]. При этом критерии определения добросовестности, используемые в судебной практике, множественны. Во всяком случае, юрисдикционному органу следует учитывать состояние информационной системы общества, в том числе существование баз данных, реестров, регистров и иных информационных систем, могущих служить открытыми источниками сведений для потенциальных контрагентов. Содержание реестров должно приниматься во внимание исключительно как влияющее на оценку добросовестности контрагента, если она важна для квалификации общественных отношений, в том числе для определения возможности возврата имущества, отчужденного по возмездным сделкам [3, с. 91].

В случае появления добросовестного покупателя заложенного имущества, интерес залогодержателя может быть ущемлен, причем отсутствие информации в Реестре уведомлений о залоге способно стать решающим аргументом в пользу добросовестности покупателя [7, с. 83]. Например, судом общей юрисдикции банку было отказано в обращении взыскания на заложенное транспортное средство, поскольку сведения о наличии залога у приобретателя имущества отсутствовали, а уведомление о залоге движимого имущества осуществлено не было****. Похожие выводы можно найти в актах арбитражных судов*****.

Однако само по себе отсутствие уведомления о залоге может и не быть принято в качестве достаточного основания для констатации добросовестности приобретения: «... Суды должны оценивать обстоятельства приобретения заложенного имущества, исходя из которых покупатель должен был предположить, что он приобретает имущество, находящееся в залоге. В частности, суды должны установить, был ли вручен приобретателю первоначальный экземпляр документа, свидетельствующего о праве продавца на продаваемое имущество (например, паспорт транспортного средства), либо его дубликат; имелись ли на заложенном имуществе в момент его передачи приобретателю знаки о залоге»*****.

* URL: <https://www.reestr-zalogov.ru/> (дата обращения: 17.07.2015).

** URL: <https://notariat.ru/news/16001/> (дата обращения: 15.07.2015).

*** URL: https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/not_dogovor.docx (дата обращения: 15.07.2015).

**** Решение Можгинского районного суда Удмуртской Республики от 23 июля 2015 по гражданскому делу № 2–692/15. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/i20ZvhkFhKm1/> (дата обращения: 15.09.2015).

***** Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 сентября 2015 г. № 17АП-9182/2015-АК по делу № А60–57722/2014. URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/39eb4ccf-02d5-473a-9b21-fe12e91126d8> (дата обращения: 14.10.2015).

***** Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27 августа 2015 г. № 09АП-32769/2015-ГК по делу № А40–30212/2015. URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/173160f8-5f6b-41f6-8aea-9d62c1a7d6d4> (дата обращения: 14.10.2015).

То есть, в конечном итоге диапазон судейского усмотрения оказывается чрезвычайно широким, причем практика базируется на акте официального толкования права: «Исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости (п. 2 ст. 6 Гражданского кодекса Российской Федерации), не может быть обращено взыскание на заложенное движимое имущество, возмездно приобретенное у залогодателя лицом, которое не знало и не должно было знать о том, что приобретаемое им имущество является предметом залога. При этом суды должны оценивать обстоятельства приобретения заложенного имущества, исходя из которых покупатель должен был предположить, что он приобретает имущество, находящееся в залоге» [2, п. 25].

Именно приобретатель должен проверить наличие сведений о залоге в Реестре. В том случае, когда уведомление о залоге было зарегистрировано в Реестре, незаконный приобретатель (владелец) соответствующего имущества по возмездному договору не может быть оценен как добросовестный. Так, гражданин был признан недобросовестным приобретателем, поскольку не проявил необходимую степень заботливости, разумную осмотрительность при совершении сделки купли-продажи автомобиля, а именно не проверил наличие соответствующих сведений в отношении приобретаемого им имущества в Реестре до совершения сделки*.

По одному из рассматриваемых дел суд принял решение об отказе обществу с ограниченной ответственностью «Управляющая компания Комсервис» о признании права залога на автомобиль прекращенным, ссылаясь на наличие сведений о залоге транспортного средства на официальном сайте ГИБДД (?!): «Вопреки доводам апелляционной жалобы, суд первой инстанции обоснованно указал на то, что, при должной осмотрительности и заботливости, истец должен был на момент совершения купли-продажи автомобиля удостовериться о наличии ограничений и запретов в отношении указанного автомобиля (указанные сведения носят публичный характер, поскольку размещены на официальном сайте ГИБДД)..., а при наличии информации об обременении передаваемого имущества отказаться от договора и потребовать от продавца возмещения причиненных ненадлежащим исполнением договора убытков. Однако надлежащих мер, направленных на выявление обременений автомобиля, истец не предпринимал»**.

По мнению суда, содержание ведомственной базы данных влияет на оценку добросовестности приобретателя. Для наглядности и возможности верификации вынуждены сказать о некоторых частностях и деталях, связанных с ведением упомянутой базы данных.

На запрос, сделанный гражданином России в орган внутренних дел об основаниях для ведения соответствующего сайта (поисковой системы) и о правовых последствиях включения в данную базу, был получен ответ, в котором, в частности, отмечалось: «В зависимости от причины учета транспортного средства в АИПС «Ограничения» и АИПС «Розыск» может быть отказано в совершении регистрационных действий, задержания транспортного средства с помещением его на специализированную стоянку, задержания транспортного средства и находящихся в нем лиц»***.

Из приведенного ответа следует, что указанные выше информационные системы функционируют на основании ведомственного нормативного правового акта. Думается, что большинству участников гражданского оборота об их существовании не известно. Допустив обратное, мы будем исходить из презумпции знания любых нормативных актов, а не только законов. Еще одна важная ремарка: приказ МВД России от 3 декабря 2007 г. № 1144 «О системе информационного обеспечения подразделений Госавтоинспекции» (по сведениям СПС «КонсультантПлюс», где он частично размещен) официально нигде не опубликован. Отсюда остается сделать абсурдный вывод, что все действительные и потенциальные автовладельцы должны рассматриваться как лица, сведущие в области баз данных, даже если их ведение ни на чем не основывается.

* Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Самарского областного суда от 28 июля 2015 г. по гражданскому делу № 33–7903/2015. URL: <https://rospravosudie.com/court-samarskij-oblastnoj-sud-samarskaya-oblast-s/act-496721208> (дата обращения: 15.09.2015).

** Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27 августа 2015 г. № 09АП-32769/2015-ГК по делу № А40–30212/2015. URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/173160f8-5f6b-41f6-8aea-9d62c1a7d6d4>. (дата обращения: 14.10.2015).

*** Письмо УГИБДД УМВД России по Хабаровскому краю «О направлении ответа» от 7 декабря 2015 г. № Б-563И (представлено автору профессором В. А. Болдыревым).

Воспользовавшись информационным ресурсом ГИБДД* и проверив автомобиль**, о котором шла речь в судебном акте, мы были удивлены еще больше. Никаких сведений о залоге поисковая система не предоставила, однако были выданы три записи о виде примененного ограничения – «Запрет регистрационного действия» – и наложивших их органах («судебные органы», «судебные приставы», «органы внутренних дел или иные правоохранительные органы (прочие)»).

Вероятно, к изложенной выше ситуации были более применимы положения п. 5 ст. 334 ГК РФ, на которые, впрочем, суд не сослался вовсе. Напомним, что соответствующая норма устанавливает: «Если иное не вытекает из существа отношений залога, кредитор или иное управомоченное лицо, в чьих интересах был наложен запрет на распоряжение имуществом (статья 174.1), обладает правами и обязанностями залогодержателя в отношении этого имущества с момента вступления в силу решения суда, которым требования таких кредитора или иного управомоченного лица были удовлетворены. Очередность удовлетворения указанных требований определяется в соответствии с положениями статьи 342.1 настоящего Кодекса по дате, на которую соответствующий запрет считается возникшим».

Сегодня передача арестованного и иного обремененного на основании судебного акта имущества третьим лицам является действительной сделкой. Законодатель предусмотрел специальные правовые последствия действий вопреки судебному постановлению: «Сделка, совершенная с нарушением запрета на распоряжение имуществом должника, наложенного в судебном или ином установленном законом порядке в пользу его кредитора или иного управомоченного лица, не препятствует реализации прав указанного кредитора или иного управомоченного лица, которые обеспечивались запретом, за исключением случаев, если приобретатель имущества не знал и не должен был знать о запрете» (п. 2 ст. 174.1 ГК РФ).

Содержание новых правил об обременениях, наложенных судебными актами, заставляют задуматься над тем, как о них может стать известно третьим лицам – потенциальным добросовестным приобретателям. Вероятно, относительно **регистрируемого движимого имущества** наиболее логичным был бы вывод о необходимости вести открытый учет таких обременений в силу прямого указания закона. Напомним, что фактически это уже сделано, но отнюдь не на основе буквы закона.

Применительно к регистрируемому движимому имуществу, прежде всего к транспортным средствам, необходимо установление правила о моменте начала действия судебного обременения. Если регистрация имущества – транспортного средства – осуществлена за новым приобретателем до момента внесения записи об обременении, это не должно влиять на права добросовестного приобретателя.

Сказанное позволяет согласиться с выводом, что практика не обеспечила единообразия в применении гражданского законодательства о добросовестном приобретении имущества [5, с. 134]. Более того, состояние информационного права и уровень развития информационных технологий будут постоянно сказываться на текущем правоприменении, причем даже в условиях отсутствия четких правил, относящихся к ведению информационных ресурсов.

Верховный Суд РФ подчеркнул, что правило о защите добросовестного приобретателя заложенного имущества (пп. 2 п. 1 ст. 352 ГК РФ) применяется только к сделкам, направленным на отчуждение соответствующих вещей вопреки установленному порядку, совершенным после 1 июля 2014 г. [6], иными словами, как основное обязательство, так и залог, его обеспечивающий (акцессорное обязательство), могут возникнуть до или после указанной даты. Во избежание злоупотреблений со стороны «старых» залогодателей, особенно в период экономического кризиса, возможна регистрация уведомления о залогах прежних лет, договорные основания которых возникли, скажем, в 2005 или 2010 гг.

Можно прогнозировать, что «запоздалая» регистрация (нерасторпность залогодержателя) будет иметь следствием многочисленные злоупотребления со стороны должников, которые будут выражаться в заключении договоров о последующих залогах, в том числе в целях моделирования ситуации приоритета залога в пользу третьего лица, связанного с залогодателем какими-либо интересами (аффилированного).

* URL: <http://www.gibdd.ru/check/auto/> (дата обращения: 17.12.2015).

** Автомобиль из ранее упомянутого судебного решения, давшего повод для обращения к информационному ресурсу МВД, – «Мазда 6» (VIN RUMGJ4268DV000409).

К тому подталкивает норма, согласно которой, в случае, если заложенное имущество является предметом нескольких залогов, то преимущественное право удовлетворения своих требований имеет тот залогодержатель, запись в Реестре которого совершена ранее (п. 10 ст. 342.1 ГК РФ).

У неискушенного участника гражданского оборота могут возникнуть проблемы при оценке имущества как заложенного, даже если регистрация уведомления о залоге была проведена, но он был введен в заблуждение относительно содержания Реестра недобросовестными профессионалами.

Свидетельством может служить фрагмент судебного акта, которым неосведомленный приобретатель был лишен приобретенного имущества, чему способствовала недобросовестность посредника-профессионала: *«Сотрудница автосалона, которая занималась оформлением сделки, заверила, что в отношении автомашины не имеется никаких обременений. В день покупки машины он оплатил услуги автосалона, в том числе по проверке машины. По результатам проверки выдана выписка из Реестра уведомлений о залоге движимого имущества, в которой не было сведений о нахождении автомобиля в залоге. В акте приема-передачи было отражено, что транспортное средство никому не заложено, не продано, в споре и запрещении (под арестом) не находится. Поскольку продавцом был представлен дубликат паспорта транспортного средства, приобретаемый автомобиль был проверен в базе данных Федеральной информационной системы МВД РФ, где информация отсутствовала»**.

Понятно, что риск выбора посредника должен нести участник оборота, однако в результате введения Реестра граждане старшего возраста, часто не сведущие в работе с базами данных, оказались несколько уязвлены.

При использовании Реестра возникают сложности определения предмета залога. Например, на сформированный 7 октября 2015 г. в поисковой системе запрос с указанием в строке поиска слова «автомобиль» было предложено всего 18 результатов, хотя именно транспортные средства являются одними из самых распространенных предметов залога. Данное обстоятельство свидетельствует о наличии проблем технического характера, в частности, в поисковой системе отсутствуют адекватные классификация и сортировка отображаемых результатов. Это подтверждается тем, что при изменении содержания запроса на названия автомобильных марок Toyota, Mazda, Audi и других также выдается по 18 результатов.

Следует обратить особое внимание на содержание нормы п. 4 ч. 1 ст. 103.4 Основ законодательства о нотариате, отражающей то, какие именно сведения об объекте залога *должны* быть, а какие – *могут быть* в соответствующем уведомлении. Из нее следует необходимость отражения сведений «о заложенном имуществе путем его описания. Идентификационный номер транспортного средства (VIN) (при его наличии) указывается в отдельном поле уведомления. При наличии иного цифрового или буквенного обозначения либо комбинации таких обозначений, которые идентифицируют заложенное имущество, такие обозначения могут быть указаны в отдельном поле уведомления».

Учитывая отсутствие прямого указания на то, каким должно быть «описание имущества» (название, размер, цвет, вес и т. д.), можно сделать заключение, что в данной части норма фактически является декларацией. Упоминание о необходимости отражения идентификационного номера транспортного средства – единственная конкретика в данной норме. А вот установление *права*, а не обязанности, отразить номерные характеристики имущества, когда они имеются, если только это не идентификационный номер транспортного средства, – право очень спорное.

Металлорежущие станки, прессы, навесное оборудование, емкости больших объемов для нефтепродуктов, сложный спортивный инвентарь (велосипеды и лыжи) имеют заводские номера, а электронное оборудование – международный идентификатор мобильного оборудования (IMEI – англ. International Mobile Equipment Identity). Именно данные сведения способны придать регистрации уведомления о залоге конкретизирующее свойство.

Теперь о негативных последствиях содержания проанализированной нормы. Нотариусы регистрируют уведомления о залоге подушек, одеял, банных принадлежностей**, поросят, свиней***,

* Решение Селивановского районного суда Владимирской области от 14 августа 2015 г. по гражданскому делу № 2–188/2015. URL: <https://rospravosudie.com/court-selivanovskij-rajonnyj-sud-vladimirskaya-oblast-s/act-495021731/> (дата обращения: 15.07.2015).

** Уведомление от 23 октября 2014 г. № 2014–000–139922–918 (дата обращения: 25.10.2015).

*** Уведомление от 26 ноября 2014 г. № 2014–000–195518–771 (дата обращения: 25.10.2015).

вина, водки, шампанского*, бумажных полотенец, салфеток и даже туалетной бумаги**. Такой подход находит продолжение в судебных решениях, а акты юрисдикционных органов, в свою очередь, становятся источником договорной практики. Образуется порочный круг.

Например, судом было принято решение об обращении взыскания на бытовую технику (без указания идентификационных номеров), бытовую химию (шампуни, лаки, гели и т. д.), канцелярские товары (карандаши, бумага, ручки), чулочно-носочные изделия и др.; судебный акт требовал реализации всего перечисленного имущества в совокупности***. В другом случае юрисдикционный орган постановил обратить взыскание на 1038 наименований мебели, небольшую часть которой можно идентифицировать лишь по названию****.

Правоприменитель испытывал и испытывает сложности идентификации объекта залога движимого имущества. Это происходит по ряду причин: ввиду свойств самих вещей, беспечности залогодержателя, несовершенства законодательства, ненадлежащего ведения бухгалтерского учета.

Такие сложности, как можно прогнозировать, будут иметь свое продолжение при оценке приобретателя движимого имущества в качестве добросовестного участника оборота. Думается, при недостаточной конкретности уведомления о залоге движимого имущества суд не может исходить из того, что приобретатель лишь с поправкой на содержание Реестра должен был предположить, что отчуждаемое имущество является объектом залога.

Согласно п. 5 ст. 10 ГК РФ, добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются. Столь общий посыл, содержащийся в акте кодифицированного гражданского законодательства, дает основания сделать вывод, что именно залогодержателю как лицу, заинтересованному в исполнении обязательства, следует конкретизировать соответствующее имущество. При наличии у имущества точных номерных характеристик и при отсутствии указания на них в уведомлении о залоге приобретатель может разумно рассчитывать, что на заложенном имуществе номеров в принципе не существует.

Учитывая отмеченные выше сложности, можно сделать заключение о необходимости проведения комплексных исследований в целях предложения классификации заложенного имущества для поисковой системы Реестра, выработки рекомендаций (методики описания) для потенциальных составителей уведомлений, в том числе лингвистических правил заполнения соответствующей формы уведомления, определения алгоритма сортировки отображаемых поисковой системой результатов. При решении данных вопросов необходимо привлечение специалистов в сферах, смежных с юриспруденцией, прежде всего в области информатики и товароведения.

Литература

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 379-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 51. Ст. 6699.
2. О некоторых вопросах применения законодательства о залоге: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2011 г. № 10. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Болдырев В. А. Прекращение полномочий лица, выполняющего функции единоличного исполнительного органа // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2015. № 2.
4. Груздев В. В. Добросовестное приобретение чужого имущества // Законы России: опыт, анализ практика. 2012. № 10.
5. Мордванюк С. Д. О вопросах совершенствования законодательства о добросовестном приобретении // Вестник Чувашского университета. 2006. № 3.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2015) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 5.
7. Савельева А. Новое в регулировании залоговых отношений // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2014. № 11.
8. Толчеев Н. К., Потапенко С. В. Настольная книга судьи по спорам о праве собственности. М.: Проспект, 2007.

* Уведомление от 3 декабря 2014 г. № 2014-000-213768-456 (дата обращения: 25.10.2015).

** Уведомление от 28 ноября 2014 г. № 2014-000-203116-392 (дата обращения: 25.10.2015).

*** Решение Куйбышевского районного суда г. Иркутска от 29 августа 2011 г. № 2-1575/2011. URL: <https://rospravosudie.com/court-kujbysheskiy-rajonnyj-sud-g-irkutsk-irkutskaya-oblast-s/act-100211222/> (дата обращения: 09.11.2015).

**** Решение Ново-Савиновского районного суда г. Казани от 19 мая 2015 г. № 2-4318/15. URL: <https://rospravosudie.com/court-novo-savinovskij-rajonnyj-sud-g-kazani-respublika-tatarstan-s/act-491998337/> (дата обращения: 09.11.2015).

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ БАБАЙ (1957-2014)

*Есть нечто столь же прекрасное,
как великий человек, — это человек чести*
Альфред де Виньи

Мое первое знакомство с Александром Николаевичем Бабаем состоялось как с преподавателем. Я была студенткой Хабаровского факультета Всесоюзного юридического заочного института. Работая в Хабаровской высшей школе МВД СССР, он читал нам несколько раз лекции по дисциплине «Теория государства и права», заменяя штатного преподавателя.

Подтянутый, аккуратный, симпатичный молодой мужчина рассказывал нам, студентам-заочникам, о государственном устройстве, праве, правосознании и о других важных для будущих юристов вещах, причем, в отличие от других преподавателей, очень доходчиво и спокойно, не повышая голоса, со знанием дела и, что было необычно, без каких бы то ни было записей и конспектов. Его хотелось слушать. Голос его был ти-

хим, поэтому завораживал. На его лекциях не было желания пообщаться с одноклассниками.

Шло время, я закончила вуз и продолжила свою трудовую деятельность в Хабаровской высшей школе МВД России в качестве преподавателя кафедры. Меня увлекла новая деятельность.

Сначала мои пути с Александром Николаевичем не пересекались. Чуть позже, будучи адъюнктом, мне пришлось часто общаться с Александром Николаевичем, так как он в то время занимал должность заместителя начальника школы по научной работе, а мне нужно было решать организационные вопросы, связанные с защитой. Александр Николаевич нам, молодым ученым, всячески помогал и содействовал.

В 90-е годы прошлого столетия вопросы с организацией защиты было решать гораздо сложнее, чем сейчас. Мы отсылали свои диссертации по почте или передавали с сотрудниками, отправляющимися в командировку или в отпуск, в разные вузы, которые могли принять наши исследования к защите. И ждали, ждали ...

Сотовых телефонов тогда не было, поэтому очень часто гурьбой приходили в кабинет к Александру Николаевичу, не задумываясь, что у него имеются свои дела и ему необходимо исполнять служебные обязанности, а также оправдываться после наших разговоров по междугородней связи перед начальником финансово-экономического отдела, и звонили с его рабочего телефона. Успевали наговоривать в месяц на довольно большие денежные суммы.

Дальше вспоминается тот период времени, когда я завершила обучение в адъюнктуре и обозначились перспективы защиты. Но, к моему сожалению, все рухнуло в один момент,

так как финансовое право (по нему была тема моего диссертационного исследования) было выделено в другую научную специальность и нужно было начинать все сначала – пересдавать кандидатский экзамен, искать другой диссертационный совет. Я впала в отчаяние и пошла за советом к Александру Николаевичу. Он очень спокойно и убедительно сказал: «Не останавливайтесь на полдороги. У Вас должно все получиться». Я не могла не оправдать доверия своего руководителя.

Сейчас, по истечении многих лет, вспоминая это, будучи уже доктором наук, я иногда задумываюсь, откуда он тогда знал, что у меня (впрочем, как и у многих из нас) найдутся силы. И не только на защиту кандидатских диссертаций. Магия? Нет, просто большая вера в людей.

Прошло еще некоторое время. Я руководила кафедрой, факультетом, отчасти благодаря Александру Николаевичу, поскольку начальник института, назначая меня на разные должности, прислушивался и к его мнению. За этот период приходилось решать много учебных, управленческих и иных связанных со служебной деятельностью вопросов. Трудности не пугали, так как рядом был наш непосредственный руководитель Александр Николаевич Бабай.

Он был интеллигентным человеком и особенным руководителем. Каким-то волшебным образом он знал имена и отчества не только начальствующего состава, но и всех сотрудников, с кем ему приходилось работать. За время своей службы я ни разу не слышала, чтобы, давая указания либо спрашивая с подчиненных их выполнение, он повышал голос. Не помню, чтобы он ругал меня или кого-то еще. Мы старались к службе (работе) относиться ответственно не потому, что боялись взысканий, – просто не могли подвести Александра Николаевича. Служили, не задумываясь о поощрениях, а он помнил обо всех и ценил, с его подачи многие из нас поощрялись правами начальника института, а также руководителями других учреждений и ведомств.

Так сложилось, что я не являюсь специалистом в том направлении научной деятельности, каким занимался Александр Николаевич. Им написано и опубликовано много научных, учебных и методических работ, среди которых монографии, статьи, учебные пособия. Они были интересны не только курсантам (слушателям), молодым ученым, но и преподавателям со стажем.

Александр Николаевич был настоящим ученым, имел учеников – под его руководством около десяти соискателей ученой степени кандидата юридических наук защитили диссертации.

Его почитали все: преподаватели, подчиненные, курсанты. Любили, наверное, потому, что жизненный принцип Александра Николаевича заключался всего в трех словах: «Делать людям добро».

Профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
Дальневосточного юридического института МВД России
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации *Л. Н. Древал*

«УСПЕЙТЕ ЗАСЕЯТЬ ЗЕМЛЮ ДОБРЫМИ СЕМЕНАМИ...»

Мы хотим рассказать о замечательном человеке, известном правоведе, удивительном педагоге – кандидате юридических наук, профессоре, заслуженном юристе Российской Федерации полковнике полиции Александре Николаевиче Бабае. В наступившем году Александру Николаевичу исполнилось бы шестьдесят лет...

Он родился в Чите в 1957 г. в семье фронтовика. Будущий профессор рос и мужал в деревне. С раннего детства Саша отличался необыкновенной чуткостью, жаждой знаний. Выбор будущей профессии для него был не случайным. Огромную роль в становлении А. Н. Бабая как юриста сыграл его родной дядя – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Владимир Константинович Бабаев, которого сам Александр Николаевич называл своим ангелом-хранителем. Вспоминая об этом, А. Н. Бабай рассказывал, что к выпускному классу уже точно знал, что хочет посвятить свою жизнь юриспруденции. Выпускник сельской школы выдержал строгие экзамены и поступил на престижный юридический факультет Дальневосточного государственного университета (ДВГУ).

Говорят, талантливый человек талантлив во всем. И правда, в студенческие годы помимо успешной учебы Александр Николаевич вполне серьезно занимался футболом – играл за Владивостокскую команду «Луч». Кто знает, как бы сложилась судьба профессора, не получи он серьезную травму колена, поставившую крест на карьере профессионального футболиста.

По окончании с отличием ДВГУ А. Н. Бабай был распределен в прокуратуру Амурской области, где в должности прокурора отдела занимался общим надзором за исполнением законов предприятиями и учреждениями. Служа закону, Александр Николаевич грезил наукой. Это желание было так велико, что вчерашний прокурор сменил свои петлицы юриста третьего класса на погоны лейтенанта органов внутренних дел, связав себя с Хабаровской высшей школой МВД СССР – впоследствии Дальневосточным юридическим институтом МВД России, которому оставался верен как преподаватель до конца жизни.

Новая сфера деятельности подарила Александру Николаевичу не только радость творчества, но и преподнесла возможность лично познакомиться с известными учеными-правоведами. А. Н. Бабай вспоминал, что со студенческой скамьи лелеял мечту писать диссертацию под руководством знаменитого профессора О. С. Йоффе. С середины 1950-х гг. последний – самый молодой доктор юридических наук в СССР – гремел, но к моменту встречи с Александром Николаевичем давно не занимался преподаванием, подвергался гонениям со стороны властей как диссидент. Выслушав вчерашнего выпускника юридического факультета, мэтр, спасая будущее начинающего ученого, отказал ему в наставничестве, напутствовал старой истиной о том, что в науке, как и в жизни, мы в ответе за тех, кого приручили. Этому принципу Александр Николаевич следовал всю жизнь.

Упорно занимаясь, в 1986 г. в Московской высшей школе милиции МВД СССР А. Н. Бабай с блеском защищает кандидатскую диссертацию по теме «Юридическая квалификация правового поведения личности». Много раз он вспоминал, как трудно давалась ему эта работа, но именно она стала вектором его научной жизни, заложив основу для большого цикла трудов, посвященных правовой оценке социальной деятельности субъектов правоотношений.

Но жизнь Александра Николаевича не была ограничена рабочим кабинетом и учебной аудиторией. В тяжелые годы краха Советского Союза, оставив пособия и учебники, майор милиции А. Н. Бабай встал плечом к плечу с защитниками мира в Нагорном Карабахе. Сам профессор не любил вспоминать о войне, в память о которой остались пожелтевшие черно-белые фотографии.

Несмотря на обидно короткую жизнь, Александр Николаевич успел оставить солидное научное наследие. Лично и в соавторстве он опубликовал более 130 научных трудов, в числе которых 4 монографии, 11 учебников и 3 курса лекций. Идеи, выдвинутые А. Н. Бабаем, еще долгие годы будут благодатной пищей для научного осмысления. Обсуждая ту или иную проблему, Александр Николаевич умел предвосхитить, предсказать события. На заре новой России в 1991 г. первым на Дальнем Востоке он занялся исследованием правового государства*, затем в далеком 1997 г. высказал мысли об антинаркотической функции государства, как об основ-

* Бабай А.Н. «Разделение властей» как принцип правового государства и роль органов внутренних дел в его осуществлении // Формирование правового государства и совершенствование деятельности органов внутренних дел: сб. науч. тр. Хабаровск: ХВШ МВД СССР, 1991. С. 33–40.

ном направлении его деятельности*. Через десять лет Александр Николаевич вернулся к этому вопросу, посвятив его научному обоснованию целую серию работ**.

Перечитывая труды профессора, нельзя не отметить не только целостность и фундаментальность выражаемых в них идей, но и прекрасный литературный язык, которым они написаны. Коллеги и ученики Александра Николаевича знают, что он умел подвластное немногим – говорить просто о сложном. Особенно ярко это качество проявлялось во время лекций, семинаров и конференций. Вспоминается негромкий голос профессора, мягкие интонации и жесты, отточенная лаконичность фраз и полная тишина в зале. А. Н. Бабай необъяснимо умел приковывать внимание любой аудитории к тому, о чем рассказывал. Кристальная порядочность, природная интеллигентность, умение выслушать, не перебивая, дать дельный совет отличали Александра Николаевича от многих руководителей, прошедших «горнило службы». Коллеги, друзья и ученики вряд ли вспомнят, слышали ли они когда-нибудь от профессора «крепкое словцо». Именно поэтому Александр Николаевич так притягивал к себе людей.

Занимая ответственные руководящие посты, Александр Николаевич оставался удивительно скромным человеком. Редкие часы отдыха он предпочитал проводить на своем скромном дачном участке, куда добирался на пригородной электричке. В одетом в старую гимнастерку труженике, возделывающем грядки, было трудно узнать маститого ученого и большого руководителя. Незадолго до его госпитализации мы встретились с Александром Николаевичем на его даче. Отдыхая после окучивания картошки, профессор шутил, рассказывая, что в будущем году запланировал привести в порядок старенький дачный домик, посадить новый сорт клубники, а также восстановить забор, пострадавший от прошлогоднего пала сухой травы. Когда кто-то из нас перевел разговор на профессиональные темы, Александр Николаевич грустно улыбнулся, вздохнул, прищурился и, размяв пальцами горсточку грунта, показал ее нам, сказав: «Видите эту землю? Она одна дает жизнь. В ней весь смысл, постарайтесь засеять ее добрыми семенами...».

Доцент кафедры уголовного права
5 факультета повышения квалификации
Московской академии Следственного комитета РФ
кандидат юридических наук А. В. Быков;

заведующий криминалистической лабораторией
5 факультета повышения квалификации
Московской академии Следственного комитета РФ
кандидат юридических наук, доцент Е. А. Киселев;

доцент кафедры истории отечества, государства и права
Тихоокеанского государственного университета
кандидат юридических наук Е. В. Знамеровский

* Бабай А. Н. Деуниверсализация функций органов внутренних дел в условиях формирования гражданского общества // Органы внутренних дел в борьбе с преступностью на Дальнем Востоке: сб. науч. тр. межвуз. науч. – практ. конф., 18–19 апреля 1997 г. Хабаровск: ДВЮИ МВД РФ, ДВИЗиП, 1998. С. 5–12.

** См., напр.: Бабай А. Н. Современные проблемы противодействия наркопреступности и пути их решения // Актуальные проблемы теории и практики противодействия наркопреступности на Дальнем Востоке: сб. мат-лов междунар. науч. – практ. конф., 22–23 ноября 2007 г. Хабаровск: ДВИПК ФСКН России, ДВЮИ МВД РФ, 2008. С. 14–18; Он же. Состояние и перспективы организации международного сотрудничества в сфере подготовки кадров для органов по контролю за оборотом наркотиков // Наркомания и противодействие наркопреступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: мат-лы междунар. науч. – практ. конф., 9–10 сентября 2008 г. / под общ. ред. Л. И. Романовой. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2009. С. 142–149; Он же. Особенности наркоситуации в современной России и меры по совершенствованию правовых основ противодействия незаконному обороту наркотиков // Актуальные проблемы предупреждения правонарушений в сфере общественного порядка и общественной безопасности: сб. мат-лов всерос. науч. – практ. конф., 14–15 мая 2008 г. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2009. С. 101–106; Он же. Роль полицейских структур в реализации антинаркотической функции современного Российского государства // Полиция России: прошлое, настоящее, будущее: сб. мат-лов всерос. науч. – практ. конф., 28–29 июня 2012 г. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2012. С. 117–122.

Информация для авторов

---

1. В редакцию представляются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, а также краткие научные сообщения, соответствующие научным направлениям журнала.

2. Все рукописи статей, поступившие в редколлегию журнала, проверяются на оригинальность текста с использованием специализированного программного обеспечения. Доля оригинального текста должна быть не менее 70 %. В случае обнаружения ранее опубликованной работы, повторяющей результаты находящейся на рассмотрении статьи более чем на 30 % по отчету специализированного программного обеспечения, редколлегия Вестника оставляет за собой право отказать авторам в опубликовании статьи.

3. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде на CD или по электронной почте (e-mail: vestnikdvui@yandex.ru).

4. Объем статьи должен быть не менее 10 и не более 20 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.

5. Статья должна быть подписана автором (авторами). Каждому автору необходимо указать: имя, отчество, фамилию (полностью), должность и место работы, ученую степень и звание, почетные звания, почтовый адрес и телефон для контактов, а также адрес электронной почты. Статьи адъюнктов и аспирантов должны также иметь подпись их научного руководителя, заверенную соответствующим образом.

Перед подписью автора и научного руководителя (после списка литературы) следует указать: «Представленный материал ранее нигде не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях. У авторов нет конфликта интересов, связанных с этой публикацией (если авторов два и более). Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю (не возражаем)».

6. Обязательно наличие аннотации, ключевых слов (не более семи речевых единиц) и пристатейного библиографического списка. Объем аннотации – около 500 знаков (включая пробелы). Аннотация не должна быть перифразом названия статьи, включать малоинформативные формулировки. Пристатейный список литературы размещается в конце статьи и содержит пронумерованные по порядку библиографические ссылки на использованные при написании статьи литературные и другие источники. При этом список библиографических ссылок вначале содержит перечень использованных официальных документов, расположенных по юридической силе, затем – перечень печатных источников (книги, статьи в журналах и газетах и т. д.), а в конце списка литературы приводятся ссылки на интернет-ресурсы. В пределах каждой такой подгруппы библиографические записи сортируются по алфавиту. Пристатейный нумерованный список литературы следует оформлять в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008.

7. Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторах должны быть представлены на русском и английском языках.

8. Статья должна иметь шифр УДК.

9. Технические требования к статьям:

- набор осуществляется в программе «Word» шрифтом «Times New Roman», размером 14 пунктов с полуторным междустрочным интервалом;

- библиографические ссылки внутритекстовые. В квадратных скобках указывается порядковый номер издания, на которое автор ссылается, при необходимости указывается номер страницы;

- название файла статьи – по фамилии автора (авторов).

10. В случае несоответствия присланных рукописей требованиям к оформлению статей редколлегия оставляет за собой право вернуть рукопись автору без рассмотрения.

11. Рукописи статей рецензируются в соответствии с Положением об институте рецензирования журнала «Вестник Дальневосточного юридического института МВД России» (размещено по адресу: <https://dvui.mvd.ru/document/6828906>). Основными критериями рецензирования являются: актуальность; научная новизна; теоретическая и прикладная значимость; логичность и последовательность изложения; аргументированность основных положений; достоверность и обоснованность выводов. Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала в зависимости от результатов рецензирования.

12. Плата за опубликование статей не взимается.

13. Редакционная коллегия поддерживает связь с авторами только по указанной ими электронной почте (e-mail). При этом редколлегия не несет ответственности за недостоверность представленного ей адреса электронной почты и мер к поиску иных способов связи с авторами не предпринимает. В случае если автор не отвечает в течение более одного месяца на запросы редколлегии, его статья снимается с публикации.